Морская летопись

СОКРУШЕНИЕ ИМПЕРИИ

С.П. Махов
Э.Б. Созаев

Annotation

Большинство наших современников воспринимают Тридцатилетнюю войну (1618–1648) как исключительно европейскую и сухопутную. Однако в действительности этот грандиозный военный конфликт можно считать мировым, ведь он затрагивал не только Старый Свет, но и колонии Азии и Америки. Тридцатилетняя война, как и любое столкновение ведущих держав мира, велась не только на суше, но и на море, причем размах морских операций не уступал масштабам сухопутных, а сражения у Даунса или «Серебряный вояж» Питера Хейна имели не меньшее значение, чем победа при Рокруа или поражение под Берген-ап-Зоомом. Именно в Тридцатилетнюю войну Голландия и Франция пытались отнять у Испании морское господство. Надо сказать, что им это удалось; к 1650-м годам испанский флот представлял собой жалкое зрелище. Очередная книга серии рассказывает о самых значительных морских сражениях и выдающихся флотоводцах Тридцатилетней войны.

- Сокрушение империи
  -
  - Предисловие
    -
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - Эпизод I. В водах Европы
    - Начало войны
    - Фламандская Армада
    - Флот Альбрехта Валленштейна
    - Осада Гданьска
    - Высадка шведов в Померании
    - Шведско-датская война. Блокада Зунда
    - Прорыв голландского флота через Зунд
    - Сражение в проливе Фемарн
    - Блокада Зунда голландским флотом

    - Крейсерские операции в Европе, 1635–1646 годы. Взятие Дюнкерка
  - Эпизод II. Голландская Вест-Индская компания
    -
    - Открытие «лавочки»
    - Атака Кальяо
    - Крейсерство Питера Схутена
    - Атака Пуэрто-Рико
    - «Серебряный вояж» Питера Хейна
  - Эпизод III. Голландская Бразилия
    -
    - В погоне за сахаром
    - Атака Олинды и Ресифи [40]
    - Корсарская армада Окендо в Бразилии. Бои за Порту-Кальву
    - Сражение у Параибы
    - «Нассауская» Бразилия
    - Конец «Новой Голландии»
  - Эпизод IV. Столкновения в Азии
    - Персидский залив
    - Атака Макао
    - Блокада Гоа
  - Эпизод V. Франция против Испании
    -
    - Краткая ретроспектива создания французского флота при Ришелье
    - Рождение Флота Леванта
    - Первые успехи
    - Составы галерных эскадр в бое у Генуи
    - Сражение у Даунса
    - Флот Леванта: 1639–1640 годы
    - Осада Таррагоны
    - Сражение у Барселоны
    - Сражение у мыса Гата
    - Операции против берега
    - Сражение у Орбителло
    - Окончание войны
  - Эпизод VI. Рождение Роял Неви
    -
    - Прелюдия. «Пьяная экспедиция»

        - Ship’s money fleet [75]
        - Мятеж
        - Одиссея принца Руперта
    - Заключение
        -
        - 1
        - 2
        - 3
    - Приложение. Французы в Индии
    - Список основной литературы
    - Вкладка
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27

- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66

- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84

Сокрушение империи

Большинство наших современников воспринимают Тридцатилетнюю войну (1618–1648) как исключительно европейскую и сухопутную. Однако в действительности этот грандиозный военный конфликт можно считать мировым, ведь он затрагивал не только Старый Свет, но и колонии Азии и Америки. Тридцатилетняя война, как и любое столкновение ведущих держав мира, велась не только на суше, но и на море, причем размах морских операций не уступал масштабам сухопутных, а сражения у Даунса или «Серебряный вояж» Питера Хейна имели не меньшее значение, чем победа при Рокруа или поражение под Берген-ап-Зоомом. Именно в Тридцатилетнюю войну Голландия и Франция пытались отнять у Испании морское господство. Надо сказать, что им это удалось; к 1650-м годам испанский флот представлял собой жалкое зрелище.

Очередная книга серии рассказывает о самых значительных морских сражениях и выдающихся флотоводцах Тридцатилетней войны.

Сергей Махов, Эдуард Созаев

Предисловие

1

Согласно определению Большой Советской Энциклопедии, *«Тридцатилетняя война 1618–48 – это первая общеевропейская война между двумя большими группировками держав:*

– стремившимся к господству над всем “христианским миром” габсбургским блоком (испанские и австрийские Габсбурги), поддержанным папством, католическими князьями Германии и Польско-Литовским государством (Речь Посполита), – и противодействовавшими этому блоку национальными государствами – Францией, Швецией, Голландией (республика Соединённых провинций), Данией, а также Россией, в известной мере Англией, образовавшими антигабсбургскую коалицию, опиравшуюся на протестантских князей в Германии, на антигабсбургское движение в Чехии, Трансильвании (движение Бетлена Габора 1619–26), Италии».

Нашим читателем этот общеевропейский конфликт воспринимается прежде всего как затяжная сухопутная война в Европе. Действительно, имена Валленштейна, Тилли, фон Арнима, Густава-Адольфа, принца Морица Оранского [1], Тюренна у всех на слуху. Эти полководцы оставили глубокий след в истории Тридцатилетней войны, их сражениям и маневрам уделяли внимание множество историков разных стран и эпох.

Но дело в том, что Тридцатилетняя война не была только сухопутной и общеевропейской. Этот конфликт стал действительно мировым, и затрагивал не только Старый Свет, но и колонии Азии и Америки. Тридцатилетняя война, как и любое другое столкновение ведущих держав мира, велась не только на суше, но и на море, причем размах водных операций не уступал размаху сухопутных, а сражения у Даунса или «серебряный вояж» Питера Хейна имели не меньшее значение, чем победа при Рокруа или поражение под Берген-ап-Зоомом.

К сожалению, история сражений парусных флотов в большинстве исторических книг о Тридцатилетней войне практически не рассматривается. А ведь именно в Тридцатилетнюю войну Голландия и Франция пытались отнять у Испании морское господство. Надо сказать, что им это удалось, к 1650-м годам испанский флот представлял собой жалкое зрелище.

Это было обусловлено длительной войной, потерей Португалии и

Каталонии, но более всего – жесточайшим финансовым кризисом. Время Испании-супердержавы закончилось.

Мы решили восполнить этот досадный пробел, поскольку, по нашему разумению, тема Тридцатилетней войны является своего рода белым пятном в историографии морских сражений. Широко известен только эпизод у Даунса в 1639 году, но и он чаще всего излагается неверно и тенденциозно.

Историография по затронутой теме очень бедна. Едва ли найдется на русском языке книга, описывающая события Тридцатилетней войны на море, за исключением обзорного труда Альфреда Штенцеля *«История морских войн с древнейших времен до наших дней»*. Но она не свободна от ошибок, многие данные, приводимые немецким историком, устарели или просто неверны. Из иностранных книг по данной тематике стоит выделить следующие: *«Королевский Флот с древнейших времен до наших дней»*Уильяма Лиарда Клоуза, *«Морские сражения в Леванте: 1559–1853» и «Морские сражения на Балтике в эпоху паруса, 1522–1850 годы»*Роджера Чарльза Андерсона, *«История французского флота»*Шарля Ла Ронсьера, *«Испанский флот после объединения Кастилии и Арагона»*Сезарео Фернандеса Дуро, естественно? *«Генеральная морская энциклопедия Испании»*под редакцией адмирала Карлоса Мартинеса-Вальверде, а также книга адмирала Юбера Гарнье *«Французский флот в сражениях: 1610–1715 гг.»*. Историю шведского флота в данный период можно узнать в эпической работе Бакстрёма *«История шведского флота»*, английский флот освещает Винфилд в *«Британские корабли эпохи паруса, 1603–1714»*, полный список литературы мы приведем в конце книги. В последнее время стали доступными и первоисточники (например, выложен в сети Интернет судовой журнал флагмана Маартена Тромпа – «Амелии»), опубликовано несколько справочников по численному составу флотов (например, по французскому флоту великолепнейший фолиант Демерлиака), но для нашего читателя история войн на море в период с 1621 по 1648 год совершенно неизвестна.

А ведь время Тридцатилетней войны – это революция в судостроении и приемах морского боя. Более того – именно тогда впервые в Новой истории Испания попыталась выработать именно стратегию действий на море. В том, что планы эти не реализовались, конечно же, большая вина ее противников, но есть и просчеты самих испанцев. Мы постараемся подробно рассмотреть первоначальные намерения правительства Филиппа IV и Оливареса, трансформацию этих планов и отказ от них. Во многом такой ход событий был обусловлен новизной выбранной стратегии

и совершеннейшим отсутствием опыта в деле борьбы за господство на море. Свою лепту в отказ от планов морской блокады Голландии внес и император Священной Римской империи, а точнее – Альбрехт Валленштейн, который уже в ту пору всерьез рассматривал себя в качестве влиятельнейшего правителя северогерманских княжеств. Мечтаниям этим не суждено было сбыться, однако имя Валленштейна заставило сплотиться и вступить в союз с протестантами ганзейские города Германии, а также пригласить к себе шведский флот и шведские войска.

Сражения на море времен Тридцатилетней войны не ограничивались только испано-франко-голландским состязанием. В указанный период произошли несколько морских сражений, совершенно не связанных с борьбой между Голландией и Испанией. Это, прежде всего, английская экспедиция на Кадис в 1625 году, сражение между польским и шведским флотом под Оливой, а также шведско-датская война 1643–1645 годов и борьба между английским флотом и французами за Ла-Рошель.

Что касается Тридцатилетней войны на море между испанцами, голландцами и французами – здесь (по аналогии с сухопутным делением войны на периоды) можно различить три этапа борьбы на море с 1621 по 1648 год.

Первый период, который можно назвать **испанским**, длится с 1621 по 1629 год. Голландия в указанный период сделала упор на атаку португальских и испанских колоний в Азии и Америке. Это решение можно с полным правом назвать чисто коммерческим предприятием, и штатгальтер, поддержавший создание Вест-Индской компании, более заботился не о благе своей страны, а о своем кошельке. Стратегия эта набивала только карманы амстердамских купцов, торговавших с Америками и Индиями, тогда как жизненно важные для жителей Соединенных Провинций рыболовство в Северном море и торговля с Прибалтикой были поставлены на грань уничтожения.

В свою очередь испанское правительство попыталось реализовать план экономической блокады Голландии. Понимая, что Соединенные Провинции – это государство, живущее морем, Оливарес предложил победить его именно на море. Блокада побережья Голландии вкупе с эмбарго на торговлю с нидерландскими купцами должно было, по мысли испанцев, поставить их давнего врага на колени, выбить саму основу экономики первой европейской республики.

Эти планы рухнули в 1629 году – после неудачной осады Штральзунда и вступления в войну Швеции. Так наступил новый период в войне на море (1629–1635), который можно назвать **голландским** [2], или периодом

хрупкого равновесия. В это время испанцы продолжали наносить удары по голландской торговле, но высадка крупной шведской армии в Германии заставила перебросить все ресурсы на формирование и снабжение сухопутных войск. Нидерландцы, пользуясь перераспределением ресурсов в империи не в пользу флота, смогли захватить несколько важных португальских и испанских колоний в Индии и Америке.

Перелом в борьбе за господство на море обозначился в третьем периоде (1635–1648) – **французском**. После вступления в войну Франции проигрыш Испании на морях стал только делом времени. Теснимая со всех сторон и на суше и на море, империя старалась сохранить свои позиции, но сил для этого явно не хватало.

Саму книгу мы решили построить как совокупность эпизодов борьбы на море времен Традцатилетней войны. Такая структура позволяет рассмотреть не только европейский театр борьбы на море, но и сражения в колониях Вест– и Ост-Индии, а также описания конфликтов, шедших параллельно схватке основных игроков.

2

Но сначала давайте сделаем краткий экскурс в историю взаимоотношений Испании и Голландии.

В 1607 году и Испания, и Голландия были на последнем издыхании. Постоянные траты на строительство крепостей, содержание больших армий, разоренные земли, как следствие – резкое увеличение налогов: все это не могло увеличить популярности войны. Уже в сентябре 1606 года пенсионарий Роттердама Йохан ван Ольденбарвельт убеждал Генеральные Штаты Соединенных Провинций заключить мир с императором. Эти призывы встретили положительную реакцию в Испании – король Филипп III и герцог Лерма сошлись на том, что Голландии можно предоставить суверенитет, если это остановит войну в Нижних Землях. Испанцы соглашались подписать перемирие, если нидерландцы прекратят свою экспансию в португальских владениях в Азии (силами голландской Ост-Индской компании (ОИК) в 1605 году уже были захвачены Амбойн, Тернат и Тидор на Молуккских островах, что вызвало в Испании резко негативную реакцию, поскольку Португалия находилась в унии с Испанией с 1580 года), а также воздержатся от проникновения в Америку.

Перемирие было подписано в апреле 1607 года, однако почти сразу же переговоры были прерваны, поскольку оказалось, что в письменном варианте соглашения голландцы отказались упомянуть о своих обязательствах перед Империей. Это было расценено как унижение Испании. 25 апреля 1607 года нидерландский флот в составе 26 кораблей и 4 флейтов [3]под командованием вице-адмирала Голландии и Западной Фрисландии Якоба ван Хеемскерка разгромил испанскую эскадру дона Хуана Альвареса де Оливы (10 галеонов, 11 паташей) у Гибралтара. Хотя в сражении Хеемскерк погиб [4], голландцы смогли уничтожить все корабли идальго. Это доказывало, что все обещания и авансы, выданные Ольденбарвельтом, не стоят ни гроша – пенсионарий, судя по всему, не смог договориться с правлением ОИК. Стороны сошлись на том, что заключат перемирие на ограниченный срок, и если все устные договоренности будут выполняться, то сядут за стол переговоров и подпишут мир.

Мирные инициативы Ольденбарвельта, ставшего к тому времени Великим Пенсионарием Соединенных Провинций, встретили

сопротивление со стороны штатгальтера Морица Нассауского, а также купцов Амстердама и Зеландии, которые делали на войне неплохие деньги, торгуя с испанцами через «блокированное» устье Шельды. Однако пенсионарию удалось убедить представителей других провинций в необходимости заключения хотя бы перемирия. Ольденбарвельт говорил, что перемирие восстановит голландскую торговлю с Пиренейским полуостровом (которая за время войны практически монополизирована англичанами), сильно уменьшит финансовые траты, а также развяжет руки голландцам в решении вопроса с Данией, которая препятствовала голландским купцам в балтийской коммерции. Далее он продолжал: выполнение обязательств перед испанцами в Индиях компенсируется балтийской и пиренейской торговлей, ведь в конце концов никто не запрещает перекупать продукты колоний уже в самой Испании и продавать их по взвинченным ценам. Партия мира перевесила партию войны.

Испанцы предложили перемирие сроком на 12 лет, обязательным условием прекращения военных действий была также свобода вероисповедания для оставшихся в Голландии католиков. Ольденбарвельт отказался от подписания, мотивируя это тем, что протестанты в Нижних Землях не смогут обеспечить этого условия. Скрепя сердце пункт о католиках выкинули, и 9 апреля 1609 года перемирие было подписано.

Голландскую республику немедленно признали другие государства: нидерландских послов приняли у себя Англия и Франция, вскоре установились дипломатические отношения с Венецией, Марокканским султанатом, Оттоманской Портой, а потом и с остальной Европой. Но подписанным перемирием оказались недовольны купцы ОИК – эти воротилы рассматривали заключенный договор как отсрочку, которую дали испанцам и португальцам для укрепления позиций в своих колониях. Да, эмбарго на коммерцию с Америками закончилось, однако испанские колонисты самочинно ограничили торговлю с Голландией только береговой линией между Каракасом и устьем Амазонки. Акции ОИК упали на 34 процента по сравнению с 1608 годом. Отмена блокады Антверпена позволила Фландрии восстановить свою торговлю, текстильная промышленность Испанских Нидерландов переживала бурный рост, тогда как голландская испытывала резкий спад, заработная плата лейденских ткачей упала в несколько раз. Зеландская транзитная торговля с Фландрией также прекратилась – после деблокады устья Шельды услуги зеландских посредников оказались просто не нужны.

Кризис экономики вызвал сильные политические волнения в Голландии, что позволило протестантам вкупе с экономическими

требованиями протолкнуть и религиозные. Теперь католическое вероисповедание повсеместно запрещалось на территории Соединенных Провинций, а различные протестантские течения начали борьбу между собой. Все это привело к государственному перевороту в 1618 году – Мориц Нассауский при поддержке своих сторонников арестовал Ольденбарвельта, Гротиуса, Леденберга, должность Великого Пенсионария была ликвидирована. Главой и законодательной, и исполнительной власти стал штатгальтер (стаудахер), на эту должность назначили Морица. Ольденбарвельт был осужден и приговорен к смертной казни.

Пришедшее к власти правительство было не склонно к компромиссам с Испанией. Теперь голландцы, вопреки условиям соглашений, возобновили блокаду побережья испанской Фландрии, что позволило Амстердаму оттеснить торговые компании Антверпена с балтийского и английского рынков и заместить конкурента в этих регионах. Голландцы быстро монополизировали транспортные услуги по перевозке из Балтики и Скандинавии различных товаров, в том числе меди, зерна, корабельного леса, пеньки и т. д. Кроме того, дельцы из Амстердама вовсю поощряли ввоз контрабандного товара на Иберийский полуостров, не допускали иностранных купцов к получению торговых лицензий, что больно ударило по испанским и ганзейским купцам (а среди последних было довольно большое количество подданных испанского короля) и привело к череде петиций в Эскориал, где обманутые купцы требовали возобновить войну с Голландией.

В Азии голландская Ост-Индская компания активно «приватизировала» португальские колонии, изгоняя португальцев из региона и монополизируя перевозку в Европу пряностей, специй и азиатских товаров. Новый директор ОИК Ян Питерсзоон Кун (*Coen*), назначенный в 1614 году, к 1619 году захватил острова Яктару и Яву (попросту выбив оттуда англичан) и организовал там крепость Батавия, а также штаб-квартиру компании. Появились голландские колонии на Цейлоне. В 1620-м были захвачены острова Банда, и Голландия получила монополию на мускатный орех. Кун не ограничился закупкой товаров в Азии и поставкой их в Европу – для уменьшения вывоза серебра и золота из Голландии он решил создать внутриазиатскую торговую систему, то есть посредническую торговлю между Индией, Китаем и Индонезией. Это ему вполне удалось. И англичане, и испанцы ненавидели Куна. Директор английской Ост-Индской компании публично заявлял, что *«даже самая высокая виселица в старой доброй Англии недостаточно высока для Куна»*. Тем не менее благодаря экспансии нового директора голландской

ОИК нидерландцы получили монополию на вывоз пряностей с Молуккских островов, а торговые конкуренты (прежде всего англичане) были просто вышвырнуты в Индию.

В это же время ОИК получил факторию на Тайване, которая долгое время оставалась единственным местом, где европейцы могли торговать с купцами из Японии.

Кроме того, испанцы уже были наслышаны о планах создания Голландией Вест-Индской компании (ее создали 3 июня 1621 года, спустя 3 месяца после возобновления войны), и ничего хорошего от нее не ждали, поскольку уже вполне познакомились с методами голландцев в Азии.

В свою очередь Голландия, пользуясь хлынувшим в ее пределы богатством, реорганизовала свою армию, подтянув ее до уровня испанской, а также создала мощнейший флот, способный бороться с испанским на равных. К 1620 году Соединенные Провинции оккупировали часть Фландрии, вели антииспанскую политику в Германии, а также заключили союз с Венецией и Савойей против Испании, снабжали деньгами и оружием берберийских пиратов и марокканского султана.

3

Немного о двух главных противниках первого периода Тридцатилетней войны.

Итак – испанский флот. Со времен Филиппа II испанский флот был самым многочисленным в Европе и считался признанным законодателем мод. Рассказы о легкой победе *«пиратов Ее Величества»*над Непобедимой армадой не должны вводить в заблуждение – англичане ничего не смогли сделать с крепкими испанскими галеонами, теория Эффингема, Фробишера и Хокинса о возможности нанесения противнику больших потерь с помощью пушечного огня потерпела полное фиаско. За все время боев от Плимута до Сеймура с 22 по 31 июля (1–9 августа по новому стилю) 1588 года «морские ястребы» Елизаветы смогли захватить (не потопить!!!) только 3 корабля: 1150-тонный 46-пушечный «Нуэстра сеньора дель Розарио» (отбившийся от главных сил), зафрахтованный 500-тонный 16-пушечный гамбургский галеон «Фалькон Бланко Майор» (взят на абордаж Френсисом Дрейком), 958-тонный 25-пушечный «Сан-Сальватор» (произошел взрыв пороха в крюйт-камере, от взрыва судно загорелось, позже захвачено). В бою в заливе Лайм, несмотря на большую пальбу с той и с другой стороны, потопленных кораблей не было совсем. После атаки брандерами у Кале испанцы потеряли всего лишь один неаполитанский галеас (повредил руль, сел на мель, захвачен англичанами), а чуть позже потеряли три галеона (последние захвачены голландцами). В принципе всю работу за «морских ястребов» Елизаветы сделала погода – ветер изменился на юго-западный, и Непобедимая армада вынуждена была совершить плавание вокруг острова, штормы и кораблекрушения уменьшили численность судов, так что в испанские порты на берегу Бискайского залива возвратилось всего 63 корабля Непобедимой армады и менее половины матросов и солдат.

Следует отметить тот факт, что уже на следующий год к берегам Англии была послана еще одна армада, которая не смогла приблизиться к британскому побережью из-за противных ветров. Всего до 1599 года было собрано три подобных флота, которые так и не смогли высадить войска в Уэльсе или Ирландии, кроме экспедиции 1599 года, когда Амброзио Спинола все же высадился недалеко от Лимерика (Ирландия) с 3600 солдатами, однако восстания ирландских католиков (на которое так

надеялись испанцы) не произошло, испанцы были окружены превосходящими английскими силами, и, по условиям капитуляции, им разрешили вернуться в Испанию, причем без обычного в те времена выкупа. Провал трех экспедиций можно объяснить плохой подготовкой экипажей испанских кораблей, как писал один из современников: « *У нас много кораблей и много людей, но нет ни флота, ни моряков*» [5]. Впрочем, для Испании вообще флот и море были всегда на вторых ролях, испанские короли совершенно не понимали значимости и важности флота, и это при том, что основные поступления золота и серебра обеспечивали «серебряные конвои», везущие сокровища из Вест-Индии в Европу!

Общие траты на флот не превышали 25 000 эскудо [6], тогда как только на одну фламандскую армию (от 20 до 40 тысяч человек) тратилось в разные годы от 200 до 350 тысяч эскудо, то есть в 10 раз больше! Основной (и судя по всему – единственной) статьей расходов в морском бюджете было строительство кораблей и их оснащение. Задач подготовки экипажей или улучшения квалификации командного состава не ставилось вовсе.

Постоянной проблемой испанского государства было превышение расходов над доходами. К 1621 году Империя уже несколько раз успела побывать банкротом (в 1557, 1560, 1576, 1596 и 1607 годах). Чтобы как-то решить проблему несвоевременных платежей, новый король Филипп IV ввел в обращение новые деньги, которые народ прозвал «низкопробными» (*vellon*) [7]. В этих монетах была на треть снижена доля серебра, хотя номинал их остался прежним. Это в свою очередь создало две проблемы – галопирующую инфляцию, которая достигла пика к 1650 году (когда количество серебра в деньгах снизилось на 50 %), и фальшивомонетничество. Второй головной болью правительства Филиппа IV были откупщики. Как мы уже отмечали, Филиппом и Оливаресом было принято принципиальное решение – победить Голландию на море, ибо оттуда происходит ее богатство. Это требовало не только увеличения трат на флот, но и создания денежных фондов под корабли. Дело в том, что флот – вещь сезонная, способная действовать только в период с весны по осень (исключая галеры Средиземного моря), поэтому, к примеру, в сентябре закупки делались для оснащения флота на следующий год, деньги в январе тратились на приведение флота в боевое состояние к маю, в мае – на довооружение и провиант для моряков. Это требовало создания отдельных накопительных счетов (где оседали бы ежемесячные поступления на флот), а также стабильности в финансовом положении государства, поскольку при больших темпах инфляции деньги,

выделенные осенью этого года, к весне следующего года могли просто обесцениться. Ничего из вышеприведенных мер не было сделано. Денег постоянно не хватало, часто из фондов флота они изымались на другие нужды, система комплектования кадров была поставлена просто отвратительно (стоит отметить, что часто набор на флот начинался тогда, когда рыбаки – основной контингент экипажей кораблей – уже вышли в море за рыбой), командам кораблей выдавали жалование «низкопробными» деньгами, а не серебряной монетой, не платили вовремя даже иностранным волонтерам. Кроме того, в начале XVII века Испания не обладала достаточно развитой судостроительной промышленностью, способной удовлетворить все нужды флота, а также медленно деградирующим торговым судостроением и совершенно неудовлетворительным финансированием военных кораблей.

В 1621 году испанский флот насчитывал несколько соединений постоянного состава: это Фламандская армада (4 королевских корабля и большое количество корсаров [8], обладающих каперским патентом, базирование на Дюнкерк), Армада Южных морей (большие галеоны, в основном – португальские, для защиты атлантического и тихоокеанского побережий Южной Америки, базирование на чилийский Сантьяго), Аверья Флота (*Armada de la Averia*) – (эскорт «серебряных флотов», базирование на Картахену и Веракрус), Гуарда-Коста *(Armada Real del Oceano*) (защита собственного побережья, самые сильные галеоны, порт приписки – Кадис), а так же Гипускоанская армада (3 королевских корабля, большое количество корсаров, порт – Сан-Себастьян) и Неаполитанская армада (борьба против турок и варварийских пиратов, в основном галеры). Кроме того, по мере надобности создавались оперативные соединения переменного состава – Армада Барволенто (защита баз на Подветренных островах), Ртутная армада (*Azogues*, специальный эскорт для конвоя, везущего ртуть в Вест-Индию; в ту пору с помощью ртути очищали серебро от примесей), Филиппинская армада (базирование на Манилу, защита испанских владений на Филиппинах), и т. д. Каждая армада могла состоять как из одной, так и из нескольких эскадр, в зависимости от выполняемых задач. Например, Фламандская армада состояла всего из одной эскадры – дюнкеркской, а вот Неаполитанская армада – из эскадр Неаполя, Сицилии, Сардинии. Общее количество королевских военных кораблей в испанском флоте в указанный период было свыше 40 единиц.

В 1627–1628 годах было спущено на воду 18 галеонов с вооружением от 30 до 66 орудий (общее количество испанских королевских кораблей достигло 67 галеонов; для сравнения – в этот момент в Англии было около

20 королевских кораблей, во Франции – 42 корабля, тогда как в 1629–1632 годах больших кораблей испанцы не строили вообще.

К 1625 году стандартным военным судном под флагом Испании был 500-тонный галеон с тремя мачтами и вооружением около 30 орудий и осадкой в 8–9 футов [9]. Это были прочные, тяжелые суда, с двумя ярусами парусов (в основном – прямых), и вследствие этого маломаневренные. Однако галеон из-за своей прочности и вместимости был для испанцев универсальным кораблем – он отлично подходил как для торговых, так и для военных операций, имел довольно сильное вооружение, большую команду (что было немаловажно при абордаже, а это основной боевой прием, культивировавшийся испанцами) и неплохую мореходность во время штормов. В общем, это был именно океанский корабль, со всеми его достоинствами и недостатками. Основными центрами испанского кораблестроения являлись Кадис, Лиссабон, Ла-Корунья, Ферроль, а с 1610 года – и Гавана на Кубе, где строились отличные корабли из американского красного дерева. Средиземноморские и баскские эскадры содержали довольно большое количество галер и галиотов для действий в прибрежных водах противника.

Помимо галеонов испанцы строили и более мелкие корабли. В водах Европы очень часто использовались паташи – это маленькие военно-торговые суда (до 200 тонн), с одной-двумя мачтами, несущими преимущественно косые паруса. Аналогом их по использованию в голландском флоте были яхты [10]. Большим плюсом этих кораблей была хорошая маневренность и большая скорость, однако вооружение их, конечно же, было гораздо слабее, чем на галеонах.

Для перевозки грузов или войск, а также во время нехватки кораблей испанцы часто фрахтовали суда частных владельцев. Они проходили в документах того времени как «урка» (*urca*). Это были транспортные корабли, в 300–400 тонн, довольно тихоходные и слабовооруженные, но очень вместительные.

Во Фламандской армаде часто использовались корабли, построенные по голландским образцам – это флейты, пинасы, яхты, и т. п. Мы поговорим об этих типах судов подробнее в следующей главе, но испанцы их часто числили либо паташами, либо «урками», что создало большую проблему в определении типов кораблей для современных исследователей.

Отдельной вертикали власти во флоте не было, хотя король назначал генерал-адмирала Океана, который, по сути, являлся морским министром. Тот в свою очередь назначал директор-генерала, то есть

главнокомандующего флотом. В случае выхода какой-либо армады директор-генерал в походы посылал генерал-лейтенантов Океана. Эскадрами командовали капитан-генералы королевского флота. Парусные и гребные суда имели отдельное руководство, что создавало большие проблемы при совместных действиях галер и галеонов. В любой эскадре назначались капитан (командующий эскадрой) и альмиранте (его заместитель), причем и тот и другой не всегда были капитан-генералами (при этом это были не звания, а временные должности). Звания в испанском флоте давались не согласно опыту или знаниям, а по знатности и богатству. Связано это было не только с презрением к представителям буржуазии или людям мантии, а еще и с особенностями командования испанскими армадами. В походе очень часто командующие были обязаны покрыть неплатежи испанского министерства финансов за счет собственных или привлеченных средств, причем были такие случаи, когда эти расходы потом не возмещались.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что Армада Эспанья был в то время большим, но неорганизованным флотом, имевшим постоянные проблемы с финансированием, выучкой экипажей и непонятной вертикалью командования.

4

В Голландии были свои проблемы. Три из пяти провинций, имевших выход к морю, имели отдельные адмиралтейства: это Голландия (имевшее три Адмиралтейства – северное в Амстердаме и южное – в Роттердаме [11], а также Адмиралтейство Северных областей Голландии в городах Монникендам, Хоорн, Энкхёзен и Медемблик), Фрисландия (Харлинген [12]) и Зеландия (Миддельбург), которые содержали пять отдельных эскадр, возглавляемых лейтенант-адмиралами (фрисландская эскадра не имела флагманов до 1665 г.). Адмиралтейства, хотя и были организованы в различных провинциях, подчинялись напрямую штатгальтеру и были в федеральном, а не провинциальном, подчинении. Основной задачей этих учреждений был контроль сбора денег на флот, а также вооружение и оснащение своей эскадры. В свою очередь Адмиралтейства по требованию провинциальных штатов осуществляли конвои купеческих судов своей провинции. В случае же полномасштабной войны Адмиралтейства сообща выбирали лейтенант-адмирала, который командовал объединенным флотом; он обязательно должен был быть представителем провинции Голландия). Капитаны судов в то время не служили во флотах на постоянной основе, а приглашались только на время военных действий или какой-либо операции. Они имели временные патенты на определенный срок службы.

Конечно же, подобная система создавала большие неудобства в комплектовании и снаряжении флота. Отсутствие централизации не позволяло в мирное время проводить учения, унифицировать вооружение и корабли, а также приводило к жестоким спорам относительно главенства над соединенным флотом. Купцы разных провинций, имевшие совершенно разные коммерческие интересы, очень часто не могли договориться о стратегии использования флота. Так, после возобновления войны с Испанией (в апреле 1621 года) мнения по основным задачам эскадр сильно разделились. Амстердам, традиционно ориентированный на внешнюю торговлю и коммерцию с колониями, настаивал на использовании больших сил именно в колониях. Купцы северной части провинции Голландия считали, что убытки от испанского каперства в Северном море и от эмбарго они вполне могут возместить захватами испанских колоний и кораблей в Новом Свете и Азии. Поэтому уже через три месяца после начала военных

действий (3 июня 1621 года) в Амстердаме создается голландская Вест-Индская компания. В главе 40-й Устава этой компании (мы полностью приводим этот Устав в Приложениях) говорилось: *«Если какие-либо силы будут мешать торговле компании – мы разрешаем ей вести военные действия от имени государства; для этого Компания получает 16 военных кораблей, 4 вооруженные яхты и 150 торговых судов, которые вкладчикам дозволяется вооружить по своему усмотрению. <…> Все военные корабли и вооруженные суда подчиняются адмиралу, который назначается Общим Советом Компании и подотчетен этому Совету, а также обязан исполнять все его резолюции»*.Естественно, что корабли, выделенные в помощь ВИК, были отняты из соединенного флота, что вовсе не обрадовало другие провинции. Купцы Роттердама, другого крупного коммерческого города Нидерландов, имели основные интересы на Балтике, а также в торговле с Фландрией. Все усилия Маасского адмиралтейства были направлены на блокаду Дюнкерка и на защиту балтийских конвоев. Фрисландия жила в основном за счет сельдяного промысла, поэтому основной их задачей была защита буссов рыбаков, выходящих в Северное море, однако сил только этих двух провинций совершенно не хватало.

Все это усугублялось некомпетентным командованием голландского флота. 16 октября 1622 года лейтенант-адмиралом Голландии и Западной Фрисландии стал бывший капитан 20-пушечного «Меермин» Филипс ван Дорп, только год назад пришедший во флот. Он сменил на этом посту престарелого Йохема Хендриксоона Свартенхольта, знаменитого флотоводца войны 1568–1609 годов. Назначение Дорпа объяснялось не способностями нового адмирала, а близостью его семьи (отец новоиспеченного лейтенант-адмирала командовал полком у батюшки Морица – Вильгельма «Молчаливого» [13]) к дому принцев Оранских. Скорее всего, Мориц Нассауский хотел иметь на подобном посту своего человека, который проводил в жизнь все его решения. Дорп оправдал эти чаяния, полностью поддерживая штатгальтера во всех начинаниях. Однако в адмиральство Филипса блокада Дюнкерка и охрана конвоев велись из рук вон плохо, и хотя в 1624 году он добился некоторых успехов, захватив несколько корсарских судов, в целом ситуация во внутренних морях Голландии оказалась плачевной.

Ситуацию с флотом Голландии можно кратко охарактеризовать известной русской поговоркой: *«Кто в лес, кто по дрова»*. Все усилия фризов доказать выгодность защиты рыбных промыслов наталкивались на совершенное непонимание амстердамских купцов, крики роттердамцев о плотной блокаде Дюнкерка совершенно не трогали остальных, а призывы

амстердамцев резко увеличить военный флот Вест-Индской компании представителями других адмиралтейств воспринимались как совершенное издевательство. Именно подобное положение вещей стало причиной больших успехов испанской Фламандской эскадры в Северном море. Голландцы никак не могли договориться о совместных действиях, что позволяло дюнкеркцам раз за разом прорывать хлипкие блокирующие заслоны и выходить на охоту. Испанцы, совершенно не разбирающиеся в особенностях морской политики разных провинций, захватывали и груженые сельдью буссы фризов, и набитые корицей и гвоздикой флейты амстердамцев, и пинасы с солью и вином роттердамцев. В результате страдали все.

Число военных кораблей Нидерландов было довольно небольшим, но в случае необходимости голландцы широко реквизировали торговые суда, ставя на них дополнительные пушки. Еще Уолтер Рейли писал, что в Нидерландах *«столько кораблей, сколько в одиннадцати христианских королевствах, вместе взятых»*. Соединенный флот Голландии мог составлять до 150 кораблей, из которых около 50 были специальной военной постройки.

Хотя в голландском флоте (как и в испанском) использовались галеоны, все же основным типом корабля был «орлогсхип» (военный корабль). Это был своего рода переходный тип между галеоном и линейным кораблем. Голландские «орлогсхипы» несли от 18 до 42 орудий, имели два или три яруса парусов и одну закрытую батарейную палубу (дек). В 1632 году на верфях Роттердама по заказу Маасского адмиралтейства был спущен на воду двухдечный (то есть имевший две закрытые орудийные палубы) флагман голландского флота – 56-пушечный «Амелия», названный в честь супруги штатгальтера Голландии принца Оранского – Эмилии фон Сольмс. Этот корабль был новым словом в военном кораблестроении, судно строилось с учетом пожеланий военных как флагманское и в новой войне стало неизменным флагшипом адмирала Тромпа [14].

Очень популярным кораблем в Соединенных Провинциях был флейт. Из описания современников: *«В 1595 году в Хорне было спущено на воду судно, которое называют хорнским бегуном или флейтом; оно построено очень широким, так что его ширина не менее, чем вчетверо, меньше его длины, а другие были еще длиннее и очень удобны для плавания по морю, так как способны ходить под парусами против ветра и имеют малую осадку»*. Вообще флейтом называли трехмачтовое транспортное судно XVI – XVIII веков, имевшее небольшую осадку. Отличительной

особенностью флейта была круглая корма и сильно заваленные внутрь борта, делавшие палубу довольно узкой. До начала XVIII века несли на фок– и грот-мачте прямые, а на бизань-мачте – только косые паруса. Вооружались 4–26 мелкими пушками (в зависимости от размеров кораблей и калибра орудий) и могли использоваться в военном флоте в качестве транспортов или вспомогательных боевых единиц. Парусное вооружение фок– и грот-мачт у флейтов состояло из фока и грота и соответствующих марселей, а позже, на больших флейтах, и брамселей. На бизань-мачте выше обычного косого паруса поднимали прямой парус крюйсель. Это, естественно, потребовало удлинения мачт, но в то же время сами паруса, сделавшись меньшими по площади, потребовали меньшего количества матросов для управления ими. Именно на флейтах впервые были установлены штурвалы.

Самое большое количество военных кораблей, галеонов было в эскадрах Амстердама и Роттердама, поскольку эти большие суда строились для защиты вест– и ост-индских конвоев, поэтому обладали большой вместимостью и хорошей мореходностью. Для эскорта купцов в пределах Балтики и Средиземного моря – там, где торговые суда заходили в порты по пути следования и вели выгодную торговлю недалеко от берега и между портами были небольшие по времени переходы – использовались реквизированные и вооруженные адмиралтействами флейты и пинасы.

Пинас – это небольшое транспортное судно типа несколько уменьшенного флейта, распространенное в странах Северной Европы в XVI – XVII веках. Как и флейт, имел небольшую осадку, но отличался от него плоской кормой. Нес две-три мачты. Пинас мог оснащаться веслами, необходимыми в безветренную погоду при каботажных плаваниях. В военных флотах использовался для разведывательных и транспортных целей.

Также очень многочисленным типом кораблей у голландцев были яхты (вооружение не превышало 6–12 орудий). Их основным достоинством была скорость и легкость хода, поэтому в военном деле они использовались для дозорной, почтовой и разведывательной службы. Это были одно– или двухмачтовые суда небольшого водоизмещения, с преимущественно косыми парусами.

Помимо упомянутых типов судов у голландцев было еще довольно много разновидностей кораблей – это и эверы, и буссы, и буеры, и тьялки, однако в документах адмиралтейств чаще всего они упоминались как тендеры или брандеры, то есть небольшие одно– или двухмачтовые суда, используемые для действий в прибрежных водах, разведки и в качестве

брандеров при атаке больших кораблей противника.

Резюмируя, можно сказать, что по качеству и количеству судов голландский флот на тот момент не имел равных, однако сильная децентрализация военного управления, совершенно неудовлетворительная система набора и подготовки экипажей, а также отсутствие четкого планирования и постоянные трения между адмиралтействами различных провинций привели к тому, что к началу войны голландский флот не смог сформироваться как единая боевая сила, и действовал разрозненно, тем самым нивелируя преимущество голландцев в кораблях.

5

Крупнейшими морскими сражениями до Тридцатилетней войны с большим правом можно считать всего два – Лепанто и серию боев с Непобедимой армадой. Именно эти два сражения повлияли на дальнейшую историю развития военно-морской тактики и даже на строительство кораблей.

В сражении при Лепанто гребные суда христиан победили гребной флот мусульман. Пушечный бой играл там хоть и важную, но второстепенную роль, основные схватки произошли при абордажах кораблей. Таким образом, в этом сражении все решало лучшее вооружение среднего испанского пехотинца по сравнению со средним мусульманским воином. Испанцы, благодаря насыщению морской пехоты огнестрельным оружием и тяжелым доспехам, просто сметали абордажные партии турок с мечами, луками и легким защитным вооружением.

Серия сражений английского флота с испанской Непобедимой армадой с 1 по 10 августа 1588 года также не выявила преимущества артиллерийского боя. Назначенный в 1573 году казначеем и инспектором Королевского флота Джон Хокинс говорил, что по возможности надо уйти от тактики абордажа, активнее использовать дальнобойные пушки, стремиться сбить такелаж и рангоут у противника, дабы сделать его неуправляемым. Новый инспектор флота полностью отверг испанский опыт, где в составе экипажей находились всего лишь четверть моряков и три четверти солдат. Напротив, Хокинс предложил комплектовать команды в основном моряками и артиллеристами, причем в совершенстве знающими свое дело. К 1588 году этот флот, специально пестовавшийся для артиллерийского боя 15 лет, не смог ни остановить испанскую Армаду, ни нанести ей существенные потери. По сути, лишь устойчивый зюйд-вест и несобранность Фарнезе спасли Англию от вторжения и неминуемого поражения. Оказалось, что артиллерия пока еще не достигла пика своего развития, и лучшее ее применение – это огонь по верхней палубе и такелажу в надежде нанести абордажным партиям противника существенные потери либо ослабить сопротивление перед захватом судна.

Это выглядит не таким уж и фантастичным, если вспомнить, что орудия больших калибров тогда обладали малой дальностью выстрела, а залп из легких орудий не мог пробить борт вражеского корабля. Для

примера – на испанских и голландских кораблях очень редко встречались орудия более 26 фунтов. Это полностью укладывалось в концепцию вспомогательной роли артиллерии: задача пушек – быстро стрелять, а большие калибры требовали значительного времени на перезаряжание.

Таким образом, **первый вывод**, сделанный из боев у Лепанто и в Ла-Манше, был следующим – **главным приемом морского боя был и остается абордаж**.

В то же самое время бои с Непобедимой армадой показали, что быстрые, легкие, маневренные суда легко могут избежать абордажа более тяжелых, но неповоротливых галеонов противника, а также легко удержат такое расстояние, на каком пушки галеонов будут малоэффективны. Отсюда последовал **второй вывод** – в эскадре обязательно должно быть довольно большое число малых судов, которые либо будут отгонять подобные суда от главных сил, либо будут атаковать противника. Понятно, что один на один малое судно с маленькой командой почти не имеет шансов при абордаже вражеского корабля. Отсюда флотоводцы сделали **еще один вывод – при абордаже больших кораблей малыми надо создать локальное превосходство в силах**, то есть один большой корабль должны атаковать три-пять малых кораблей.

Так появилась **тактика «роя».**Для атаки противника корабли выстраивались в соответствии с данной тактикой – то есть концентрируясь у флагманов дивизионов. Дивизионы насчитывали три-пять кораблей. Сам флот делился на авангард, арьергард и центр, причем авангард и арьергард часто использовались не как передняя и задняя линии кораблей, а как на суше – по флангам, «полк правой руки», «полк левой руки». Руководство боем присутствовало только на начальном этапе, далее каждый корабль сам выбирал себе цель. Если противник имел суда большого водоизмещения, то их атаковали одним или двумя дивизионами. Задачей кораблей «роя» было быстрее сблизиться и идти на абордаж. Так же как ранее запорожские казаки или позже – «морские служители» гребного флота Петра Великого, множество мелких корабликов облепляли «левиафаны» противника и со всех сторон призовые команды высаживались на неприятельские палубы и шли на абордаж.

Но что делать, если противник имеет большие силы, чем атакующий? Или если построение противника исключает атаку «роем»? **Для разрушенияврaжеского строя и нанесения существенных потерь использовались брандеры** – корабли, нагруженные легкогорючими либо взрывчатыми веществами, используемыми для поджога и уничтожения вражеских судов. Такой корабль мог управляться экипажем, покидавшим

судно в середине пути, либо сплавляться по течению или по ветру в сторону вражеского флота. Плывущие на деревянные суда факелы обычно полностью расстраивали построение и управление вражеским флотом, что продемонстрировала атака у Гравелина Непобедимой армады, где испанцы потеряли все якоря и, по сути, уже не могли принять на борт сухопутные части Фарнезе.

Голландский флот быстро сделал для себя именно такие выводы – более легкие суда нагрузили легкой же артиллерией и снабдили увеличенными командами. Что же касается испанцев – они решили, что их крепкие галеоны с большим количеством морских солдат представляют довольно крепкий орешек для любого атакующего. Как мы уже говорили – галеон для идальго был океанским кораблем, со всеми его достоинствами и недостатками. И главную роль в строительстве галеонов играл именно их универсализм, а не заточенность под конкретные боевые задачи. Сегодня он мог везти груз в Вест-Индию, завтра – плыть за товарами в Манилу, послезавтра на галеон водружали пушки и корабль участвовал в военной экспедиции к Ла-Маншу, а еще через несколько дней судно, вернув пушки в кадисский арсенал, опять направлялось за серебром в Вест-Индию. Да, это был тяжелый и неповоротливый корабль, однако задача атаки чьей-либо морской торговли перед галеонами не ставилась, галеоны скорее должны были опасаться, что их атакуют, поэтому скорость им не особо была нужна. Примечательно, что в той же Фламандской армаде, ориентированной именно на борьбу с голландской торговлей и голландским флотом, галеоны вскоре исчезли как класс, а их место заняли военные корабли (по типу голландских и английских) и «дюнкеркские» фрегаты (модифицированные флейты с удлиненным и зауженным корпусом и тремя ярусами парусов). В отличие от фрегатов более позднего времени «дюнкеркцы» были ориентированы именно на абордаж, имея хорошую скорость, отличную маневренность, легкое вооружение (чаще всего орудия от 8-фунтовок и меньше) и увеличенную команду. Большие стаи этих корабликов стали грозной силой Ла-Манша и Северного моря, они почти смогли сломить голландское сопротивление, и лишь в 1637 году, после реорганизации голландского флота, Соединенные Провинции смогли хоть как-то ограничить деятельность фламандских корсаров.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что основным тактическим приемом оставался, как и в прежние годы, абордаж. Все флоты активно использовали брандеры, а пушечный бой в большей части боев использовался как вспомогательное средство.

Мы долго думали, как скомпоновать данную книгу. Действительно, бои параллельно шли на нескольких военно-морских театрах, зачастую операции были не связаны между собой, более того – в этот период происходили несколько локальных войн, которые также довольно интересно было рассмотреть и упомянуть в контексте сражений Тридцатилетней войны. В результате было решено разбить описание по театрам военных действий – эпизодами.

В эпизоде первом мы рассматриваем военные действия в водах Европы. Здесь мы поговорим и о Фламандской армаде, и о флоте Альбрехта Валленштейна, и даже о победе польского флота над шведским под Оливой. Кроме того, рассмотрим высадку шведских войск в Померании и шведско-датскую войну 1644–1645 годов.

Эпизод второй посвящен голландской Вест-Индской компании, которая была создана в 1621 году для атак на колонии Испании и Португалии (последняя в рассматриваемый момент была в личной унии с королевством Филиппа II). Закончим мы данную главу описанием «серебряного вояжа» голландского капитана Пита Хейна в 1628 году.

Эпизод третий расскажет нашим читателям о Голландской Бразилии – тема, которая, наверное, вообще не рассматривалась в отечественной научной и научно-популярной литературе. Эта глава даст возможность посмотреть на подробности войны в колониях, а также расскажет об особенностях партизанской войны в XVII веке.

В эпизоде четвертом изложены действия противоборствующих сторон в Азии. Голландская Ост-Индская компания, блокады португальского Гоа, атака Макао, соперничество британцев и голландцев – эту главу мы посвящаем этим вопросам.

Эпизод пятый описывает сражения на Средиземном море между Испанией и Францией. Читатель узнает, как с нуля кардинал Ришелье смог создать отличный флот, который к 40-м годам XVII века стал довольно значимой силой в регионе.

Эпизод шестой посвящен английскому флоту в период с 1627 по 1652 год. Мы изложим особенности военно-морского строительства Англии и опишем действия республиканского и роялистского флотов в гражданской войне 1642–1652 годов.

Также мы решили включить в книгу одно *Приложение*. Это рассказ о французской торговой компании Ла Мельере, предвестнице французской ОИК.

Засим, приятного вам чтения, надеемся, понравится!

Эпизод I. В водах Европы

Начало войны

Постоянное вмешательство испанского правительства в междоусобицы и гражданские войны во Франции и других государствах породило ответное стремление этих стран связать руки Мадриду, подстрекая его к продолжению вооруженной борьбы против Голландии – тогда главной силы протестантизма в вековом конфликте. При этом пускалась в ход сознательная дезинформация – испанцев с помощью ложных слухов старались убедить, что голландцы обессилены раздорами между сторонниками и противниками войны. Испания втягивалась в войну, которая явно превышала ее силы. В апреле 1619 года главный советник Филиппа III дон Бальтазар де Сунига писал: *«Мы не в состоянии вооруженной силой вернуть эти провинции в их прежнее подчиненное положение. Тешиться надеждой, что мы сможем покорить голландцев – значит стремиться к невозможному, обманывать самих себя»*. И тем не менее в политике Мадрида и во время 12-летнего перемирия (1609–1621) конфликт между Испанией и Голландией *«оставался ключевым вопросом международных отношений»*.

К весне 1621 года окончилось перемирие между Испанией и Голландией. Испанское правительство и его наместники в Брюсселе долго колебались, прежде чем принять решение не возобновлять перемирие на новый срок. В результате правительство испанского короля Филиппа III выступило с ультиматумом к Голландии: Испания была готова признать независимость Голландии, если Соединенные Провинции снимут блокаду с Антверпена и прекратят свою колониальную экспансию, а также обеспечат свободу вероисповедания для нидерландских католиков. Поскольку в Генеральных Штатах абсолютное большинство занимали купцы из Голландии, Зеландии, Флиссингена и Мааса, а данный ультиматум испанцев (в случае его принятия) грозил коммерсантам большими убытками, Соединенные Провинции отвергли его, а в апреле 1621 года Испания и Голландия объявили друг другу войну, однако за несколько дней до окончания перемирия Филипп III умер, и в начале военных действий произошла непредвиденная заминка.

Возобновление войны испанские власти мотивировали оборонительными мотивами – необходимостью положить конец нападениям голландцев на заморские владения короны, а также тем, что

республика использовала перемирие для расширения своей посреднической торговли. Если не возобновить войну, то, мол, будут потеряны одна за другой колонии в Новом Свете, потом Фландрия, владения в Италии, в конце концов дойдет очередь и до самой Испании. Эти соображения перевешивали аргументы тех, кто доказывал непосильность войны для испанских финансов.

В ходе войны в Мадриде уже не ставили целью полное подчинение Северных Нидерландов, а лишь – по словам герцога Гаспара де Гусмана-и-Пиминтеля, герцога Оливареса (фаворита нового короля Филиппа IV) – стремились к тому, чтобы *«принудить голландцев к дружбе»*с Испанией, то есть заставить их занять устраивающую ее позицию в отношении южной части Нидерландов, в вопросе о колониях в Новом Свете и т. д.

Для Голландии возобновление войны также было связано с большими экономическими потерями, даже помимо роста военных расходов. Вероятно, до двух пятых всей морской торговли Голландии, если мерить тоннажем используемых в ней судов, приходилось на владения испанской монархии (включая присоединенные к ним колонии Португалии). Военные действия наносили урон судоходству и рыболовству. В апреле 1621 года голландские купцы были изгнаны из Испании и Италии, запрещен импорт голландских товаров. Эти меры были рассчитаны на то, чтобы вызвать застой в голландской торговле, и действительно первоначально привели к такому результату. По крайней мере до конца 20-х годов XVII века вооруженная борьба приносила Голландии больше убытков, чем прибыли, причем несомненно, что эта прибыль могла быть получена без войны. Было объявлено эмбарго на торговлю с Голландией всех владений Империи, нидерландские суда, находящиеся в иберийских портах, были арестованы.

Во Фландрии генерал Спинола собрал 18 000 человек, атаковал и захватил крепости Юлих в Вестфалии и Штеенберген в Брабанте, пересек границу Нидерландов, но, потерпев поражение под Берген-ап-Зоом, отступил во Фландрию. Это поражение, вызвавшее в Испании шок, стало причиной целого ряда событий. В 1624 году новый король Филипп IV сократил расходы на армию (с 300 тысяч дукатов до 250 тысяч), и резко увеличил расходы на флот (с 20 тысяч дукатов до 70 тысяч). Как мы уже отмечали, по мысли Филиппа IV и главы испанского правительства герцога Оливареса вся сила Голландии крылась в торговом флоте, если же организовать эмбарго на поставку товаров голландцам и учинить блокаду их побережью, война будет выиграна. Войну решили перенести на море, приказав армии во Фландрии занять чисто оборонительные позиции [15].

Начиная с 1625 года строятся армады во Фландрии, Галисии, Гибралтаре, основная задача вновь построенных военных кораблей – нападение на голландский флот и эскортирование торговых караванов Испании по всему свету. На это тратились беспрецедентные суммы – на Гибралтарскую армаду, к примеру, было потрачено 150 000 дукатов, однако слабая подготовка испанских моряков и назначение на командные должности людей не по знаниям, а по знатности не оправдало вложенных денег. В свою очередь голландцы ввели охранение своих торговых конвоев на Средиземное море, туда отряжались караваны с охранением не меньше 15–20 кораблей, что позволяло голландцам с легкостью отбивать атаки Гибралтарской армады. Однако это заставляло голландцев делать дополнительные траты и распределять их по суммам фрахта судов, а также страховки товаров, поэтому посредническая торговля Голландии резко сократилась.

Фламандская Армада

Как хорошо сформулировал немецкий историк Штенцель, *«выгодное положение в самой узкой части пути между Северным морем и Каналом, естественная защита благодаря впереди лежащим отмелям, богатая местность в тылу, предприимчивость морского населения – все это сделало Дюнкерк бичом для соседей»*.

После начала войны перед испанской Фламандской армадой и корсарами была поставлена задача проведения постоянных атак на прибрежную торговлю и рыболовство Голландии, ведь сельдяной промысел был одной из самых доходных статей бюджета Соединенных Провинций и приносил им до 600 тысяч дукатов ежегодно. Уже в 1621 году Филипп IV в письме городскому совету Дюнкерка приказал организовать постоянное соединение в составе 24 военных или зафрахтованных на военную службу кораблей. Согласно этому же письму, капитаны кораблей могли иметь любую национальность и любое вероисповедание, однако были обязаны соблюдать дисциплину и дать присягу Филиппу IV. Сорвиголовы и искатели приключений с большой охотой потянулись в Дюнкерк, и довольно быстро Фламандская армада заявила о себе.

Захваты голландских рыболовных судов начались в 1622 году, а к 1625-му достигли своего пика. Кроме буссов корсары старались захватывать голландские суда, груженные французской солью. Дело в том, что после введения эмбарго голландцы были вынуждены закупать соль не в испанской Валенсии и Португалии (вест-индскую, которую голландцы очень ценили за отсутствие примесей), а во Франции. Французская соль со значительным содержанием магния придавала засоленной сельди горечь и уменьшала срок хранения соленой рыбы. Это обстоятельство имело сокрушительный удар для голландской экономики.

Уже в 1622 году дюнкеркцы начали наносить удары по голландской торговле. Смелые и решительные капитаны выходили в море и постоянно атаковали суда противника. К примеру – Ян Якобсен. 3 октября 1622 года около Остенде 3 маленьких паташа Якобсена, Хуана Гарсии и Педро де ла Плеса столкнулись с голландским патрулем Ламберта Хендриксоона, блокирующим Шельду, в составе 7 галеонов и 2 паташей. Поскольку голландцы были на ветре, они пустились в погоню за дюнкеркцами. Гарсия и де ла Плеса стали уходить, а Якобсен решил прикрыть отход товарищей и

пошел в бой. Бой одного фламандского корабля против 9 голландских продлился 13 часов! Тем более удивительно, что в бою Якобсен сумел потопить паташ капитана Квеста и взял на абордаж галеон лейтенант-адмирала Клютера, правда, Якобсен потерял руль, две мачты и получил около 30 подводных пробоин. Оставшиеся нидерландские корабли подходили ближе, чтобы взять капера на абордаж, фламандец дождался, пока противник закинет абордажные крюки и взорвал свой корабль. 25 членов экипажа были подняты на борт голландских кораблей и повешены в Роттердаме и Флиссингене по обвинению в пиратстве.

Голландцы были не так уж и не правы: несмотря на действующий в Дюнкерке и Брюсселе Адмиралтейский суд, где выносилось решение по правомерности захватов, очень часто корсары становились на скользкий путь пиратства. Так, например, сохранились воспоминания кабальеро Эстебано Гонсалеса о его приключениях в Ла-Манше. В районе Фалмута на *испанское*судно Гонсалеса напали и захватили два дюнкеркских корсара, команду высадили в шлюпки и взяли курс на Дюнкерк. На следующий день каперы обнаружили и атаковали еще одно испанское судно, груженое лесом. Команда корабля оказала сопротивление, поэтому после схватки все члены экипажа «испанца» вылетели за борт. Крейсерство дюнкеркцев продлилось месяц, были взяты в общей сложности 7 кораблей, три из которых были своими, испанскими. Несмотря на это, Адмиралтейский суд признал законность захватов всех судов.

В качестве ответной меры ван Дорп, отвечавший за охрану торговли, решил блокировать фламандские порты, поскольку охранять буссы с помощью эскортных судов было нереально. Для этой цели Соединенные Провинции выделили всего лишь 19 кораблей, поскольку ни голландская ОИК, ни другие большие торговые компании не дали для защиты рыбных промыслов ни одного судна. Это можно было понять – большим финансовым картелям было совершенно по боку прибрежное рыболовство, все их интересы сосредоточивались на больших караванах в Вест– и Ост-Индию, а также на Балтику. Большие сделки приносили большие прибыли, а разорение тысяч мелких рыботорговцев директора крупных копаний рассматривали как неизбежное зло, «утряску, усушку». К малому количеству сил прибавилась и постоянная нерешительность ван Дорпа. Он то уходил далеко в море, то уводил корабли в Голландию на пополнение припасов. В эскорт торговым кораблям силы не выделялись, от введения системы конвоев также отказались, исключая балтийские караваны и отряды ОИК. В столкновения с отрядами корсаров также вступали очень нерешительно, часто каперов даже не преследовали. Все это позволяло

испанцам добиваться невиданных доселе успехов. Наверное, именно поэтому в 1625 году ван Дорп был сменен, лейтенант-адмиралом Голландии и Западной Фрисландии стал бывший капитан ОИК Лоуренс Раель (Rael), разругавшийся с Яном Питерсзооном Куном. Филипса сделали его заместителем, после отплытия Раеля в Средиземное море реальная власть опять перешла к ван Дорпу. На следующий год Раель вернулся и был отослан послом в Данию, ван Дорп снова стал лейтенант-адмиралом Голландии и командующим флотом.

Но вернемся к событиям на море.

Понятия «нейтралитет» тогда не существовало вовсе. Достаточно сказать, что очень сильный удар пришелся по торговому флоту Дании – ее денежные потери от каперских захватов в Тридцатилетнюю войну оценивают в 1 850 000 эскудо, что эквивалентно стоимости 250–300 кораблей в 200 тонн. Сильно досталось и английской торговле – с 1625 по 1630 год дюнкеркцы захватили около 40 английских призов. Это заставило англичан сводить свои суда в конвои и создавать целые эскадры, боровшиеся с каперами.

Дюнкеркские корсары стали настоящим бичом для своих соседей. Если в 1622 году в Дюнкерке было всего 4 королевских корабля, то к 1625 году – уже 12 судов, а в 1629-м – 20. Первым адмиралом Фламандской армады стал дон Фермин де Андуэса-и-Лодоса. Королевские и частные корсары под его патронажем раз за разом захватывали торговые суда голландцев. На верфях Дюнкерка спешно строились новые корабли для крейсерской войны против Голландии. Испанцам помогало то, что из-за постоянных споров голландцы так и не смогли организовать действенную блокаду Дюнкерка. Показателен тот факт, что в январе 1624 года Фламандскую армаду пытались блокировать лишь 9 зеландских кораблей, в 1625-м – всего 19 кораблей, и это из 107 находящихся на службе голландских судов! Но как защитить флотилию, которая при ловле вовсе не держится в одной куче и в одном месте? Так и выходило, что всё больше и больше «селедочников» отправлялось на дно.

Из-за больших призовых в Дюнкерк съезжались сорвиголовы со всего остального мира. К примеру – английский приватир Ричард Кнотт, поступивший на службу испанцам вместе со своим 32-пушечным кораблем «Виолетт». Корсары и армада наносили жестокие удары по важной статье голландских доходов – ловле сельди в Северном море, приносящей 600 000 дукатов ежегодно. С октября 1625 года началась тотальная морская война. Особенно отличился в захватах рыбаков знаменитый корсар Якоб Колаарт, который к 1625 году захватил более 150 буссов. К 1625 году

прибыль от захваченных голландских судов перевалила за 100 тысяч эскудо и неуклонно повышалась. Во многих городах Голландии, живущих за счет засолки рыбы, начался настоящий голод, начались голодные бунты. В 1627-м Филипса ван Дорпа в Дельфте чуть не растерзала разъяренная потерями «селедочников» толпа, только рота городской стражи смогла отбить и спасти уже довольно помятого лейтенант-адмирала. Какие потери понесли голландцы, говорит тот факт, что в январе – феврале 1628 года прибыль испанцев от захваченных призов составила 373 371 эскудо (в то время как траты на содержание Фламандской армады составили за этот же период всего 29 256 эскудо), что позволило полностью расплатиться с фламандской армией, не прибегая к займам у итальянских банкиров.

Список королевских кораблей Фламандской эскадры с типами судов и командирами на 1627–1628 годы

Наименование корабля	Тип корабля	Командир
S. Ambrosio	Галеон	M. Jacobsen
S. Clemente	Галеон	J. Canum
S. Bartolome	Паташ	J. Winenbroot
S. Vicente	Галеон	F. Roio
El Carne Rojo	Галеон	F. Jacobsen
S. Miguel	Галеон	M. Hubertsen
S. Carlos	Галеон	J. Colaert
S. Andres	Паташ	C. Brea
S. Pedro	Паташ	M. Claessens
Sa. Isabel	Галеон	J. Pietersen
S. Ignacio	Паташ	A. Querlinge
S. Ildefonso	Паташ	P. de Valencia

Эти корсары оказались агрессивными, инициативными капитанами: достаточно сказать, что двое из этого состава (Якоб Колаарт и Йосс Питерсен) стали командующими Дюнкеркской армады.

26 марта 1629 года Филипс ван Дорп был смещен с поста командующего голландским флотом, его место предложили Питу Хейну, надеясь, что он наконец-таки наведет порядок в домашних голландских водах. Новый командующий получил должность лейтенант-адмирала Голландии и Западной Фрисландии и озвучил адмиралтействам свое

видение выправления ситуации. Его пояснительная записка состояла из десяти пунктов, где он, прежде всего, настаивал на введении четкой вертикали власти в голландском флоте, однако эти пункты были отметены комиссионерами и Генеральными Штатами. Парламентарии считали, что именно они должны руководить флотом, и предложение передать всю власть профессиональным военным восприняли как покушение на свои исконные права. В ответном письме Хейну советовали не заниматься словоблудием, а выйти в море и наказать наконец дюнкеркских пиратов, терзающих торговлю Голландии. Также Хейну припомнили его «подлое» происхождение [16](Хейн был сыном простого штурмана), что вывело нового лейтенант-генерала из себя. 29 мая Хейн с эскадрой из 4 кораблей вышел из Хеллеветслюйса. 17 июня около Остенде голландцы обнаружили трех испанских каперов и атаковали их. Хейн на флагманском «Флигенде Груне Драек» (*Vliegende Groene Draeck*) рванул к противнику и вклинился между двумя приватирами, давая залпы с двух бортов одновременно. Именно в этот момент вражеское ядро из ручной мортирки попало в плечо и голову лейтенант-адмиралу, Хейн рухнул замертво. Бой возглавил капитан флагмана – Маартен Харпертсзоон Тромп, который довел его до победного конца. 20 июня с тремя захваченными дюнкеркцами Тромп появился на рейде Дельфта, там же было выгружено и тело Хейна. 4 июля 1629 года Пит Хейн был похоронен в церкви Оуде Клерк в Дельфте. Исполняющим обязанности лейтенант-адмирала Голландии снова стал Филипс ван Дорп, а 6 мая 1632 года его утвердили в новом звании. Дорп в очередной раз сорвал блокаду Дюнкерка.

Раз за разом каперы выходили в море, заслоны голландцев располагались крайне неудачно, и в результате Соединенные Провинции терпели большие убытки. Несколько раз дюнкеркцы атаковали голландские корабли в бухтах Англии, нарушая нейтралитет Острова, один раз даже вступили в перестрелку с пушками Дил Кастл (*Deal Castle*), что вызвало настоящий дипломатический скандал. В этом же 1632 году, по словам современников, настал пик каперской войны фламандцев против торговли Северного моря: *«Ни одно судно не могло чувствовать себя в безопасности при переходе через Ла-Манш»*. Гремели имена Яна Колаарта, Мигеля де Орны, Корнелиса Виттеборна, братьев Вильемзенсов, Родригеса, Лопе де Осеса. По подсчетам голландской Торговой гильдии, в этот год Соединенные Провинции лишились 307 своих судов, а были захваты еще и английских, датских, французских, шведских, курляндских кораблей [17]. Всего на охоту в этом году вышли 20 приватиров.

Флот Альбрехта Валленштейна

23 апреля 1625 года умер принц Мориц Нассауский-Оранский. Должность штатгальтера наследовал его сводный брат – Фредерик-Генрих Оранский, сын Вильгельма «Молчаливого» Оранского и Луизы де Колиньи – дочери знаменитого французского гугенота Гаспара де Колиньи. Генеральные Штаты, помятуя о заслугах его отца и его брата, авансом отдали новому штатгальтеру должности генерал-капитана и генерал-адмирала провинций Голландия, Зеландия, Утрехт, Овернсэйл (Овернь) и Гельдерн. Таким образом, Фредерик-Генрих стал главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами республики.

К тому времени независимость Голландии висела на волоске – Юстин Нассау из последних сил оборонял Бреду от войск Амброзио Спинолы, войска испанцев вплотную подходили к Роттердаму и Утрехту. В этой ситуации новым штатгальтером был сделан выбор в пользу войны на суше. Надо было отбить смертельную атаку врага и отстоять независимость страны. Именно на реформе армии и увеличении численности войск сосредоточил Фредерик-Генрих все силы, оставив проблемы флота на будущее. Таким образом, со смертью Морица ожидаемых реформ в адмиралтействах не произошло, все осталось по-прежнему. Филипс ван Дорп сохранил за собой пост лейтенант-адмирала Голландии и Зеландии и продолжил командование флотом. Корсары Фламандской армады спокойно прорывались через патрули голландцев и без жалости топили голландские корабли. Дорп, несмотря на значительное усиление своих сил (до 30 кораблей), ничего не смог с этим поделать.

В том же 1625 году в Тридцатилетнюю войну вступила Дания. Король датский Кристиан IV, получив английские и французские субсидии, решил ввязаться в драку на стороне протестантов. Датчан поддержали герцогства Мекленбург и Померания, а также некоторые южногерманские княжества. 26 августа 1626 года в сражении у Луттера Кристиан IV был разгромлен войсками Католической лиги под командованием графа Тилли, датчане отступили в Гольштейн, а к их границам уже спешила армия Валленштейна, которому император пожаловал титул герцога Мекленбургского. Предыдущий правитель Мекленбурга был смещен императором за поддержку датского короля (что передало в руки Валленштейна Росток, Висмар и Демниц). Напуганные Померания и

Штральзунд объявили о своем нейтралитете, это, впрочем, не спасло Померанию – в ноябре 1627 года войска Валленштейна вторглись в герцогство, 10 ноября герцог Бодислав XIV подписал капитуляцию во Францбурге. Согласно ее условиям войска Католической лиги захватывали все порты герцогства и получали все суда, принадлежащие городам Померании. Войска Валленштейна вступили в Шлезвиг-Гольштейн, а затем полностью захватили полуостров Ютландия (кроме островов, которые остались за Данией).

Таким образом, армия Католической лиги получила в свое распоряжение довольно большую территорию, которая граничила с Северным и Балтийским морями. Это не осталось незамеченным испанцами, и Оливарес предложил императору Священной Римской империи создать флот на основе Старой Ганзейской лиги, чтобы отрезать Голландию от Балтийского региона. По мысли правительства Филиппа IV, эта мера должна была вбить осиновый кол в грудь голландской экономики, поскольку Фландрия и ганзейские города под эгидой Католической лиги полностью вытеснили бы торговлю Голландии из морей Северной Европы.

Эти мысли были высказаны императору Священной Римской империи Фердинанду II новым испанским послом – маркизом де Айтоной. Фердинанд одобрил эти планы, более того – в Польшу был послан фламандский дворянин граф де Сольре, в задачу которого входила вербовка корабельных команд и кораблей в Гданьске, Кёнигсберге и Пиллау с молчаливого разрешения польского короля Сигизмунда III. Миссия эта, однако, закончилась провалом: вернувшийся в Мадрид в ноябре 1626 года Сольре сообщил Оливаресу, что Сигизмунд, опасаясь шведского флота, просил прислать большую испанскую эскадру на Балтику. Со своей стороны король Польши обещал обеспечить базирование эскадры на Гданьск и присоединить свои войска к армии Католической лиги. В Польшу был послан барон д’Аучи, который продолжил переговоры с Сигизмундом.

В мае 1627 года Оливарес пишет письмо маркизу Айтоне с просьбой сообщить, как идут дела у главнокомандующего армией Фердинанда в Северной Германии – Альбрехта Валленштейна. Дело в том, что император Фердинанд назначил Валленштейна *«генералом Океанического и Балтийского морей»*(***Generalkapitänder ganzen kaiserlichenSchiffsarmada zu Meerund des ozeanischen und baltischen Meeres Genera****l*) и поставил ему задачу создания имперского флота на Балтийском море. Во всех захваченных ганзейских городах развернулось строительство кораблей. Валленштейн трансформировал планы повелителя в свою пользу – с

помощью испанского флота предполагалось не только лишить Данию контроля над Зундом и Бельтами, но и не дать испанцам войти в балтийскую торговлю. Их должны были заместить Новая Ганзейская лига и имперские города Мекленбурга и Померании.

Вскоре, однако, эти планы были скорректированы – Валленштейн предложил просто отрезать Данию от мировой торговли, создав судоходный канал между Ростоком, Висмаром и Гамбургом (полководец понимал, что Ютландию, скорее всего, придется вернуть). Таким образом, корабли императора получали альтернативный путь в Европу, минуя Зунд и Бельты. Эти планы испугали не только голландцев – датчане, англичане, шведы, французы также были в ужасе. Перед ними, не знающими о разногласиях между Оливаресом и Валленштейном, замаячил призрак испано-австрийской мировой торговой гегемонии. Напомним, что торговля с Америками и Индией безраздельно принадлежала Испании (вобравшей в себя и Португалию с ее колониями). Торговля с Турцией велась подконтрольными Испании и Священной Римской империи Неаполем, Генуей, Венецией. После монополизации поставок из Балтики общемировая торговля полностью принадлежала бы испанцам и австрийцам.

В этом году в Испании разразился финансовый кризис. Оливарес и Государственный совет, не зная, где взять денег на все проекты, решили снизить количество серебра в монете, оставив прежним ее номинал. Хотя количество серебра в королевском реале снизилось всего лишь на 5 %, гораздо страшнее оказался моральный удар. Повсеместно коммерческие гильдии отказывали короне в займах, более того – приостановили финансирование части проектов (в том числе и посылку испанской эскадры на Балтику). В свою очередь финансовые неурядицы дали Оливаресу законное право отказаться платить по некоторым долгам, но это была кратковременная радость. В перспективе, конечно же, такая финансовая политика не сулила ничего хорошего.

В марте 1628 года началось формирование германского имперского флота. Главнокомандующим и генерал-адмиралом нового образования был назначен капитан-адмирал Фландрии граф Филипп фон Мансфельд, друг детства и советник Филиппа IV. Испанцы и австрияки выделили деньги, на которые были закуплены два немецких корабля (орлога [18]), один пинк [19], один галиот [20]и одно торговое судно, которое срочно переделали в военное. Главной базой новой Ганзейской лиги должен был стать Висмар, отличная гавань которого могла вместить практически неограниченное

количество кораблей. Этот выбор все же был ошибочным, так как более сильный датский флот сразу же заблокировал Висмар, опираясь на остров Пёль.

Весной 1629 года по приказу Валленштейна (на деньги висмарских купцов) в Данциге было закуплено 7 судов, которые перешли в Висмар своим ходом, еще одно купили месяцем позже. В штаты флота включили также два датских пинка, вылетевших на мель у Пёля.

Строительство судов задерживалось сильно ухудшившейся экономической ситуацией в городах Ганзы. Если в том же Висмаре до войны насчитывалось 21 судно (из них – 8 имперских), то с началом войны их количество уменьшилось до 17 кораблей (5 имперских), а уже через год – в город заходило всего лишь 9 судов всех национальностей. С 1627 по 1632 год (пока Висмар входил в состав Новой Ганзейской лиги) морская торговля совсем умерла.

Такая же ситуация была и в Любеке, Ростоке, Бремене. Купцы и арматоры разорялись, соответственно финансы на постройку нового флота изыскать было негде. И если Гамбург – этот банковский центр Германии – имел альтернативные источники дохода (кредитуя и Католическую лигу, и князей-протестантов, гамбургские купцы драли с должников бешеные проценты), то остальные города выдержать подобного удара по своей экономике не смогли. Масштабный план Оливареса так и остался нереализованным проектом.

Меж тем один из городов бывшей Ганзейской лиги – Штральзунд – отказался открыть ворота перед Валленштейном. 23 мая 1628 года город был осажден авангардом имперцев под командованием Ганса Георга фон Арнима, 26–27 мая – отбил первый штурм. Гарнизон Штральзунда составлял 2500 человек, 1500 ополченцев, 600 датских и 900 шотландских солдат, присланных королем Дании Кристианом IV на подмогу. Губернатором города был назначен датский полковник Генрих Хольк.

Арним, обескураженный неудачей быстрого штурма, отступил, ожидая самого Валленштейна Весь протестантский мир с нетерпением следил за осадой Штральзунда. Голландия и Англия выделили субсидии ганзейскому городу, шведы 20 июня прислали 600 своих солдат, которые влились в оборону города. Городской магистрат и шведский король Густав-Адольф заключили соглашение о взаимопомощи.

27 июня к Штральзунду прибыл Валленштейн. В ночь на 28-е число Валленштейн приказал армии идти на штурм, главный удар наносился по бастиону Франкен, который защищали 900 шотландцев майора Роберта Монро. Драка оказалась жестокой – шотландцы стояли насмерть, к концу

боя из 900 человек в живых осталось 400 (из них 300 – раненые), сам Монро был ранен, но солдаты смогли отбить атаку имперцев. Потери войск Католической лиги составили 2000 человек убитыми и пленными.

29 июня герцог Померании Бодислав XIV прислал двух дворян, которые попытались убедить штральзундцев принять капитуляцию, однако эти уговоры были с презрением отвергнуты.

2 июля 400 датских солдат были выгружены в гавани порта, на следующей неделе – еще 1100 человек датчан и шотландцев. Вскоре подошел Александр Лесли с отрядом из 800 «хайлендеров», потом – еще 100 датчан. Вообще датская помощь Штральзунуду составила порядка 2650 датских и 5000 шотландских солдат.

В результате гарнизон усиливался с каждым днем, чего не скажешь о войсках Валленштейна. Непрекращающийся ливень, шедший с 21 по 24 июля, превратил местность вокруг осажденного города в болото, в войске возникла эпидемия чумы, это оказалось последней каплей. В начале августа Валленштейн снял осаду.

Неудача у Штральзунда вызвала цепную реакцию. Теперь от горделивых планов о захвате балтийской торговли пришлось отказаться, господство на море позволило датчанам и шведам сохранить Штральзунд, который становился плацдармом для протестантских войск на территории Северной Германии. В июне 1630 года шведские войска под командованием Густава-Адольфа высадились в Померании, имея на левом фланге Штральзунд. Вскоре имперцы были изгнаны из Штеттина, потом – из Ростока. В 1632 году ворвавшиеся в Висмар шведы без боя захватили 10 кораблей флота Новой Ганзейской лиги. Этот флот так и не вступил в бой. Планы Оливареса и Валленштейна окончательно рухнули. Благодаря датчанам и шведам голландцев не удалось вытеснить с Балтийского моря.

Осада Гданьска

В восточном же районе Балтийского моря в это время боролись за контроль побережья Швеция и Польша. Поводом к этой войне послужило право (еще в далеком 1592 году) на шведскую корону польского короля Сигизмунда III Вазы. В 1599 году шведское дворянство, люто ненавидевшее короля-католика, подняло восстание, и польский ученик иезуитов вынужден был бежать. Однако Сигизмунд все же надеялся с помощью польского войска вернуться на шведский престол. Основные боевые действия развернулись в Лифляндии, где польскому войску удалось разбить шведскую армию под предводительством нового короля Карла IX. В 1621 году сын Карла IX – Густав II Адольф – начал новую войну с Польшей. Армия шведов высадилась в Лифляндии и Курляндии, захватила Ригу, сумела оттеснить поляков аж до реки Айвиексте. В 1622 году было подписано очередное перемирие, которое продлилось до 1625 года. В годы перемирия растущий шведский флот не раз входил в Гданьскую бухту с целями демонстрации силы, а также разведки.

Через год после начала войны шведский король решил захватить Гданьск. Этот захват преследовал две цели – во первых, монополизировать перевозки по Балтике; во вторых, закрыть полякам устье Вислы для продажи хлеба в Европу. В то время Гданьск был коронным польским городом, который, однако, имел очень большие привилегии: город самостоятельно выбирал должностных лиц, вел почти независимую внешнюю политику и обладал монетной регалией. Кроме того, Гданьск был членом Ганзейской лиги.

Местом высадки шведы выбрали Пиллау [21], расположенный в 45 милях от Гданьска и в 20 милях от Кенигсберга. Крепостные укрепления в Пиллау оказались слабыми, прусский гарнизон насчитывал 340 солдат, а также 4 военных 20-пушечных корабля, на скорую руку переделанных из торговых. До захвата Пиллау Густав-Адольф сконцентрировал значительные силы флота и войск для высадки. Флот имел 29 кораблей, 1 пинас, 30 галер и вспомогательных судов вместе с примерно 80 транспортными судами. Всего около 140 единиц, на которые было погружено 12 тысяч солдат. Эти силы прибыли 5 июня 1626 года под Пиллау и на следующий день приступили к высадке, не встретив особого сопротивления прусского гарнизона. Крепость сдалась шведам без боя, как

и 4 корабля. Овладев Пиллау, главные силы шведского флота вошли в Вислинский залив, в местечке Паслека возле Браниева высадили войска, которые за несколько дней овладели Браневым, Эльблонгом и другими городами, а 21 июня переправились через Вислу.

Одновременно с этим Густав-Адольф попытался блокировать и Гданьск, куда была выслана эскадра из 6 кораблей (адмирал Гилленхельм). Высадка шведского десанта в ночь на 11 июля 1626 года ничего не дала – шведы были встречены артиллерийским огнем и бежали обратно на корабли. Однако 28 июля 300 шведских солдат смогли захватить слабо защищенный Пуцк (Путциг) на побережье Гданьской бухты. Одновременно небольшие шведские отряды начали по рукавам Вислы подходить к Гданьску. Шведы предлагали прекратить оборону и сдать корабли в обмен на покровительство и сохранение вольностей города и его торговли. Город не поддался ни на посулы, ни на угрозы, и Густав-Адольф 14 августа ему поэтому официально объявил войну и установление блокады.

Блокада длилась до середины ноября; все это время осажденные оборонялись от шведских атак с суши и с моря. Ближе к декабрю шведский флот ушел на зимние квартиры в Карлскону, оставив у польского побережья только вспомогательные корабли. Поляки, пользуясь отсутствием регулярных шведских сил, проводили даже крейсерские операции по южной Балтике, и смогли захватить 3 голландских и 2 ростокских корабля, идущих с припасами для шведских войск.

В 1627 году польское командование решило попытаться отбить Пуцк, в котором тогда находился гарнизон в 900 человек, который с уходом шведского флота стал терпеть большую нужду в провианте. Осада началась в декабре, однако шведы стойко оборонялись. Генеральный штурм Пуцка был произведен в марте 1627 года. 4000 поляков с суши и 6 коронных кораблей с моря произвели комбинированную атаку. После многодневного обстрела гарнизон не выдержал и капитулировал.

В середине мая 1627 года произошли столкновения между польскими и шведскими кораблями в южной Балтике. 17 мая у Геля польские галеоны «Круль Давид», «Водник», пинк «Арка Ноего» и маленькая шкута были атакованы 12 шведскими кораблями, однако, умело маневрируя, смогли почти без повреждений выйти из боя.

На следующий день у Лебы три польских корабля (те же галеоны «Круль Давид», «Водник», пинк «Арка Ноего» («Ковчег Ноя») столкнулись с тремя шведскими. Поляки вступили в бой, но тут на горизонте появились еще 24 шведских корабля, и капитан «Круль Давид» Мюррей скомандовал отходить к Гданьску. Поляки оказались в трудной ситуации, так как могли

уходить только в направлении побережья, где не имели бы свободы маневра. Капитан Мюррей до подхода «Водника» вел бой с наступающим противником. Умелыми маневрами он избежал абордажа, но не мог избежать артиллерийского огня. Несколько снарядов попало в корабль, ранив и убив примерно 20 человек. Не меньше досталось и пинку, капитан которого Магнус Весман, будучи мастером в искусстве кораблевождения, маневрировал между шведскими кораблями, отстреливаясь из своих орудий, но и его корабль получал ответные попадания, а один из зарядов взорвался в стволе, перебив расчет. Оба польских корабля получили повреждения, но и шведы имели потери в людях и повреждения у кораблей. Когда присоединился «Водник», то поляки сразу же взяли курс на запад, а шведы не проявили большого желания преследовать их. Вскоре бой прекратился. Шведы так и не смогли уничтожить польские корабли, хотя имели восьмикратное превосходство.

Поляки решили прорываться в Гданьск, хотя знали, что тот блокируется шведским флотом. Шведские корабли в Гданьской бухте разделились на две группы. Основные силы адмирала Класа Флеминга базировались в Пиллау, а 16 кораблей адмирала Гилленхайма отделились для блокады Гданьска. 6 кораблей из своей эскадры Гилленхайм поставил перед Гданьским рейдом в целях непосредственного блокирования выхода из гавани. 7 кораблей расположились у Геля как блокадный вспомогательный отряд, а 3 галеона под командованием капитана Ларса Эскилссона вышли на патрулирование подходов к бухте, чтобы перехватить отряд Мюррея в случае его приближения. 25 мая польские корабли появились возле Геля. Они шли под полными парусами прямо к Гданьску. Капитан Эскилссон заметил их, но не имел шанса их остановить. Только один галеон из его эскадры попытался пересечь курс полякам и задержать их, но те уклонялись от боя. Артиллерийским огнем они вынудили противника отвернуть и продолжили идти своим курсом, не меняя скорости. Затем они миновали оконечность Гельской косы, а стоящие там корабли адмирала Гилленхельма не успели поднять паруса и выйти им наперехват. До преодоления блокады оставалась одна линия стоящих у самого порта шведских кораблей. Эта часть операции была наиболее рискованной, так как пушечные выстрелы предупредили шведов, и теперь было невозможно избежать сражения. Польские корабли пытались найти обход дуге шведских кораблей, но те перекрывали подход к гавани полностью. Капитан Мюррей решил править на крыло вражеской эскадры, чтобы избежать боя со всеми 6 ее кораблями. Ближайшим шведским кораблем оказался галеон «Рикссваардет» под командованием капитана

Ганса Ларссона, который тоже первым попытался остановить поляков. Смелым маневром он перерезал их курс и пошел на сближение с «Водник», чтобы взять его на абордаж. Польский корабль, идущий под всеми парусами, избежал абордажа, а шведский галеон находился с подветренной стороны и не имел возможности догнать его. «Водник» под командованием капитана Витте первым благополучно прибыл в Гданьск. Больше проблем было у капитана Мюррея на галеоне «Круль Давид». Его атаковал галеон «Тигерн» капитана Саймона Стюарта. Сначала шведский корабль также стремился к абордажу, но Стюарт действовал осторожно и решил пока что задержать польский галеон артиллерийским огнем. На оснастку польского корабля посыпались ядра шведов, которые таким образом надеялись снизить скорость противника. «Круль Давид» маневрировал, уклоняясь от обстрела и одновременно собственным огнем удерживая врага от сближения. Такая тактика принесла успех, так как позволила кораблю дойти до порта, хотя во время вхождения туда он сел на мель. Это было не так опасно, ибо произошло за пределами досягаемости пушек шведских кораблей. Спустя несколько дней галеон сняли с мели, и вскоре он, исправив повреждения, был полностью боеспособен. Третий из польских кораблей, пинк «Арка Ноего», оказался атакован гораздо более сильным, чем он сам, галеоном «Юпитер» под командованием капитана Ганса Плантинга, но так удачно прошел вблизи противника, что тот успел дать только несколько выстрелов.

Шведы потеряли шанс ослабить флот поляков; разгневанный Густав-Адольф отдал несколько командиров под военный суд за бездарные действия.

Все лето шведский флот блокировал Гданьск. Осенью большинство кораблей ушло, в Гданьской бухте осталось только 12, из которых 6 базировались на Пиллау. Эскадра же вице-адмирала Нильса Гёрансона Шерншёльда в составе 5 галеонов и 1 пинаса (галеоны 22-пушечный «Тигерн», 38-пушечный «Солен», 20-пушечный «Пеликанен», 26-пушечный «Манен», 18-пушечный «Энхоринген» и 16-пушечный пинас «Папегойан») блокировала Гданьск. В этой ситуации уже в середине ноября королевская корабельная комиссия Сигизмунда III приняла решение вывести корабли в море и прорвать шведскую блокаду. Это решение было продиктовано торговыми интересами Гданьска, который в случае удаления шведских кораблей из своих вод мог в течение нескольких недель отправить в западноевропейские порты скопившиеся на складах товары. Решение о выходе в море было принято 23 ноября, а его осуществление назначено на 26-е. 26 ноября польская эскадра в составе 4 галеонов

(31-пушечного «Рыцарь Святы Ержи», 20-пушечного «Лятачи Елен», 17-пушечного «Водник», 31-пушечного «Круль Давид»), а также 6 флейтов и пинасов (12-пушечного приватира «Панна Водна», 16-пушечного зафрахтованного «Кражни Крук», 10-пушечного «Злоти Лев», 16-пушечного «Арка Ноего», 8-пушечного «Бялы Лев» и 18-пушечного «Пломен») под общим командованием голландского купца Аренда Дикмана вышла во внешнюю гавань. Шведы не подозревали об этом выходе и весь день пробыли у Геля. 28 ноября, когда ветер изменился на юго-восточный, а выход польских кораблей стал возможным, шведы вернулись к Гданьску, не ожидая там встретить противника на рейде. В авангарде их эскадры шли флагманский корабль «Тигерн» вице-адмирала Шерншёльда и «Пеликанен» под командованием его заместителя капитан Фритцема. Остальные 4 корабля («Солен», «Энхоринген», «Манен» и «Папегойан») имели трудности с лавированием против встречного ветра и поэтому отстали. Заметив это, адмирал Дикман (датчанин; впрочем, на этих «польских» кораблях все экипажи были датские) пушечным выстрелом дал сигнал к атаке. Польские корабли вступили в бой в ордере роя двумя эскадрами по 5 кораблей. В первую из них входили галеоны «Рыцарь Светы Ержи» и «Лятачи Елен», пинки «Панна Водна» и «Злоти Лев» вместе с флейтом «Кражни Крук». В соответствии с тактикой роя головным шел самый из них – «Рыцарь Светы Ержи», за ним пинки и «Злоти Лев»; замыкал строй флейт. Во главе второй эскадры шел галеон «Водник», за ним – пинк «Арка Ноего», слева – галеон «Круль Давид», справа – флейт «Бялы Лев», замыкающий – флейт «Пломен». Польские корабли, пользуясь попутным ветром, шли наперерез курсу шведского авангарда и, сблизившись, первыми открыли артиллерийский огонь, навязывая противнику выгодные для себя условия боя. Строй польских кораблей был сомкнутый, а их небольшое количество позволяло лучше вступать в бой.

Шёрншельд, очевидно, не рассчитывал на атаку поляков, но при сближении изменил курс на северо-восточный, чтобы, идя в полветра, иметь лучшую возможность для маневрирования. Это не уберегло его от атаки. Возглавлявший польскую эскадру «Рыцарь Светы Ержи» первым вступил в бой, обстреливая шведский адмиральский корабль из носовых орудий и одновременно стремясь взять его на абордаж. «Тигерн» оказался под огнем, но пытался ответным огнем и маневрированием избежать абордажного боя. Маневры не помогли. После недолгой перестрелки «Рыцарь Светы Ержи» сумел приблизиться к борту противника. В этот момент был смертельно ранен вице-адмирал Шёрншельд, что сказалось на дальнейшем ходе сражения, так как никто не управлял действиями

кораблей. Тогда же на помощь флагману пришел пинк «Панна Водна», который атаковал шведский адмиральский корабль с кормы. По носу последнего маневрировал галеон «Лятачи Елен» под командованием капитана Эллерта Аппельманна, готового перехватить его в случае попытки бегства или вступить в бой со спешащими на помощь другими шведскими кораблями.

Другая польская эскадра ударила по другому флагманскому кораблю «Пеликанен», но тот избежал абордажа. К нему пробовал приблизиться «Круль Давид», но все закончилось обменом пушечными залпами. Удачнее действовал «Водник», который после перестрелки все же сошелся с галеоном «Солен». На помощь ему поспешил и флейт «Бялы Лев». Атакованный двумя противниками шведский корабль оказался в безвыходной ситуации, поэтому кто-то из офицеров поручил взорвать его. Это был последний этап битвы, так как в это время экипажи кораблей первой эскадры взяли шведский флагманский корабль «Тигерн», заплатив за этот успех смертью своего командующего, адмирала Дикмана. Остальные шведские корабли стали уходить с рейда Гданьска, направляясь в открытое море. За ними в погоню устремились галеон «Лятачи Елен», пинки «Арка Ноего», «Панна Водна» и «Злоти Лев» вместе с флейтами «Кражни Крук» и «Бялы Лев». Погоня длилась недолго. У Гельской косы первым отвернул «Панна Водна», сделав вдогонку шведам три выстрела. Остальные корабли приняли это за сигнал к повороту назад и тоже прекратили погоню.

Это сражение, известное как битва под Оливой, принесла известность польскому флоту. Шведы потеряли в ней 2 корабля и оставили акваторию; с польской стороны были повреждены 3 корабля – «Рыцарь Светы Ержи», «Круль Давид» и «Водник». Густав-Адольф рвал и метал. Биограф короля Герман Харте отмечал, что шведский король беспрестанно повторял: *«Дрожащие от страха купцы разгромили людей, которые сделали войну своей профессией*!»

В 1628–1629 годах бои шли с переменным успехом, однако поляки имели большие проблемы с финансированием армии, поэтому после поражения у Горжно Сигизмунд III пошел на мирные переговоры.

К этому времени шведы смогли захватить почти треть Лифляндии, а также некоторые города в Курляндии и Эстляндии. В 1629 году в Альтмарке Польша и Швеция заключили мир, согласно которому часть Ливонии с Ригой, а также порты Пиллау, Мемель, Эльбинг отошли Швеции. Корабли Речи Посполитой, спасшие Гданьск, были отданы шведам. Также Сигизмунд III признавал Густава-Адольфа королем

Швеции, однако не отказывался от шведской короны. Польские историки называют этот мир проигрышем коронной дипломатии, но не армии. Действительно, перед подписанием перемирия коронный гетман Станислав Конецпольский 17 июня 1629 года сумел разбить шведские войска Густава-Адольфа под Тщцяной, однако эта победа ничего не решала – денег на продолжение войны у Польши уже не было.

Высадка шведов в Померании

В 1630 году в Тридцатилетнюю войну вступила Швеция. Густав-Адольф II только что закончил войну с Польшей и с великой охотой ввязался во всеевропейский конфликт, чтобы защитить свои интересы (религиозные и территориальные), а также оттяпать от Северной Германии кусок пожирнее и обеспечить себе свободу мореплавания на Балтике.

Шведский флот был сосредоточен в Эльфснаббене – пригороде Стокгольма и состоял из 27 военных кораблей и 13 зафрахтованных купцов. На борт было посажено 13 тысяч скандинавских солдат – лучшая пехота в Европе. Командовал конвоем незаконнорожденный сын Карла IX от Карины Нильсдоттер – фельдмаршал, губернатор Ингрии и одновременно риксадмирал Швеции Карл Карлссон Гиллинхейм.

Состав шведского флота на 1630 год

Наименование	Пушки	Тип корабля
Lilla Nyckeln	22	Галеон
Riksscepter	36	Военный корабль
Jupiter	20	Галеон
Apollo	18	Пинк
Jungfrun	18	Пинк
Enhörningen	18	Пинк
Månen	18	Пинк
Akilles	22	Галеон
Merkurius	30	Галеон
Förgyllda Bönan	18	Пинк
Dolfi	14	Пинк
Tre kronor	32	Военный корабль
Meerman Danziger	18	Пинк
Svarta Hunden	14	Пинк
Svärdet	24	Галеон
Oraniebom	16	Пинк
Äpplet	66	Военный корабль
Västervik	24	Галеон
Fortuna	14	Пинк

Наименование	Пушки	Тип корабля
Jägaren	12	Пинк
Nyckeln	32	Военный корабль
Teljeskeppet	8	Брандер
Sankt Jakob	18	Пинк
Västgöta Lejonet	24	Галеон
Leoparden	12	Пинас
Rikssvärdet	32	Галеон
Andromeda	32	Галеон
Apollo	18	Пинас
Stockholm	24	Галеон

17 июня 1630 года конвой вышел в море, зашли в Эланд, где погрузили артиллерию и взяли курс на Рюген. 24-го были у Штральзунда, а на следующий день шведские войска высадились на острове Узедом, расположенный прямо перед устьем Одера на границе с Речью Посполитой. При высадке шведский король Густав-Адольф поскользнулся на берегу и подвернул ногу, однако хитрый правитель использовал это обстоятельство в свою пользу, припав на одно колено прямо у кромки прибоя и начав возносить хвалу Господу.

Стоит отметить, что имперцы, хотя и знали о подходе шведского каравана, не вышли в море, чтобы помешать высадке шведских войск. А ведь именно в этот момент флот Новой Ганзейской лиги мог бы доказать свою нужность и сорвать высадку скандинавов. Однако подобная мысль даже в голову руководителям Католической лиги не пришла.

29 июня высадка войск была закончена и Густав-Адольф начал свой путь к славе и добыче. Все перипетии шведского вторжения в Северную Германию хорошо известны и нет нужды их отдельно описывать. Упомянем лишь, что нанеся войскам Католической лиги несколько чувствительных поражений, он недалеко от городка Лютцен 16 ноября 1632 года столкнулся с армией Валленштейна. Хотя шведы нанесли Альбрехту поражение, у Лютцена погиб Густав-Адольф.

А что же шведский флот, которого мы оставили у Узедома? Гиллинхейм блокировал побережье Северной Германии, в 1632 году при

падении Висмара были захвачены следующие имперские корабли: 26-пушечный «Сальватор», 18-пушечные «Ганс фон Виссмар», «Виссмарс Мееман», «Санкт-Микаэль», 12-пушечные «Тигр», «Меервайб», «Дельфин», 10-пушечные «Санкт-Якоб», «Форлангейр», 8-пушечные «Хвита Ханд», «Мускейль», «Феникс I» и «Арка Ноего». Флот Новой Ганзейской лиги перестал существовать.

Поскольку после захвата Висмара дел у шведов на море практически не осталось – часть команд была переформирована в пехотные полки, которые влились в шведскую армию в Германии. Оставшаяся часть кораблей сопровождала перевозки из Швеции в Германию.

В 1634 году большая эскадра (29 судов и много транспортов с 20 тысячами солдат на борту) под командованием Эрика Рюнинга захватила Пиллау, подошла к Данцигу, и, угрожая полякам вторжением, подписала с ними новый договор о мире, согласно которому Швеции отходила Ливония и Эстония, а Пруссия закреплялась за Польшей.

Это были последние активные действия шведского флота. Лишь в 1641 году, когда шведы начали войну с Данией, шведский флот снова появился на сцене.

Шведско-датская война. Блокада Зунда

В Тридцатилетнюю войну Швеция стремилась к установлению господства на всем побережье Балтийского моря. Обладая превосходством на суше, на море она тем не менее уступала Дании. В 1643 году у Швеции имелись 31 боевой корабль и 11 вспомогательных. Флот Дании насчитывал 64 корабля, из которых 40 были боевыми. Шведы представляли себе трудности, связанные с овладением этим регионом в условиях превосходства датского флота, поэтому попытались компенсировать слабость закупкой в сочувствующей им Голландии сразу 30 кораблей и наймом на них голландских экипажей. Сделка была заключена, но голландская эскадра так и не прибыла на Балтику, потому что 16 мая 1644 года была разбита датским флотом у острова Силт. Шведам пришлось располагать исключительно собственными силами. Шведы в начале 1644 года встали перед проблемой – как захватить датские острова в условиях превосходства датского флота? 13 июня весь шведский флот под командованием адмирала Класа Флеминга-младшего встал у Копенгагена, но не попытался его атаковать, хотя датская столица со стороны моря была защищена только 11 старыми кораблями, так как главные силы не вернулись еще из экспедиции против голландской эскадры. Шведы не воспользовались таким удачнейшим случаем, а направили свои корабли к Кильской бухте, где на побережье находилась шведская армия, готовая к высадке на датские острова. Сначала шведское командование намеревалось переправить войска на Фюн, но поскольку на нем были мощные укрепления, изменило намерения и решило высадить войска на более слабозащищенный Лоллан.

К высадке десанта шведское командование приступило 1 июля 1644 года. Плотным строем шведские корабли прошли от Кильской бухты к проливу у Фемарна, где неожиданно натолкнулись на весь датский флот, который в количестве 64 боевых и вспомогательных кораблей подошел от Копенгагена, чтобы помешать шведам.

Состав шведской эскадры

Наименование	Пушки
Авангард (адмирал Флеминг)	
Scepter	58
Drake	40
Göteborg	36
Rafael	36
Regina	34
Leopard	36
Jupiter	34
Smalands Lejon	32
Katta	22
Tiger	18
Mane	16
2 брандера	
Центр (адмирал Ульфспарре)	
Krona	68
Nyckel	34
Stockholm	34
Samson	32
Vestervik	26
Vestgöta Lejon	26
Salvator	26
Merkurius	26
Apollo	26
Rek Ompens	22
Svan	22
St. Jakob	12

Наименование	Пушки
2 брандера	
Арьергард (адмирал-лейтенант Бьёлкенштерна)	
Gota Ark	72
Svärd	32
Mars	30
Andromeda	26
Jägare	26
Vesterviks Fortuna	24
Akilles	22
Enhorn	18
Gamla Fortuna	18
Falk	18
Papegoja	12
3 брандера	
Не участвовали в сражении	
Grip (12), Lam (12), Fenix (10)	

Датчане же располагали следующими силами:

Наименование	Пушки
Авангард (генерал-адмирал Винд)	
Patientia	48
Oldenborg	42
Stormar	32
Fides	28
Svan	26
Lam	16
Havhest	14
Jomfrusvend	6
Orn	4
Prinds Christian (торговый)	
Центр (вице-адмирал Грабов)	
Lindorm	38
Tre Lover	46
Kroner Fisk	20
Sorte Bjorn	14

Наименование	Пушки
Hvide Bjorn	14
Postilion	14
Emanuel (торговый)	20
Forgyldte Stokfisk (торговый)	20
S. Peter (торговый)	20
S. Jakob (торговый)	20
Арьергард (король Христиан IV)	
Trefodighed	48
Tvende Lover	22
Norske Love	30
Sorte Rytter	24
Pelikan	36
Graa Ulv	30
Neptunus	28
Holladske Fregat	12
Hojenhald	8
Josua (торговый)	20
Обсервационная эскадра (адмирал Мунд)	
S. Sophia	40
Tre Kroner	30
Delmenhorst	28
Nelleblad	24
Markat	16
Gak Med	12
Samsons Gallej	9
Flyvende Hjort	8
Rote Gans (торговый)	20
Unge Ulv (торговый)	20

Встреча с более сильным противником захватила Флеминга врасплох. К тому же в условиях восточного ветра датский флот имел лучшую свободу маневра. Он приказал шведскому флоту лечь на северо-западный курс, что означало отказ от высадки десанта на Лоллане. Шведский флот направился в залив Хохвахт. Датчане последовали за ними, но не слишком

приближались к берегу. Их флот маневрировал у входа в Кильскую бухту, преграждая путь одновременно к Фюну и Лоллану. Ветер постепенно сменился с восточного на южный, то есть благоприятствовал стоящему ближе к берегу шведскому флоту. Этим воспользовался адмирал Флеминг и в полдень 1 июля начал атаку на датчан. Со свежим ветром шведские корабли стали быстро приближаться к флоту противника, который растянулся на большом расстоянии, с намерением разбить того по частям. Датчане смогли, однако, уклониться от первых залпов, а затем, умело маневрируя, атаковали отдельные шведские корабли. Вскоре битва превратилась в множество отдельных стычек, начинавшихся артиллерийскими дуэлями и переходящими в абордажный бой. Они продолжались до позднего вечера, но и тогда разошедшиеся участники не прекращали сражаться. Командиры флотов и эскадр не имели возможности руководить своими подчиненными; отдельные корабли сражались сами по себе, и в этом не было ничего необычного для морского боя первой половины XVII века. Обе стороны понесли тяжелые потери в людях, но ни один корабль в течение долгого сражения не был потоплен или захвачен. Больше потери были у датской стороны, зато шведы не сумели осуществить планы по высадке десанта.

Битва 1 июля не привела к прекращению боевых действий. Оба флота собирались вести боевые операции и дальше. Шведы не утратили надежды высадить десант на Фюне. 2 июля они перевели свой флот из залива Хохвахт в глубь Кильской бухты, под защиту взятой ими ранее крепости Кристианспрайс. Датский флот после битвы маневрировал у побережья острова Лоллан, а затем, опасаясь высадки врага на острове Фюн, перешел в Кильскую бухту и заблокировал стоявший в небольшом Кильском фьорде шведский флот. Ситуация для последнего осложнилась в середине июля, когда прибывшие к побережью австрийские войска быстрым ударом взяли Киль. У шведов оставался только Кристианспрайс, причем крепость, как и сами шведские корабли, попала под обстрел установленных австрийцами на восточном берегу фьорда батарей. Для кораблей фьорд стал небезопасным местом, так как имперские ядра падали на их палубы. 29 июля так был убит командующий флотом адмирал Флеминг. Его место занял генерал Карл Врангель, человек, который никогда не командовал флотом, но хорошо понимал, что битва с превосходящим по численности противником в ограниченной акватории может кончиться катастрофой. Он приказал как можно лучше оберегать корабли под прикрытием орудий крепости и готовиться вырваться из ловушки на воды залива. Его планам частично помогли командиры датского флота, которые вопреки приказам

короля Кристиана IV действовали слишком уж осторожно. Король поручил адмиралу Петеру Галту войти во фьорд и дать бой. Эта битва могла стать решающей, причем большие шансы на победу в ней имела датская сторона. В соответствии с королевским приказом Галт 30 июля вошел в Кильский фьорд, но задержался и у южного берега, опасаясь огня пушек из расположенной на северном берегу крепости. Оба флота стояли довольно близко друг от друга, не решаясь начать сражение. 31 июля Кристиан IV отстранил за нерешительность Галта и передал командование адмиралу Эрику Оттесену. Однако и тот не спешил завязывать сражение. Весь день 1 августа он маневрировал в виду шведского флота, пытаясь занять наиболее выгодную позицию. Шведы под давлением датчан уплотнили строй кораблей у северного берега, уклоняясь от спорадических и малопродуманных атак противника. К вечеру поднялся сильный северо-западный ветер, давший шведам шанс уйти из западни. Хотя датчане окружили тесным кольцом прижатых к берегу шведов, адмирал Оттесен не решился начать битву в сумерках и отложил ее на утро следующего дня. Это решение помогло шведскому флоту выйти из положения. С наступлением темноты шведские корабли в полной тишине подняли паруса и с погашенными огнями выскользнули из кольца кораблей неприятеля в Кильскую бухту. Этому маневру помогли темная ночь и сильный ветер, заглушивший все звуки. Когда датчане заметили исчезновение врага и начали погоню, было уже поздно. Шведы на всех парусах уходили в Балтику, к своим базам в районе Стокгольма. Вина за потерю возможности разбить шведский флот лежит на адмирале Галте из-за его нерешительных действий. Военный суд приговорил его к смерти. Отессен наказания избежал.

Прорыв голландского флота через Зунд

После прорыва шведского флота датчан постигла еще одна неудача. В начале августа 1644 года на Балтику направилась эскадра из 24 нанятых в Голландии кораблей, чтобы помочь Швеции. Голландские корабли под командованием адмирала Маартена Тейссена без помех пришли к Зунду и 10 августа между островом Мён и городом Фальстербо на юге Скании обнаружили 9 датских кораблей, пытающихся заградить им дорогу. Их специально выделили от главных сил, чтобы заградить пролив в районе Копенгагена. Они не успели туда дойти. Голландцы имели численное превосходство, но Тейссен не стал завязывать боя, опасаясь, что поблизости находятся главные силы Дании. Его главным заданием было прибыть на Балтику и соединиться с шведским флотом. В связи с этим он просто отогнал пушечным огнем пытавшиеся помешать ему датские корабли и, умело маневрируя, вошел на Балтику. Вскоре он появился в гавани Стокгольма. Этот прорыв был смелым решением. Тейссен правильно выбрал для него время, пока основные силы противника были заняты погоней и блокированием шведского флота. Датчане допустили серьезную ошибку, оставив Зунд без прикрытия. Голландские корабли уравняли теперь воюющие стороны в силах.

Сражение в проливе Фемарн

После ухода из Кильской бухты шведский флот два месяца простоял в своих базах, хотя и был усилен голландскими кораблями. Датчане крейсировали в юго-западной части Балтики, но ввиду пассивности противника в сентябре их главные силы направились в Копенгаген. В море остались только 17 кораблей адмирала Протаса Мунда (*Protaz Mund*), охранявших подходы к датским островам. В первых числах октября в Балтийское море вышел объединенный голландско-шведский флот из 42 кораблей под общим командованием недавнего генерала, а теперь адмирала Карла Врангеля. 11 октября, неожиданно для датчан, силы Врангеля появились у берегов острова Лоллан, готовясь к высадке десанта. Вскоре туда прибыла датская эскадра. Врангель немедленно отошел от острова и все внимание сосредоточил на кораблях Мунна. Тот не испугался более сильного врага и 13 октября начал сражение. Однако перевес шведов был слишком велик, чтобы датчане могли рассчитывать на успех. Очевидно, Мунн стремился лишь атакой фланга шведского флота вынудить того уйти из пролива Фемарна. Бой он думал вести артиллерийский, избегая абордажа. Опыт адмирала, который в мае 1644 года разгромил голландскую эскадру у острова Силт, сочетался с мастерством капитанов и вышколенностью команд кораблей. В ходе битвы датские корабли действовали очень энергично. Капитаны умело маневрировали, а матросы стойко сражались, но надежды Мунна обойтись артиллерийской дуэлью не сбылись. Некоторые из его кораблей, имея повреждения, были окружены кораблями противника, другие поспешили им на помощь, вследствие чего храбрый адмирал пошел на абордажный бой. Спустя 6 часов в датской эскадре способными вести бой оставались только 3 корабля. Но и они, видя полное поражение своей эскадры, вышли из боя и, преследуемые шведами, направились к Копенгагену. Из остальных 14 кораблей 3 были потоплены пушечным огнем, 9 взяты на абордаж, а 2 выбросились на мель у острова Луллан. Адмирал Мунн встретил смерть на палубе своего флагманского галеона «Платентия».

Битва в проливе Фемарн закончилась разгромом датской эскадры, потерявшей 14 кораблей. Это было одно из самых кровопролитных сражений на Балтике в первой половине XVII века. В ней использование артиллерии сочеталось с абордажем. Оба способа оказались одинаково

эффективными, но при огромном неравенстве сил исход боя был предрешен изначально.

Блокада Зунда голландским флотом

В 1645 году действия на Балтике приобрели другой характер, нежели годом раньше. Причиной стало вмешательство в войну Соединеннных Провинций, которые добивались свободы судоходства в Зунде. Голландия, поддерживая Швецию, официально не объявляла Дании войны, но в июне неожиданно для Дании ввела в пролив свой флот из 37 кораблей под командованием адмирала Корнелиуса Витте де Витта. Вслед за ними через Зунд прошел голландский торговый флот в количестве примерно 300 судов.

Король Кристиан IV был бессилен перед лицом открытого нарушения прав Дании в водах пролива, так как его флот еще не был готов, а выступление против голландских кораблей означало объявление войны Голландии со стороны Дании. Поэтому он принял салют от Витте де Витта и ждал дальнейшего развития событий. Голландский адмирал тем временем после прохода торговых судов расставил часть своих кораблей у обоих выходов из пролива, а с 28 кораблями стал на якорь у Копенгагена. Это была явная провокация, означавшая блокаду Зунда, Копенгагена и стоявших в его порту датских кораблей. Официальные протесты были проигнорированы. Для снятия блокады был необходим равный голландскому флот, которого у короля не было. В Копенгагене имелось лишь около 20 пригодных к бою кораблей, которые из порта не выходили.

К блокаде Зунда и Копенгагена присоединился шведский флот (34 корабля, 3 брандера, 1 бьелк, 1 галиот, 1 пинас), который в первых днях июня высадил десант на Борнхольме.

17 июня шведы овладели этим островом, а датский флот так и не отважился покинуть Копенгаген. Затем 30 шведских кораблей адмирала Врангеля с 6 тысячами солдат на борту 25 июля подошли к лежащему перед Копенгагеном острову Амагер и стали на якорь перед городом Драгёр, угрожая высадкой десанта и ударом непосредственно по датской столице. В такой ситуации Кристиан IV признал войну проигранной. В итоге подписанного в Брёмсебро 13 августа 1645 года трактата Швеции возвращался остров Готланд, и Дания передавала ей помимо прочих еще и остров Эзель. Кроме того, шведские торговые суда освобождались от пошлин в Зунде, а военные корабли (до 5 единиц) могли свободно проходить через этот пролив, не спрашивая позволения датских властей. Этот трактат означал конец датскому господству на Балтике.

Крейсерские операции в Европе, 1635–1646 годы. Взятие Дюнкерка

После вступления в войну Франции (на стороне Голландии) корсары Дюнкерка получили в качестве противника флот, который был еще слишком неопытен в деле защиты своей торговли. Корсары Дюнкерка продолжали наносить сильные удары по голландской и французской торговле.

Началось все с неудачной затеи командующего голландским флотом Филипса ван Дорпа. Лейтенант-адмирал получил информацию, что к берегам Испании идет большой «серебряный флот» с грузом серебра и колониальных товаров. Махнув рукой на блокаду Дюнкерка, ван Дорп увел все свои эскадры к берегам Испании. Пользуясь этим обстоятельством, корсары вышли на «тропу войны». 14 августа 1635 года эскадра Якоба Колаарта в составе 20 кораблей (14 галеонов и 6 дюнкеркских фрегатов) вышла из Дюнкерка и направилась к Текселю. Около Вли корсары обнаружили 150 буссов под охраной одного единственного 29-пушечного корабля голландцев. На потопление эскорта хватило двадцати минут, и далее каперы занялись буссами. Было захвачено и потоплено в общей сложности 75 голландских рыболовных судов. Отряд же двинулся к Доггер-Банке. Там были обнаружены и захвачены еще 50 буссов, корсары посадили 200 голландцев на старое гамбургское судно и отправили их в Голландию. Еще 778 рыбаков были оставлены в качестве пленников, так как корсары рассчитывали получить за них выкуп. Ошарашенные голландцы послали за Колаартом эскадры адмиралов ван дер Бурха и только что вернувшегося от берегов Пиренейского полуострова Филипса ван Дорпа. 8 сентября 1635 года де Бурх сумел перехватить Колаарта у Дюнкерка с 20 кораблями. Колаарт смело пошел на врага, его артиллеристы лишили три голландских корабля мачт, корсар смог прорвать блокирующую линию нидерландцев и преспокойно скрылся в гавани Дюнкерка. Тут на горизонте показались 18 кораблей ван Дорпа, но птичка уже улетела из клетки. Срам был велик – голландцы оценили свои потери в два миллиона гульденов.

В 1636 году Якоб Колаарт стал адмиралом Фламандской эскадры, в феврале он вышел в крейсерство, однако 29 февраля около Дьеппа 6 кораблей корсаров настигла эскадра голландского адмирала Роттердама

Йохана (Яна) [22]Эвертсена. После упорного пятичасового боя Колаарт был принужден к сдаче и попал в плен. В начале 1637 года испанцы смогли его выкупить, но в августе 1637 года Ян Колаарт умер в Ла-Корунье. Командующим Фламандской эскадрой стал бывший заместитель Колаарта Мигель де Орна. У мыса Лизард 18 февраля 1637 года Орна в качестве исполняющего обязанности адмирала встретил большой конвой из 28 голландских и 16 английских торговых судов, сопровождаемый несколькими голландскими фрегатами. Он энергично атаковал противника, разгромил конвой и захватил 17 торговых судов. Это стало последней каплей – в том же 1637 году принц Фредерик-Генрих Оранский решил всерьез заняться реорганизацией флота. Первым делом с флота с треском вылетел ван Дорп – его 15 октября заменил бывший флаг-капитан Хейна, Маартен Харпертсзоон Тромп [23]. Далее взялись за Адмиралтейства и правления Компаний – домашний флот был увеличен сначала до 42, а потом и до 56 судов, новый лейтенант-генерал плотно обложил Дюнкерк, на командные должности наконец-таки были поставлены талантливые капитаны Витте де Витт, Ян Эвертсен, Йосс Банкерт и другие.

В феврале 1639 года Мигель де Орна получил приказ от испанского правительства: доставить солдат в испанский порт Ла-Корунья, они были там нужны для формирования десантных сил в составе готовившейся там к походу Армады адмирала де Окендо во Фландрию. Также Орна должен был помочь адмиралу Окендо в прорыве морской блокады Ла-Коруньи, которую вел французский флот адмирала де Сурди (архиепископа Бордо). Для выполнения этого приказа необходимо было сперва выйти в открытое море и направиться к берегам Испании, а для этого в февральскую непогоду де Орна требовалось сначала прорвать блокаду Дюнкерка, которую осуществлял флот голландского адмирала Маартена Харпертсзоона Тромпа. В битве у Дюнкерка, разыгравшейся 19 февраля 1639 года, у Орна было 12 галеонов, 3 пинаса и 5 «уркас» с 2000 солдатами на борту. У Тромпа было 12 галеонов.

Традиционно считается, что Тромп после пятичасового сражения блестяще выиграл это сражение, но на самом деле все было не так просто. Да, в этой кровавой битве дюнкеркцы потеряли два галеона под командованием капитанов Мени и Петита, а другое судно эскадры, которым командовал его вице-адмирал Мэттью Ромбоутс, село на песчаную отмель, и, чтобы оно не досталось голландцам, команда подожгла корабль, а сама добралась до берега на шлюпках. Однако де Орна сумел вернуть все транспортные суда обратно в порт Дюнкерка без потерь. Кроме того, его

капитаны сражались так отважно, яростно и умело, что потери голландцев оказались намного выше – если дюнкеркцы потеряли 600 человек убитыми, ранеными и пленными, то потери голландцев убитыми и ранеными были около 1000 человек (испанские источники приводят цифру до 1700 человек, но это уже явный перебор – средний экипаж голландского корабля в 24–36 пушек составлял тогда 95–120 человек). В это время все корабли Тромпа были так тяжело повреждены в сражении, что сразу после битвы они с трудом дотащились до голландских портов, где встали на длительный ремонт. Таким образом, номинально проиграв сражение, де Орна достиг победы, поскольку его действия привели к деблокаде Дюнкерка, а его корабли пострадали намного меньше и отремонтировались гораздо быстрее. Поэтому через пару месяцев, в апреле 1639 года, он без всяких препятствий, легко и спокойно отплыл из деблокированного Дюнкерка и соединился в Ла-Корунье с основными силами адмирала де Окендо. Тем самым Орна блестяще исполнил все поставленные перед ним задачи и в конечном итоге, проиграв сражение, получил от этого больше выгоды, чем победители.

В декабре 1639 года Орна вышел в море, прорвав заслоны голландцев, атаковал у Лизарда французскую эскадру Бувэ, прорвался к Ла-Рошели и Олерону, где устроил настоящий погром французских торговых судов. Летом 1640 года на пути в Дюнкерк Орна был перехвачен эскадрой голландского адмирала Витте де Витта, бой был очень долгим (8 часов), голландцы смогли захватить два испанских галеона, а Орна был вынужден ретироваться в Ла-Корунью. Там он заболел лихорадкой и умер в мае 1641 года. Новым командующим Фламандской армадой стал Йосс Питерсен, который продолжил нападения на торговые суда противника.

Отчаявшиеся французы решили взять Дюнкерк с суши. Принц Конде во главе 10-тысячной армии в 1646 году разработал план атаки Дюнкерка, который в те времена казался несокрушимой крепостью – гарнизон в 3000 солдат, кроме того – 4000 матросов и 3000 ополченцев, ров, вал, толстые стены и более 120 орудий по периметру. Конде направил гонцов к Генеральным Штатам с просьбой блокировать Дюнкерк с моря, а сам, присоединив к себе два отряда солдат и конницы в 4000 и 2000 соответственно, подошел к крепости в начале сентября и блокировал ее с суши. Поскольку французы испытывали большие трудности с провиантом, Конде решил вопреки тогдашним нормам взять крепость без длительной осады. В ночь с 24 на 25 сентября в траншеях было установлено порядка 60 орудий. На следующий день французы начали решительную атаку в направлении холма дюн возле горнверка и захватили

его, но комендант Дюнкерка маркиз Лейден (герой обороны Маастрихта) предпринял титанические усилия, чтобы вернуть его, и развернулась ожесточенная борьба, длившаяся двадцать дней и сопровождавшаяся тяжелыми потерями. На валу перед стенами в течение дня шли решительные бои, Лейден ожесточенно сопротивлялся, и, как только французы овладевали позицией, они наталкивались на только что возведенные новые укрепления, а за каждой брешью в стенах они обнаруживали демилюну [24].

Тем временем испанцы сосредоточили несколько своих армий недалеко от Дюнкерка, но они не спешили действовать, считая, что трудности осады и неблагоприятная погода воспрепятствуют Конде без их вмешательства. Более того, после осторожной рекогносцировки французских позиций испанское командование решило, что укрепления французов слишком сильны и атаковать их будет неразумно, а когда стало известно, что принц Оранский готовит диверсию с целью поддержки французов, то испанцы решили строить свои планы с большой осмотрительностью. Было предложено нападение на Фюрн, но укрепления этого пункта оказались, по данным разведки, не менее сильны, и предприятие не обещало успеха. Безынициативное командование испанцев пришло к решению снабжать Дюнкерк по морю, но попытка осуществления этого плана также провалилась, поскольку как только испанские моряки увидели голландские и французские эскадры, крейсирующие у входа в порт, они немедленно стали искать спасения в бегстве.

В ночь с 1 на 2 октября был предпринят решительный штурм как бастиона, так и горнверка, и в захваченной части укреплений был устроен ложемент. Через три дня испанцы попытались прорваться сквозь позиции французов со стороны берега, но не преуспели. Лейден понял, что конец приближается, и 11 октября капитулировал на почетных условиях.

С падением Дюнкерка закончилась история Фламандской армады. Торговле союзников в Северном море более никто не угрожал. Нечаянная победа Конде имела стратегический успех – она полностью разрушила все замыслы Филиппа IV и Оливареса о победе на море путем крейсерских действий.

Эпизод II. Голландская Вест-Индская компания

Открытие «лавочки»

3 июня 1621 года была организована голландская Вест-Индская компания. Душой данного предприятия был Виллем Усселинкс (*Willem Usselincx*), фламандский купец, переехавший во время Голландской революции в Нидерланды. Еще в 1608 году Виллем издал книгу *«Размышления о навигации, товарообмене и торговле, и гарантии правительству Семи Провинций со стороны короля Испании и вице-королей Индий, как залог долгого и постоянного мира»*, в которой высказал идею о создании голландской Вест-Индской компании. Ярый приверженец кальвинизма, Усселинкс писал, что новая компания должна преследовать не только коммерческие цели, но и помочь переселению протестантов в Америки, дабы там, в новой земле с незапятнанным прошлым, создать новое общество – общество, населенное честными и набожными торговцами. Походя появилось и название для новой страны – Новые Нидерланды [25].

Сразу же после начала войны в Генеральных Штатах Голландии был зачитан документ, который назывался «Устав привилегий и льгот Вест-Индской компании». Среди всего прочего в этом документе отмечалось: *«Компании разрешается торговля и любые коммерческие предприятия в Вест-Индии и Африке, а также в других местах, открытых в будущем в границах, определяемых с юга параллелью от мыса Доброй Надежды до Магелланова пролива, а на севере – тропиком Рака* [26] *и островами Карибского моря… <…> Компания может от имени Генеральных Штатов заключать договоры с людьми и государствами, населяющими эти земли; вступать в союзы и объявлять войну; строить и населять любые поселения и форты в разрешенных районах; назначать и освобождать от должности губернаторов, командующих войсками и флотами, судей, чиновников любого ранга и других государственных служащих. Основной заботой компании является завоевание и освоение этих мест, а также создание там государственной структуры, подчиненной компании и Генеральным Штатам, а также развитие торговли»*.В Уставе было также прописано создание пяти представительств компании [27]: в Амстердаме, Зеландии, Роттердаме, Северной Фрисландии и Ланге. Руководство компании осуществляли 19 директоров (так называемые «господа XIX»), которые составляли совет акционеров ВИК.

Со стороны Генеральных Штатов устав был подписан секретарем парламента Жеромом (Иеремией) Магнусом, а со стороны новой компании – представителем пайщиков Сезаром Аерссеном.

Первым директором компании стал один из крупных ее пайщиков – бежавший от религиозных преследований в Голландию болонский ростовщик Джильермо Бартолотти [28].

Уже из приведенного отрывка видно, что голландцы не считали земли Америки и Африки принадлежащими Португалии или Испании, а также одним из приоритетов ставили завоевание и грабеж колоний.

Еще одно прибыльное занятие, поощряемое воротилами компании, – это каперство, а точнее – атаки на испанские «серебряные флоты», идущие с богатствами из Америки. Бартолотти и Усселинкх провели через парламент разрешение для ВИК создавать свой флот, и именно они ответственны за все потери голландского прибрежного флота и за слабую блокаду фламандских портов. Дирекция ВИК предложила Генеральным Штатам другой план войны на море – вместо защиты своей торговли надо атаковать чужую, испанскую и португальскую торговлю! Ведь захват даже одного галеона с серебром оправдывает потерю даже 100 буссов с сельдью. Подписание Устава компании стало своего рода согласием парламентариев на подобную стратегию. Скорее всего, не обошлось без взяток и обещаний процентов от грабежей.

К 1623 году Вест-Индская компания, решив все организационные проблемы, начала комплектовать свой флот. 2 ноября 1623 года вице-адмиралом флота ВИК был назначен Пит Хейн, известный капитан ОИК, разругавшийся с директорами ост-индийцев в 1617 году, а адмиралом стал Якоб Виллекенс. Уже 22 декабря отряд Хейна и Виллекенса в составе 19 кораблей и 4 яхт [29](500 орудий, 1700 штыков, командир солдат – полковник Ян ван Дорт) оплыл к берегам Бразилии, чтобы атаковать центр работорговли в Америке – португальский Сан-Сальвадор-де-Байю. Дабы отвлечь испанцев от флота Виллекенса, 24 апреля 1623 года из Флиссингена вышла вторая эскадра ВИК под командованием Якоба Клерка, по прозвищу Одноглазый, с приказом провести диверсии у побережья Перу и Мексики. Через две недели голландцы достигли островов Зеленого Мыса, а 25 января бросили якорь у острова Сент-Винсент, входящего в группу Малых Антильских островов. Там корабли прошли кренгование и небольшой ремонт, а также поджидали отставших.

29 апреля 1624 года голландцы спустились к Пернамбуку, где провели военный совет, на котором решили атаковать столицу португальской

Бразилии Сан-Сальвадор-де-Байя. 16 мая Виллекенс бросил якорь в бухте Сан-Сальвадор.

Испанский гарнизон под командованием португальского губернатора Сан-Сальвадора дона Диего де Мендоса де Фуртадо насчитывал 3000 человек, 15 кораблей и около 170 орудий. На острове у входа в бухту испанцы и португальцы, заранее предупрежденные своими агентами о целях голландского флота, соорудили форты и разместили дополнительно 15 орудий.

В 12.00 двумя нестройными колоннами голландцы втянулись в бухту. Островная батарея открыла огонь по кораблям, особенно тяжело пришлось кораблю Хейна «Гронингену» – его с расстояния в 500 метров расстреливали пятнадцать 30-фунтовых орудий. К счастью вице-адмирала, португальцы зарядили пушки картечью. На верхней палубе погибло довольно много людей, среди них капитан корабля Андре фон Колмер, а вот корпусу и такелажу корабля картечь на подобном расстоянии не причинила вреда. Стрельба же голландцев железным ломом и картечью была более действенной – она просто смела расчеты береговых орудий, и последние корабли колонны Хейна смогли высадить на батарее десант, но не встретили никакого сопротивления – португальцы покинули бастион. Португальские корабли и войска укрылись в цитадели города.

На следующий день Хейн с 5 кораблями атаковал суда противника. Португальцы открыли огонь с берега по приближающимся голландцам, но вскоре были вынуждены его прекратить – Хейн сблизился с португальскими кораблями и береговые батареи опасались попасть в своих. Пользуясь своим преимуществом в артиллерии над португальскими судами, голландцы без проблем часть кораблей захватили, а часть просто сожгли. Весть о сожженной армаде Сан-Сальвадора вызвала в городе панику – несмотря на усилия Мендосы, ночью большая часть гарнизона просто разбежалась. При этом те, кто должны были защищать город, малодушно бросили его, да еще напоследок и ограбили, вскрыв и разворовав склады губернатора и лавки торговцев. Утром 18 мая голландцы вошли в опустевший Сан-Сальвадор. Губернатор Мендоса и его сын, отказавшиеся покинуть город, были взяты в плен. На складах Виллекенс и Хейн обнаружили золотой песок, слоновую кость, серебряные слитки и множество менее ценного товара.

Виллекенс, наполнив корабли сокровищами, отплыл в Голландию, оставив на защите Сан-Сальвадора ван Дорта с 2300 солдатами и матросами, а также Хейна с 7 кораблями. Как оказалось – нахрапом захватить большой колониальный город гораздо легче, чем его удержать.

Полковник, только вступивший в должность губернатора, был убит 23 мая, попав в засаду недалеко от города. Сменивший его Виллем Схоутен, был тупым службистом и бисексуалом, вообразившим, что судьба подарила ему Сан-Сальвадор для его развратных похождений. Извращениям и жестокостям губернатора не было конца – описывать их нет никакого резона, отметим лишь, что были изнасилованы все монахини и монахи города. Город почти сразу же был осажден местными португальскими ополченцами и их индейскими союзниками.

Тем временем слухи о падении Сан-Сальвадора дошли до Испании и Португалии. Эти известия вызвали настоящую злость и желание отомстить – за 5 месяцев была сформирована Армада Южных морей в составе 55 галеонов и 4 пинасов [30](всего 1185 орудий и 12 566 солдат) под командованием дона Фадрике де Толедо.

29 марта 1625 года испанский флот вошел в бухту Сан-Сальвадора и начал обстрел цитадели. На следующее утро испанцы высадили трехтысячный десант, который выбил голландцев из бенедиктинского монастыря, причем потери нападавших ограничились 50 солдатами, тогда как осажденные недосчитались 159 человек, в чем была прямая вина Схоутена, который запретил голландцам стрелять, пока испанцы не взберутся на стены. Сразу же по возвращении в город Схоутен был отринут от должности офицерским собранием, командующим гарнизоном стал Эрнст Клейф, грамотный и смелый командир. Голландцы месяц отбивали атаки испанцев, но все решила бомба, которая при навесном огне попала в склад с порохом. Взрыв разрушил полгорода, и более у голландцев пороха не осталось. 1 мая 1625 года Клейф подписал капитуляцию, испанцы и португальцы смогли отбить город.

Пленных разместили на 7 испанских кораблях и хотели отправить в Испанию, однако один из галеонов («Сан-Мигель») попал ночью в шторм и был унесен к Ла-Плате. Голландские пленники вырвались из трюма и захватили корабль, позже они смогли привести судно в Англию. Остальные корабли идальго без приключений достигли Пиренейского полуострова.

Что же касается Хейна, он 5 августа 1624 года с семью кораблями отплыл к португальской колонии в Анголе – Сан-Паулу-де-Луанда. Это был центр сбора рабов для отправки в Америку и Европу. Хейн достиг Луанды осенью 1624 года. Попытка атаковать крепость провалилась – корабли Хейна вылетели на мелководье около крепости и попали под перекрестный огонь португальских батарей. До ночи шла контрбатарейная борьба, голландские суда сильно пострадали и лишь с ночным приливом смогли сняться с мелей. Попытка Хейна создать союз с африканскими царьками

также оказалась пустой затеей – местные князьки были кровно заинтересованы в продаже своих подданных «португальским собакам», поскольку те платили ружьями и порохом, а это было необходимо для охоты на диких животных и поддержания собственной власти.

Хейн взял курс на Сан-Сальвадор-де-Байя, однако, подойдя 30 апреля 1625 года к городу, увидел у его стен корабли дона Фабрике де Толедо, поэтому от греха подальше решил вернуться в Голландию.

Состав испанской армады, отправленной в Сан-Сальвадор в ноябре 1624 года

Наименование корабля	Тип корабля	Тоннаж	Пушки (бронзовые + железные)	Команда (моряки + солдаты)	Примечания
Португальская армада (капитан-генерал дон Мануэль Менесес, адмирал — дон Франсиско де Алмейда)					
Santo Antonio e Sao Vicente	Нао	900	28 + 14	160 + 450	Капитана
Santana Maior	Галеон	520	20 + 4	110 + 300	Альми-ранта
Nossa Senhora da Conceicao	Галеон	430	11+ 12	100 +2 00	
Sao Jose	Галеон	400	11+ 12	100 + 200	
Caridade	Урка	300	2 + 18	80 + 100	
Santa Cruz	Нави-етто	280	2 + 16	80 + 100	
Sao Joao Baptista	Урка	300	2 + 18	60 + 100	
Nossa Senhora do Rosario	Навио	350	0 + 20	50 + 150	
Nossa Senhora do Rosario Maior	Навио	300	0 + 14	160 + 450	

Наименование корабля	Тип корабля	Тоннаж	Пушки (бронзовые + железные)	Команда (моряки + солдаты)	Примечания
Nossa Senhora do Rosario Maior II	Навио	230	0 + 14	160 + 450	
Sao Bartolomeu	Урка	230	0 + 14	160 + 450	
Nossa Senhora das Neves Maior	Навио	220	0 + 14	160 + 450	
Sao Joao Evangelista	Навио	220	0 + 14	160 + 450	
Nossa Senhora da Ajuda	Навио	200	0 + 14	160 + 450	
Nossa Senhora da Penha da Franca	Навио	200	0 + 14	160 + 450	
Nossa Senhora da Boa Viagem	Навио	150	0 + 14	160 + 450	
Nossa Senhora das Neves Menor	Навио	150	0 + 14	160 + 450	
Sao Bom Homem	Навио	140	0 + 9	35 + 45	
Conceicao	Каравелла	139	Без артиллерии	22 + 10	
Rosario	Каравелла	93	Без артиллерии	22 + 10	
Nossa Senhora dos Remedios	Каравелла	120	Без артиллерии	22 + 10	
Sao Joao	Каравелла	90	Без артиллерии	22 + 10	
Армада Эспанья (генерал-капитан дон Фадрике де Толедо и Оссорио)					
Nuestra Señora del Pilar y Santiago	Галеон	1040	55	120 + 368	Флагман
San Nicolas de Tolentino	Галеон	500	26	60 + 300	
Santisima Trinidad	Галеон	500	24	60 + 290	
Nuestra Señora de la Victoria	Галеон	450	24	57 + 169	
San Salvador	Урка	530	30	70 + 180	
Enrique	Урка	292	20	60 + 80	
San Pablo	Галеон	318	18	54 + 70	
Rey David	Галеон	231	18	56 + 60	

Наименование корабля	Тип корабля	Тоннаж	Пушки (бронзовые + железные)	Команда (моряки + солдаты)	Примечания
San Miguel el Turquillo	Галеон	294	20	62 + 80	
Puerto Cristiano	Галеон	292	16	70 + 100	
Esperanza	Урка	319	18	70 + 80	
Гибралтарская Армада (капитан-генерал Хуан Фахардо де Гевара и Тенза)					
Santiago de Oliste	Галеон	900	60	100 + 380	Флагман
Nuestra Señora del Rosario	Галеон	652	32	80 + 216	
San Juan Baptista	Галеон	400	26	80 + 194	
San Miguel	Галеон	450	20	70 + 150	
San Pablo	Галеон	360	20	60 + 200	
Армада Бискайи (капитан-генерал Мартин де Валенсиа)					
San Juan Baptista	Галеон	600	40	90 + 319	Флагман
Santa Teresa	Галеон	446	24	60 + 238	
Nuestra Señora de la Atalaya	Галеон	440	22	60 + 210	
San Josef	Галеон	400	20	80 + 124	
Армада Четырех Городов (капитан-генерал Франсиско де Осеведо)					
Nuestra Secora de la Atalaya	Галеон	?	40	90 + 264	Флагман
Santana la Real	Галеон	304	26	70 + 150	
San Juan de la Vera Cruz	Галеон	402	20	60 + 220	
San Pedro	Галеон	450	22	64 + 159	
San Francisco	Галеон	379	24	55 + 338	
Santa Catalina	Галеон	411	22	65 + 210	
Отряд галеонов Неаполя					
Nuestra Señora de la Concepciyn	Галеон	1200	60	120 + 415	Флагман Неаполя
Nuestra Señora de la Anunciación	Галеон	800	54	80 + 352	
Транспортные суда					
San Jorge	Паташ	200	16	46 + 70	
Carmen	Паташ	200	16	46 + 70	

Наименование корабля	Тип корабля	Тоннаж	Пушки (бронзовые + железные)	Команда (моряки + солдаты)	Примечания
San Juan Baptista	Каравелла		Без артиллерии	30 + 17	
San Juan	Тартана		Без артиллерии	21 + 27	
San Pedro Maior	Тартана		Без артиллерии	21 + 27	

Атака Кальяо

Эскадра же вице-адмирала ВИК Якоба Клерка [31], в составе 11 кораблей (288 пушек, 1023 матроса, 600 морских пехотинцев) 2 января 1624 года обогнула Америку проливом Дрейка и в конце марта подошла к побережью Перу.

Состав флота Клерка

Наименование	Командир	Тоннаж	Пушки	Примечания
Amsterdam	Лендерт Штольк	800	42	Флагман
Delft	Витте де Витт	800	40	Вице-флагман
Oranjien	Лоренс Квиртийнен	700	32	
Hollandia	Андриен Тол	600	34	
Eendracht	Ян Янбрандзоон	600	32	
Mauritius	Якоб Андриансзоон	560	32	
Arend	Мейден Эйнберийс-зоон	400	28	
Koning David	Ян Томасзоон	360	16	
Griffoen	Питер Хейдлоон	320	14	
Hoop	Питер Слоббе	260	14	
Hazewind of Windhond	Соломон Вилеемс-зоон	60	4	Яхта

По пути голландцы сумели поссориться с яганами (жителями Огненной Земли), причем индейцы неистово атаковали высадившихся пришельцев, часть из них ранили, а 17 человек захватили в плен. Клерк срочно отплыл от архипелага и взял курс на север. 4 апреля голландцы сделали якорную стоянку у острова Хуан-Фернандес [32], где провели килевание кораблей и неотложный ремонт. 9 мая Клерк появился у стен Кальяо.

Задачей этого отряда ВИК был захват серебряных шахт Перу. Для решения такой авантюрной задачи голландцы предполагали объявить всех индейцев и негров-рабов свободными, чтобы лишить немногочисленных испанцев поддержки местного населения.

Надеждам этим не суждено было оправдаться. На эскадре, блокировавшей Кальяо, вовсю свирепствовала эпидемия дизентерии из-за очень плохой воды, набранной на острове Сан-Фернандес.

Сам Клерк был тяжело болен, его флагманский «Амстердам» более напоминал плавучий госпиталь (113 членов экипажа были больны), поэтому приказал принять на себя руководство экспедицией вице-адмиралу Гуго Схапенхаму на «Дельфте». Испанцы были заранее предупреждены о готовящемся нападении, в порту стояли две каравеллы с серебром, которые задержал губернатор до решения вопроса с голландцами. Основная же часть флота с 8 миллионами песо в серебряных слитках в спешке покинула гавань две недели назад и взяла курс на север, чтобы достичь тихоокеанского побережья Панамы, а оттуда пойти к Филиппинам.

Голландцы, только 3 мая перехватившие испанское судно, моряки с которого сообщили им, что в Кальяо стоит «Серебряный флот», были вне себя. Всех захваченных испанцев выволокли из трюмов и вздернули на реях. Капитаны кораблей упрашивали Схапенхама пойти в погоню за «Flota de Indias» [33], однако вице-адмирал резонно возражал, что голландцы не знают вод Панамы и Мексики, а там сильные течения и много предательских мелей.

10 мая 1624 года 1200 солдат и матросов попытались высадиться на пустынном пляжу к северу от города, однако высадка провалилась. Полоса рифов не давала подвезти лодки близко к берегу, три же шлюпки, преодолевшие их, достигли берега, но почва оказалась болотистой, окруженной песками-плывунами. Три человека нашли страшную смерть, провалившись в песок. Кроме того, из леса, расположенного метрах в 50 от берега, прозвучало несколько аркебузных выстрелов, направленных в сторону голландцев, поэтому они решили не рисковать и вернулись на корабли.

На следующий день нидерландцы перехватили 3 испанских шхуны с грузом вина, идущих в Кальяо. Весь день прошел в поисках удобного места для высадки, но безрезультатно. Везде на берегу виднелись испанские отряды, были выкопаны траншеи, за брустверами дымили фитилями пушки. Яхта «Грейхаунд», подошедшая близко к берегу, была обстреляна береговыми батареями идальго, которые оказались на редкость точными – всего двумя залпами испанские пушки сбили кораблю бупшприт, отбили грот-марса-рей, проделали пробоину в носовой части судна.

13 мая была произведена последняя попытка высадиться – неудачно. Во время высадки погибли 3 офицера и 15 солдат, более того – под защиту батарей Кальяо сумели проскользнуть 3 испанских галеона. Вечером

голландцы собрали военный совет, на котором решили установить блокаду порта. Они очень надеялись, что в городе с населением в 1000 испанцев и 2000 рабов-негров и индейцев скоро возникнут голодные бунты. К тому же для блокады хватит 4–5 кораблей, а остальные могут пойти в крейсерство и славно поживиться на прибрежной испанской торговле.

Четыре корабля голландцы отправили к Писко и Наска, а еще два – на север, к крепости Гуаякиль. Отряд же из 5 кораблей остался блокировать порт. Рейды прошли успешно – Гуаякиль взяли штурмом, обратно привезли 35 плененных испанцев, Писко и Наска откупились, это стоило им по 10 тысяч дукатов. 2 июня скончался совсем обессилевший Клерк, тело его похоронили на островке Сан-Лоренцо, неподалеку от Кальяо. Многие матросы также отравились некачественной водой и чувствовали себя очень плохо. В командах свирепствовали цинга и дизентерия. Выдача воды была строго нормирована, еда заканчивалась.

Рабы же в испанской крепости почему-то не поднимали восстания: то ли испанцы к ним хорошо относились, то ли за ними было усилено наблюдение, то ли не верили голландцам. Третья версия кажется самой правдоподобной, ибо до испанцев уже дошли слухи о художествах ВИК в Сан-Сальвадор-де-Байя.

10 августа было принято решение снять блокаду и уплыть домой. Для поддержания престижа голландцы постреляли по цитадели пару дней, а 14 августа в полдень снялись с якорей и уплыли восвояси. 98 дней осады стоили эскадре 700 человек убитыми и умершими от болезней, 300 человек ранеными. Испанские потери ограничились 5 кораблями, 55 убитыми и 300 раненными и заболевшими.

Крейсерство Питера Схутена

26 января 1624 года из Флиссингена вышла маленькая эскадра под командованием вице-командора Питера Схутена в составе трех кораблей (24-пушечный флейт «Хооп», 14-пушечный паташ «Эндрахт» и 8-пушечная яхта «Троуве» [34]), которая направилась в Вест-Индию. Задачей данного отряда была разведка – Морица Нассауского и Генеральные Штаты, а более всего директоров ВИК, интересовала степень защищенности испанского Мэйна и островов Карибского моря. В середине марта корабли прибыли на Барбадос, где встали килеваться и чиниться после перехода в укромной бухточке. В начале мая Схутен отплыл к Малому Кайману (Каймановы острова), поскольку надеялся перехватить испанские торговые корабли, идущие от Мексики к Кубе. Ожидания капера вполне оправдались: он смог захватить 7 маленьких испанских судов; кроме того, Питер наблюдал большие галеоны, курсирующие с товаром между материком и Кубой, но перехватить их он не решился – вооружение обычного галеона было не менее 24 орудий, из которых не менее восьми – дальнобойные пушки большого калибра (18–24 фунта).

Поскольку припасы подходили к концу, Схутен решил вернуться домой. Недалеко от Гондураса он столкнулся с двумя испанскими «урками», тяжело гружеными товаром. Голландцы пошли на абордаж, однако испанцы умело маневрировали и отстреливались. После продолжительной восьмичасовой погони Схутен смог догнать и атаковать один из испанцев – 300-тонный «Сан-Хуан де Батиста» (капитан Франсиско Эрнандес-и-Морено), шедший со сборным грузом из Картахены в Канкун. Через полчаса 50 членов команды испанского судна были захвачены в плен, 25 – убиты. Поскольку с пленников нельзя было взять никакого выкупа, Схутен решил высадить всех, кроме капитана, около побережья. Следует сказать, что в тот жестокий век это было очень мягкосердечным и рискованным решением, вряд ли испанцы поступили бы так же с голландцами. Призы, взятые голландцами, были довольно большие – 1600 бочек сахара, 3000 бычьих кож, 500 кувшинов пальмового масла, 3 сундука с серебряными песо. Оценочная стоимость захваченного – 30 тысяч гульденов. Около Тортуги «Эндрахт» вылетел на камни, поэтому вся команда перешла на «Сан-Хуан де Батиста», Франсиско Эрнандесу доверили управление кораблем, что тот безукоризненно выполнил.

В октябре 1624 года отряд Схутена вернулся во Флисинген.

По результатам разведки было решено послать в Вест-Индию более сильное соединение ВИК, «господам XIX» грезились захват Ямайки и Пуэрто-Рико, а также богатства Мексики и Перу.

Атака Пуэрто-Рико

Ранним утром 24 сентября 1625 года дозорные, стоящие в бастионе Сан-Фелипе-дель-Морро, расположенном в пуэрториканской крепости Сан-Хуан, увидели бесконечную вереницу парусов, идущую по направлению к бухте Бокерон. Корабли бросили якорь в трех милях от берега, а небольшой бьялк под белым флагом проследовал к пристани города. Парламентеры под барабанный бой вручили бумагу для губернатора Пуэрто-Рико Хуана де Аро.

Оказалось, что корабли принадлежали голландской Вест-Индской компании, командир отряда капитан Бодевийн Хендрикс выставил губернатору ультиматум, в котором требовал сдать город. Вот его полный текст:

«Губернатору дону Хуану де Аро.

Вы должны знать о причинах нашего прибытия, а также о наших намерениях. Поэтому я, Бодевийн Хендрикс, генерал голландского отряда, от имени Генеральных Штатов моей страны и Его Высочества принца Оранского требую сдать на нашу милость крепость и гарнизон. В случае невыполнения моего требования я предупреждаю, что после штурма города мы не оставим в живых ни стариков, ни детей, ни женщин, ни мужчин.

Надеюсь на ваше благоразумие,

С уважением,

Бодевийн Хендрикс».

Аро был опытным воякой, участвовавшим в первой войне с Голландией, и ультиматумами разных оборванцев его было не испугать. Тотчас же была объявлена тревога, срочно вооружилось местное ополчение, из арсеналов достали ядра и порох. Меж тем голландская эскадра (17 кораблей, 2000 солдат) проследовала в бухту Пунталья к югу от города, где высадился десант в 1500 человек и 6 орудий.

Гарнизон Сан-Хуана насчитывал всего лишь 330 солдат и 56 орудий, большая часть из которых стреляла последний раз в 1596 и 1598 годах, во время нападения на Пуэрто-Рико Френсиса Дрейка и Ричарда Клиффорда [35]. Лафеты многих пушек сгнили, семь кулеврин просто взорвались при

первом же залпе.

Кроме того, запасы провианта в гарнизоне насчитывали 1200 буханок хлеба, 46 бушелей кукурузы, 130 кувшинов оливкового масла,10 бочек сухарей, 300 головок сыра, 1 бочку муки и 200 куриц. В общем, на город с населением около 1200 жителей запасов практически не было. Ночью отряд, посланный губернатором, сумел купить на хуторах и провести в город 50 свиней и 20 одичавших лошадей, но и это не решало проблемы.

Пытаясь выиграть время, дон Хуан попросил дать ему несколько дней на сношения с вице-королем Вест-Индии, голландцы обещали не атаковать город три дня, но сами основательно готовились к штурму, сгружая на берег все необходимое.

30 сентября Хендриксу вручили ответ от Аро:

«Я читал вашу писульку, и искренне удивлен, что вы просите меня, ветерана боев во Фландрии, о такой вещи, которую я не осмелюсь произнести вслух. Уважаемый, я очень хорошо знаком с вашими методами и методами ваших соплеменников, а также с тем, как вы умеете (или вернее – не умеете) воевать и осаждать города.

Если вы сдадите мне все свои суда, на которых вы приплыли, и связанные по двое, без оружия, войдете в город, я подумаю о том, чтобы сохранить вам жизнь. В любом другом случае всем вам грозит смерть.

Только мой Король и никто другой будет владеть Сан-Хуаном.

Замок Сан-Фелипе-дель-Морро,

30 сентября 1625 года

Хуан де Аро».

На следующий день началась бомбардировка города. В общей сложности голландцы сделали 150 залпов, но никаких повреждений они укреплениям города нанести не смогли. Однако голландцам удалось захватить испанское торговое судно, беспечно подошедшее к крепости. Событие произошло на виду у всего города, ни гарнизон, ни жители не могли ничем помочь неосторожному капитану.

В ночь на 4 октября де Аро произвел вылазку с 80 солдатами, нидерландцы были захвачены врасплох, испанцы смогли заклепать и увезти с собой 2 орудия, погибли 23 голландских матроса. С этого дня вылазки идальго стали постоянными, они наносили большой урон осаждающим, осадные работы сильно замедлились. 21 октября Хендрикс написал еще одно письмо губернатору, предупреждая, что после захвата города он попросту сожжет его. Де Аро ответил в том духе, что на Пуэрто-Рико достаточно лесов и камня, чтобы отстроить новый город. Также испанский губернатор предлагал Хендриксу запросить в Голландии подкрепления,

поскольку разбить отряд в 2000 голландцев, имея 300 человек гарнизона, по мнению ветерана Фландрии, – обычное дело. *«А я*, – продолжал дон Хуан, – *хотел бы отличиться, и разбить со своими тремястами храбрецами целую голландскую армию»*.

На следующий день голландцы пошли на штурм и смогли захватить город, кроме цитадели Сан-Фелипе-дель-Морро. Во исполнение своего обещания Хендрикс сжег около сотни зданий, большей частью деревянных, и начал готовиться к штурму последнего бастиона испанцев.

Но человек предполагает, а Бог располагает. Де Аро еще в начале сентября послал капитанов Амизгута и Ботелло в глубь острова, с задачей набрать небольшой отряд и идти на помощь гарнизону Сан-Хуана. 1 ноября 200 ополченцев во главе вышеназванных кабальеро с таким пылом атаковали голландцев, что те полностью очистили город и отошли к своим кораблям. Устрашенные лихой атакой, голландцы вообразили, что имеют дело с равным по численности испанским отрядом, и на военном совете решили уплыть с острова. Осада стоила нидерландцам 400 человек убитыми и более 500 ранеными. Испанские потери – 30 человек убитыми.

Перед отплытием Хендрикс обратился к де Аро с просьбой позволить ему закупить провизию у пуэрториканцев, но губернатор категорически ему отказал.

Действия де Аро, Амизгуты и Ботелло вызвали восхищение Оливареса и Филиппа IV. Губернатор Сан-Хуана получил в награду 2000 дукатов и стал кавалером ордена Сантьяго; капитан Амизгута стал обладателем 1000 дукатов, а позже был назначен губернатором Кубы; Ботелло также получил 1000 дукатов и земли во владение в Мэйне.

«Серебряный вояж» Питера Хейна

Не зная о неудаче Хендрикса у Пуэрто-Рико, Совет директоров ВИК 28 марта 1626 года отправил в Карибское море отряд Пита Хейна в составе 9 кораблей, 5 паташей (800 солдат и 1400 моряков).

Наименование	Тоннаж	Пушки	Экипаж	Примечания
Amsterdam	300	40	204	Адмирал Пит Хейн
Hollandia	300	30	178	
Geldria	300	34	180	
Zutphen	170	28	155	
Pinas	100	18	66	
Raaf	15	5	14	
Spermer	15	4	19	
Walcheren	280	30	175	Вице-адмирал Оэле
Arend	80	12	60	
Neptunus	230	20	144	Шаутбенахт ван Эйк
David	60	14	58	
Oranjeboom	300	33	152	
Gouden Leuw	250	28	190	
Vos	70	16	80	

21 мая Хейн достиг Пуэрто-Рико, где он узнал, что атака Хендрикса закончилась полным провалом, сам Бодевийн мертв, а остатки его экспедиции ушли в Европу, домой. Для атаки Сан-Фелипе-дель-Морро у Хейна банально не хватало сил, поэтому в качестве жертвы был выбран многострадальный Сан-Сальвадор-де-Байя. Корабли отплыли к Бразилии, 1 марта 1627 года голландцы увидели стены португальской крепости. Однако идальго встретили непрошеных гостей во всеоружии – слухи о возможной атаке Хейна распространились по всему американскому побережью. У берега стояли на якорях 16 галеонов (на четырех, несших флаги капитана и альмиранте, были загружены войска) и 14 других судов.

Хейн все же решил атаковать испано-португальскую эскадру. Он планировал пройти между берегом и кораблями, ведя огонь на оба борта по батареям и судам. Это был очень рискованный план, с берега голландцев встретила жестокая пальба, однако вскоре она утихла, поскольку испанцы – плохие артиллеристы – несколько раз попали по своим судам. В результате Хейн безнаказанно смог смешать береговые батареи с землей и схватиться на абордаж с испанскими кораблями. Концевые галеоны, один их которых нес флаг адмирала, открыли сильный огонь по голландцам, голландцы ответили, несколько раз абордажные команды пытались высадиться на испанских судах, но были отбиты. В конце концов альмиранте удалось поджечь, а еще три галеона взять на абордаж. Это ознаменовало конец организованного сопротивления испанцев. В панике они начали рубить якорные канаты, но все же 12 судов из 30-ти были либо захвачены, либо сожжены. Голландцы потеряли 1 паташ и флагманский галеон «Амстердам», который вылетел на мель под огонь пушек и был покинут командой; Хейн получил мушкетную пулю в ногу, но, к счастью, смог спастись. Добычей голландцев оказались 2700 ящиков сахара, несколько центнеров хлопка и табак, которые были погружены на 4 галеона и отосланы в Голландию.

Хейн же проследовал к Рио-де-Жанейро на охоту за Бразильским конвоем [36], где захватил несколько призов, а потом взял курс домой. 31 октября 1627 года эскадра Хейна бросила якорь в Дельфте. За время крейсерства было захвачено 55 судов, среди них – 12 больших галеонов, что оказалось вполне достаточным для возмещения акционерам ВИК всех расходов на снаряжение экспедиции. На собрании акционеров было решено не делить прибыль от вояжа, а употребить ее на снаряжение нового отряда кораблей. В следующем, 1628 году планировалось послать к берегам Америки две эскадры – Дирка Симонзоона Уитгееста (12 кораблей) в Бразилию и Питера Андриансзоона Иты (12 кораблей) в Вест-Индию. Однако в марте было решено снарядить и третью экспедицию – 31 корабль под командованием Питера Хейна решили отправить к побережью Новой Испании. В конце мая 1628 года из Амстердама вышла эскадра следующего состава:

Наименование	Тоннаж	Пушки*	Экипаж	Тип корабля	Примечания
Amsterdam	500	50	250	Галеон	Генерал-адмирал ВИК Питер Хейн, флаг-капитан Витте де Витт
Hollandsche Tuin	400	36	197	Галеон	Вице-адмирал Хенрик Лонк
Hollandia	300	30	175	Флейт	
Gelderland	300	32	177	Флейт	

Наименование	Тоннаж	Пушки*	Экипаж	Тип корабля	Примечания
Provincien Utrecht	300	30	184	Флейт	
Witte Leeuw	180	24	?	Флейт	
Zwarte Leeuw	180	24	107	Флейт	
Vergulde Falk	150	26	127	Флейт	
Roode Leeuw	250	24	161	Флейт	
Haarlem	220	22	162	Флейт	
Pinas	100	8	86	Пинас	
Muiden	60	16	48	Яхта	
Maaden	60	14	15	Яхта	
Eenhoorn	60	10	47	Яхта	
Zwarte Ruyter	60	14	50	Яхта	
Langebark	20	2	20	Яхта	
Neptunus	200	24	155	Флейт	Вице-адмирал Йоост Банкерт
Tijger	120	24	151	Пинас	
Goude Zon	160	18	109	Пинас	
Postpaard	70	12	78	Яхта	
Oud-Vlissingen	50	12	45	Яхта	
Utrecht	300	35	209	Флейт	Шаутбенахт Корнелис Клаасзоон Мелкмейд
Dordrecht	250	24	147	Флейт	
Neptunus	230	26	155	Флейт	
Tijger	57	14	90	Яхта	
Monnikendam	300	30	168	Флейт	
Griffoen	250	32	194	Флейт	
Ooievaar	90	14	77	Яхта	
Goude Leeuw	250	28	190	Флейт	
Dolfijn	150	20	132	Яхта	
Vos	70	12	74	Яхта	

* Указано штатное количество орудий, реально в дальний поход на кораблях сняли довольно большое количество пушек.

Всего 31 корабль, 3500 моряков, 355 орудий разных калибров. Задачей Хейн имел атаку испанского «серебряного флота». Ранее эскадрам ВИК не удавалось перехватить «серебряный флот», но «господа XIX» поверили в удачливость Питера Хейна. 10 июля корабли экспедиции достигли острова Сент-Винсент. 19 июля Хейн крейсировал около Венесуэлы.

Испанцы еще в июне получили данные об экспедиции Хейна. Испанский губернатор Картахены срочно отправил депешу губернатору Каракаса о голландской эскадре в водах Terra Firme. В это время в водах Вест-Индии находился флот Новой Испании Хуана де Бенавидеса-и-Базана (внука знаменитого испанского моряка Альвареса де Базана, первого командира Непобедимой армады, которого сменил маркиз Медина-Сидония), в составе 23 кораблей и судов. Испанский эскорт прибыл в Новую Испанию 16 сентября 1627 года и стоял в гавани Вера-Круса, где принимал на борт серебро, золото и колониальные товары. 22 июля 1628 года де Бенавидес попытался выйти в море, но был вынужден вернуться в гавань из-за сильного шторма. 8 августа «серебряный флот» покинул Вера-Крус, в состав конвоя входило 22 судна (еще одно пострадало во время шторма и было оставлено в порту), из которых 4 – большие галеоны, 2 вооруженных приватира и торговые корабли. Общее количество пушек оценивается в 223 единицы. В таблице представлены известные нам поименно корабли:

Наименование	Тоннаж	Примечания
Santa Ana Maria	630	Капитан-генерал дон Хуан де Бенавидес-и-Базан, имел 16 30-фунтовых пушек
Santa Gertrudis	640	Альмиранте дон Хуан де Леос
S. Juan de Bautista		
Santa Cruz		

Наименование	Тоннаж	Примечания
N.S. de la Concepcion		
S. Antonio y N.S. de la Victoria		
N.S. de la Antigua		
S. Francisco de las Llagas		
Santa Teresa y S. Diego		
S. Juanico		
N.S. de Atocha		
N.S. de la Candelaria		
Santa Lucia		Фискаль (контр-адмирал)

Тем временем Хейн не мог обнаружить даже следов Флота Новой Испании у берегов Венесуэлы, поэтому решил сменить район крейсерства, отплыв к Кубе. Де Бенавидес, до которого в свою очередь дошли слухи о голландской эскадре, дрейфующей в районе Венесуэлы, решил плыть в Испанию кружным путем – через Кубу. Отсутствие разведки и систематического наблюдения за отрядом ВИК сыграло с де Бенавидесом жестокую шутку. В конце августа Флот Новой Испании попал в шторм у Ки-Вест, но 7 сентября все корабли соединились и продолжили свой путь, кроме одного судна, которое было отнесено к северу. Капитан этого судна, увидев в ночи огни голландской эскадры, принял их за отряд де Бенавидеса и подошел к кораблям Хейна. Торговца тотчас же взяли на абордаж, и Хейн сразу узнал, что «серебряный флот» находится рядом. Утром 8 сентября 1628 года голландцы обнаружили 12 испанских судов к северу от себя, и 6 – с юга, ближе к берегу Кубы. Хейн решил атаковать корабли, расположенные к северу, польстившись на то, что их больше. К полудню голландцы довольно легко захватили 9 судов с грузом кошенили, какао, шкур, индиго и других товаров, оставшиеся три торговца бросились наутек. Но серебра на кораблях не было, и, хотя испанские капитаны молчали, Хейн предположил, что основной груз сосредоточен на тех шести больших галеонах, которые он видел у побережья Кубы утром. Сразу же был взят курс к острову, причем с таким расчетом, чтобы перекрыть испанцам путь к фортам Гаваны.

Тем временем де Бенавидес, узнавший от присоединившихся к нему судов о голландской эскадре, приказал приготовить корабли к бою. На «Санта Анне Марии» был созван военный совет, где решали, что делать дальше – либо прорываться с боем в Гавану, либо войти в бухту Матансас, где организовать крепкую оборону. Был выбран второй вариант – корабли

повернули к берегу и двинулись к бухте. Отказ от боя стал сильным моральным ударом по экипажам испанских кораблей – замыкающие паниковали, видя, как близко корабли Хейна. В полной сутолоке «Санта Анна Мария», «Санта Гертрудис» и «Санта Лючия» – то есть самые сильные корабли эскадры – вылетели на мель в западной части залива. Это вызвало панику. Испанские матросы бросались с кораблей и вплавь старались достичь берега, корабли скучились, не могло быть и речи о выстраивании линии и удачном использовании артиллерии.

При свете луны 26 кораблей Хейна (остальные остались с призами, захваченными утром) в трех колоннах (по два дивизиона в каждой) вошли в гавань Матансас. Видя, что галеоны сели на мель, генерал-адмирал приказал спустить шлюпки и послать абордажные партии к испанцам. На брошенных кораблях голландцы обнаружили настоящий хаос – трюмы вскрыты, по палубам разбросаны товары и припасы, оставшиеся на кораблях, бросив оружие, молили каперов о пощаде. По показаниям пленных, де Бенавидес бежал на берег в числе первых, за ним последовали и капитаны судов, и чиновники Новой Испании. Хейн, не веря своему счастью, приказал вести спорадический огонь по берегу, поскольку опасался, что испанцы попытаются отбить столь ценные призы. Но он ошибался – де Бенавидес, прибыв в Гавану, нагнал страху и на тамошнего губернатора, крепость срочно готовилась к обороне, всем кораблям было приказано вернуться в гавань.

Голландцы же всю следующую неделю свозили товары на свои корабли. Хотя у Хейна было довольно большое количество судов, их все же не хватило, поэтому часть товаров была загружена на захваченные испанские корабли. Захваченные сокровища поражали всякое воображение – 177 329 фунтов [37]серебра, 135 фунтов золота, тысяча жемчужин, индиго, кошениль и другие товары – общая сумма захваченного оценивалась в 11 509 524 гульденов! 16 сентября эскадра Вест-Индской компании взяла курс домой. 5 испанских призов были сожжены в бухте, 8 судов взяли с собой в качестве призов, пленных Хейн отпустил на берег, предварительно снабдив их запасом провизии на четыре дня и указав путь к Гаване. Среди отпущенных на свободу оказался и альмиранте дон Хуан де Леос, заместитель де Бенавидеса. Он успел до захвата кораблей голландцами переодеться в платье простого матроса и поэтому не был узнан голландцами.

Путь домой неожиданно оказался довольно тяжелым – постоянные шторма и противные ветра. Долгое плавание спровоцировало недоедание и как следствие – цингу. Хейн решил на свой страх и риск войти в

английский порт Фалмут в Корнуолле (а с Англией тогда у голландцев были отношения довольно натянутые), где простоял, пережидая шторма, до 6 декабря 1628 года. 10 января 1629 года большая часть кораблей вошла на рейд Хеллевутслейса.

14 января Хейн, Лонк и четыре директора ВИК были приглашены на заседание Генеральных Штатов, где во всех подробностях отчитались о целях и результатах экспедиции. В Гааге был устроен праздничный карнавал в честь Хейна, о крейсерстве удачливого капера слагали песни и стихи. Власть имущие же занялись более прозаическими делами – дележом прибыли. Принц Оранский, как генерал-адмирал голландского флота, получил $^{1}/_{10}$ часть всей добычи, столько же было выделено для дележа между экипажами кораблей. Хейн получил в качестве своей доли 7000 гульденов, а кроме того 1500 гульденов и золотую цепь в качестве награды от директоров ВИК. Чистая прибыль предприятия составила 7 миллионов гульденов, из которых 3,5 миллиона решили выплатить пайщикам в качестве дивидендов. Позже пайщикам выплатили еще 2 миллиона, в казну компании внесли полтора миллиона гульденов.

Что касается Хуана де Базана-и-Бенавидеса, он вернулся в Испанию в 1634 году и 18 мая был обезглавлен *«за ненадлежащее исполнение своих обязанностей»*. Дон Хуан де Леос был заключен в тюрьму пожизненно.

Эпизод III. Голландская Бразилия

В погоне за сахаром

Захват «серебряного флота» Питером Хейном вызвал гигантский приток акционеров и позволил руководству ВИК выделить деньги на новую экспедицию. Теперь целью атак голландцы выбрали северо-восток Бразилии – район Пернамбуку (ныне – штат Бразилии). Места эти были очень привлекательны из-за знаменитого бразильского сахара.

Родиной сахара считается Индия, где он был известен еще 2 тысячи лет назад, однако там он присутствовал в виде тростникового сиропа, который употребляли с пищей. В V веке до н. э. индийцы научились перерабатывать сахарный сироп в гранулы, что позволяло долго хранить сахар и спокойно его транспортировать. Изначально тростник мяли, резали и держали на солнце, пока сок его не выкристаллизовывался, причем высушенные частицы напоминали частицы гравия. Именно гравий и дал название лакомству – слово «шаркара» на санскрите означало изначально именно «гравий» или «песок» [38].

И все же сахару понадобилось около 1000 лет, чтобы завоевать весь мир. Толчок мировой торговле сахаром дали арабы, которые после завоевания Леванта, Северной Африки и Пиренейского полуострова познакомили с новым лакомством Южную Европу и Ближний Восток. Западноевропейские рыцари столкнулись с сахаром во время Крестовых походов – тогда тростниковый сахар получил у них название «сладкая соль», но вскоре арабское название «сакара» трансформировалось в привычные нам слова «сахар», «шугер», «цукер».

До середины XV века центром сахарного производства были острова Кипр и Мадейра, но все изменилось с открытием Нового Света. Знал ли губернатор Канарских островов Беатриз Бобадилья и Оссорио, вручивший в августе 1492 года Христофору Колумбу несколько отростков сахарного тростника, что это полностью изменит экономику всего мира?

В 1520-х годах первые сахарные плантации появились на Кубе и Ямайке. Уже 1540 году в португальской Бразилии было 60 сахарных плантаций, к 1630-му – уже более трехсот. К двадцатым годам XVII века именно португальские колонии в Южной Америке стали основным поставщиком сахара в Европу. Объем производимого в 20-х годах сахара составлял около 700 тысяч *арроб*(1 арроба=11,5 кг) [39], а общий товарооборот Пернамбуку с Европой оценивался в 1 050 000 голландских

флоринов. Усселинкс и «господа XIX» посчитали «сахарные места» португальской Бразилии очень лакомым кусочком.

Атака Олинды и Ресифи [40]

Что же представляла из себя португальская Бразилия в те времена, а вернее, ее «сахарные места» – капитания (провинция) Пернамбуку? На больших расстояниях друг от друга были раскиданы городки и деревни, в которых преобладало негритянское и индейское население. В стандартном поселении, обычно расположенном недалеко от сахарной плантации, жило до двадцати человек белых и около сотни черных. Такая деревня производила в год от 8 до 9 тысяч арроб сахара.

Основные порты, через которые экспортировался сахар, были расположены в местности, называемой Виана (ныне – бразильский штат Эспиро-Санту), количество судов, вывозивших груз, колебалось от 29 до 80 штук в год. В основном это были каравеллы водоизмещением до 350 тонн.

«Сладкие суда», как их называли, были лакомой целью для берберских пиратов, орудовавших около побережья Западной Африки. К примеру, в период с 1623 по 1624 год было захвачено 15 из 80 португальских кораблей с сахаром, что заставило португальцев отправлять корабли со «сладкой солью» в Гавану или Вера-Крус, чтобы они шли в Европу в составе *Flota de Oro*под защитой военных кораблей.

Главой администрации в капитании был капитан Пернамбуку, имевший резиденцию в городе Ресифи – тогдашнем центре колонии. С 1621 по 1630 год этот пост последовательно занимали Матиас де Альбукерки, граф Алигретти (из знаменитого рода Альбукерки, будущий «герой двух континентов»), управлявший сахарным краем до 1626 года, и Диего Луис де Оливейра, сменивший Альбукерки на этом посту.

После нападения голландцев на Сан-Сальвадор-де-Байя по приказу Филиппа IV была проведена реорганизация управления португальскими колониями, Пернамбуку был включен в вице-королевство Бразилия с административным центром в Сан-Сальвадоре, однако должность капитана провинции была оставлена. Нападение это сильно напугало правительство Оливареса, но Испания, связанная войной в Европе, не могла выделить достаточные средства для обороны Пернамбуку. Решили поступить следующим образом – в 1629 году Альбукерки вернулся в Пернамбуку, имея должность сюринтенданта обороны и генерал-капитана северных территорий колонии Бразилия. С ним прибыли 27 португальских солдат, а

также шкатулка с 2000 серебряных монет. Громкие титулы, немного денег и отряд наемников – вот все, чем подсобила метрополия своей колонии.

Меж тем ни у кого в Бразилии не возникало сомнений – голландцы повторят свои нападения. Ведь на кону стояла мировая торговля сахаром. Несомненно, руководство колонии совершенно правильно понимало ситуацию. Атака Пернамбуку начала готовиться еще в 1628 году, пользуясь лавинообразным увеличением количества вкладчиков ВИК после успеха Хейна.

Было выделено 67 кораблей с 1170 орудиями под командованием Хендрика Корнелисзоона Лонка (он был у Хейна вторым офицером во время его знаменитого «серебряного вояжа»), на которые были посажены 3000 солдат под командованием полковника Йоникеера Дидерика ван Варденбурга. Комплектование проводилась партиями, первые корабли вышли в мае – июне 1628 года, последние – в октябре – ноябре.

27 июня 1629 года головные голландские корабли уже были у Кабо-Верде, а 4 октября первые 8 кораблей появились недалеко от Ресифи. В этот момент в гавани города находилось 57 торговых португальских судов, ожидающих погрузки сахара. Гарнизон форта составлял 200 солдат и 650 милиционеров. С учетом ополчения португальцы могли выставить не более 2000 человек. Альбукерки, узнавший о голландской эскадре, сразу же реквизировал часть торговых судов, 38 из них срочно переделали под брандеры.

Меж тем 9 февраля 1630 года от губернатора островов Кабо-Верде Жоана Перейры Корте-Реаля пришло сообщение, что мимо прошла еще одна большая голландская эскадра, держащая курс на Пернамбуку. Альбукерки попытался форсировать приготовления, но уже 15-го числа флот Лонка появился в водах провинции. Десант Варденбурга был высажен недалеко от Олинды, на пляже Пау Амарелльо, сам же Лонк с кораблями решил атаковать гавань Ресифи.

На следующий день Олинда, совсем не подготовленная к обороне, пала – португальцы потеряли убитыми около 60 ополченцев, после чего оставшиеся защитники города просто убежали в сельву. Узнавший об этом Альбукерки понял, что атака с суши и с моря неизбежна, поэтому начал сжигать суда с сахаром. Потом пришла очередь жечь склады. В подобных условиях Лонк обязан был форсировать атаку города, однако он проявил преступную медлительность – до 3 марта португальцы смогли сжечь сахара *«на полтора миллиона крузейро»*. В этот же день португальские солдаты покинули Ресифи.

Памятуя о случившемся в Сан-Сальвадор-де-Байя, Альбукерки

поставил себе целью не допустить паники среди населения провинции, а также пресечь возможные действия мародеров, которые полностью деморализовали защитников Байи в 1624 году. Вообще, капитан-генерал готовился устроить голландцам хорошую партизанскую войну, для чего в сельве были подготовлены схроны с провизией и оружием. В джунглях, на полпути между Олиндой и Ресифи, у старой мельницы, стоящей на реке Ресифи, Альбукерки создал укрепленный лагерь, окруженный засеками и искусственными топями, который назвал «поселение Иисуса Сладчайшего» (Arraial do Bom Jesus) или «королевский форт Иисуса Сладчайшего» (Forte Real do Bom Jesus). Лагерь этот на долгие пять лет стал резиденцией сюринтенданта обороны капитании, куда стекались добровольцы, желающие воевать с голландцами.

Альбукерки разделил примерно 400 добровольцев на отряды, численностью от 10 до 40 человек, которые осуществляли частые набеги на войска вторжения, уничтожали или уводили с пригородов Ресифи и Олинды скот и птицу, кидали в колодцы мешки с солью, убивали сообщников голландцев, перехватывали почту и переписку. Удары эти оказались довольно болезненными для завоевателей, связь между двумя захваченными городами практически отсутствовала, и уже в апреле 1630 года Лонк обратился к Генеральным Штатам с просьбой прислать подкрепления. Просьба эта была удовлетворена и голландский контингент увеличился с 1200 до 7000 человек. В апреле вести о падении Ресифи достигли Мадрида. Первой реакцией Оливареса было желание собрать такую же огромную армаду, как и в случае с Сан-Сальвадор-де-Байя, и отбить колонию у голландцев, но желание это не могло подкрепиться возможностями. Эскадры Испании были раскиданы по морям, пытаясь защитить провинции необъятной империи. Кроме того, после атаки Хейном «серебряного флота» почти все португальские каракки были переброшены в Вест-Индию для перевозки серебра, дабы заместить потерянные Бенавидесом галеоны. Немалая часть кораблей была отослана в Ост-Индию, где жемчужине португальской Азии – Гоа – угрожали алчные англичане и голландцы.

Кораблей не хватало, и надо было срочно предпринимать меры. В мае 1630 года в Испании и Португалии вводится новый налог – «корабельные деньги» (*real de agua*, дословно – «королевская вода»), а также вводятся специальные пошлины на сахар и соль, которые идут на постройку новых судов. В августе были выделены средства (около 20 тысяч эскудо) для фрахта и довооружения португальских торговых кораблей, которые должны были войти в новую экспедицию в Пернамбуку, но вот терций испанцы не

могли выделить совсем. Оливарес предложил городским коммунам Португалии за собственный счет снарядить и отправить в Бразилию 4000 солдат, но португальские Штаты отклонили это предложение. Они отвечали, что продолжающаяся пять лет война сильно ударила по возможностям парламента, народ и купечество все беднеют, да и не смеют смиренные подданные испанского короля выполнять за него святую королевскую обязанность – защиту колоний Империи. Глава лиссабонского городского совета дом Жорже де Маскаренхаш, граф де Кастель-Нуэво в октябре 1630 года писал Филиппу, что денег в городской казне Лиссабона и Порто нет. Письмо это достигло цели – экспедицию в Пернамбуку отменили [41]. Альбукерки и поселенцы, сами того не зная, оказались один на один с колониальными войсками ВИК.

Корсарская армада Окендо в Бразилии. Бои за Порту-Кальву

С 14 марта 1630 года Олинда и Ресифи были объявлены колониями голландской Вест-Индской компании. Главой администрации стал совет колонии, состоящий из трех представителей компании, назначенных «господами XIX». Лонк, ушедший в мае 1630 года в Голландию, оставил на защите Ресифи и Олинды 28 кораблей, командиром которых стал полковник Варденбург, он же командовал и солдатами.

Меж тем Альбукерки, не зная о том, что в помощи ему, по сути, отказано, убеждал плантаторов и купцов, что власть голландцев очень непрочна; что, как в случае с Сан-Сальвадором-де-Байя, вскоре подойдут испано-португальские эскадры, которые просто выметут врага из Бразилии. Колонистам, поддерживающим Испанию, говорил он, надо продержаться год, максимум – два. Надо дать Оливаресу и Филиппу IV время, чтобы собрать корабли и армию, а здесь наша задача – ослабить голландцев. Партизанская война началась.

В июле 1630 года 180 португальцев на лодках атаковали и взяли на абордаж два торговых голландских судна, шедших вверх по реке Ресифи в поисках плантаций сахарного тростника. В августе произошло несколько нападений на нидерландские отряды в окрестностях Ресифи. С декабря по апрель 1631 года герильясы сожгли несколько плантаций голландцев.

Но вернемся к делам на море. В мае 1631 года к Сан-Сальвадор-де-Байя приплыла Бискайская корсарская армада [42]под командованием дона Антонио де Окендо в составе 16 галеонов (11 кастильских и 5 португальских), 12 каравелл и 20 «сахарных» транспортов, доверху наполненных сахаром, патокой и другими колониальными товарами. Транспортным флотом командовал Джованни Виченце де Сан-Феличе, герцог Баньоли. В Сан-Сальваторе Окендо сгрузил 2000 солдат, из которых 800 предназначались для атаки на Ресифи, однако были оставлены в Байе для усиления гарнизона.

Тем временем голландцы, узнав о приходе Окендо, выделили 16 галеонов и 1500 солдат под командованием Ганса Патера, которые вышли в море, влекомые добычей. 12 сентября 1631 года у островов Аброльос (100 миль южнее Сан-Сальвадор-де-Байя) Окендо обнаружил

голландскую эскадру и перестроил свои военные корабли полумесяцем, прикрывая транспорта. Патер повел голландские галеоны в атаку в двух колоннах. Отличительной особенностью этого боя явилось желание Окендо решить все с помощью артиллерии. Поскольку часть его кораблей немного отстала, основную нагрузку вынесли на себе капитана и альмиранте Бискайской армады. Несмотря на меньшее вооружение, «Сан-Антонио» и «Сантьяго де Олисте», а также еще четыре «испанца» открыли частый огонь по противнику, который нанес существенные повреждения головным кораблям Патера. Флагман нидерландцев «Принс Виллем» шел прямо на «Сантьяго де Олисте», надеясь сблизиться с *альмиранте*и взять его на абордаж, используя перевес в экипаже. Однако Окендо построил бой довольно грамотно – он громил корабль Патера продольными залпами с носа, а когда между противниками осталось совсем малое расстояние – в дело вступили мушкетеры, заранее выстроенные в линию на борту судна Окендо. Частая стрельба морских солдат и залпы мелких пушек просто смели абордажную партию «Принс Виллем» и голландец был вынужден отвернуть. Однако там его с кормы встретил *капитана* – «Сан-Антонио», который решил помочь своему флагману в трудную минуту. Уступая в вооружении «Принс Виллем» почти в два раза, испанский вице-адмирал затеял с ним дуэль, в результате которой голландский флагман затонул. Однако и «Сан-Антонио», потерявший все мачты и получивший не менее 50 подводных пробоин, медленно пошел ко дну.

Свой единственный приз голландцы захватили довольно случайно – 22-пушечный «Сан-Бонавентура» понесся на помощь к «Сан-Антонио», чтобы спасти его команду, но был атакован 34-пушечным «Провинс ван Утрехт». Корабли вели жестокое трехчасовое сражение, в результате которого испанцы потеряли почти половину экипажа, голландцы три раза заходили на абордаж и смогли-таки взять «Сан-Антонио», однако «Провинс ван Утрехт» утонул.

Часть прорвавшихся к торговцам голландцев все же смогла захватить один корабль – «Нуэстра Сеньора де лос Дос Плесерес Менор» с грузом патоки, однако купец так рьяно сопротивлялся, что весь груз погиб, а корабль был сожжен.

Бой получился очень упорным – голландцы, потеряв «Провинс ван Утрехт» и «Принц Вильям», а также около 1000 человек ранеными и убитыми [43], вынуждены были отступить. Испанцы также понесли потери – был захвачен галеон «Сан-Бонавентура», а два малых галеона – бискайский *капитана*«Сан-Антонио» и «Нуэстра Сеньора де лос Дос Плесерес Менор» – голландцы смогли потопить; 500 испанцев было убито,

около 100 – ранено.

Состав флота Окендо в бое у Аброльос

Наименование	Тоннаж	Вооружение	Примечания
Nuestra Señora de la Concepción		30	
Santiago de Oliste	900 тонн	44	Альмиранте
San Antonio	700 тонн	28	Капитана
Nuestra Señora del Buen Suceso		28	
Nuestra Señora de la Anunciada		26	
San Carlos		24	
San Buenaventura		22	
San Blas, San Francisco		20	
San Pedro		20	
San Bartolomé		18	
San Martín		18	
Lion Doré (renamed San Antonio)		10	Реквизированный французский пинас
Saint Pierre (renamed San Pedro)		8	Реквизированный французский пинас
Португальская эскадра			
São Jorge		28	
Santa Cruz		22	
Santiago		20	
São João Baptista		19	Капитана
Nossa Senhora dos Prazeres Major		18	Альмиранте
Nossa Senhora dos Prazeres Menor			Каравелла
Nossa Senhora da Boa Nova			Каравелла
Nossa Senhora do Rozário			Каравелла
Santo António			Каравелла
São Jerónimo			Каравелла

Флот Ганса Патера

Наименование	Тоннаж	Вооружение	Примечания
Prins Willem	1000	50	Флагман
Geunieerde Provintien	800	38	Вице-адмирал
Provincie	800	38	Контр-адмирал
Ultrecht		34	
Walcheren		34	
Griffoen		32	
Groeningen		30	
Hollandia		30	
Oliphant		30	
Amersfoort		28	
Goeree		28	
Mercurius		26	
Dordrecht		24	
Medemblik		22	
Fortuijn		20	
Wapen Van Hoorn		20	
Niew		14	Пинас
Nederlandt		14	Пинас

Патер какое-то время следовал за караваном Окендо, и через неделю ему улыбнулась удача – два голландских корабля смогли взять на абордаж отбившееся от испанского конвоя судно «Кватро Вильяс», однако радость их оказалась недолгой, ибо вскоре на горизонте показались два галеона иберийцев, разыскивающих пропавшее судно. Голландцы спешно оставили корабль, испанцы вернули транспорт в строй, но поврежденный «Кватро Вильяс» все же утонул во время перехода.

Патер вернулся в Ресифи, где был подвергнут обструкции и разжалован Вандербургом в лейтенанты. Голландцы запросили помощи у метрополии.

Чтобы локализовать действия Альбукерки, голландцы решили окружить вновь захваченные колонии цепью фортов. В ноябре 1631 года на острове у пляжей Итамарака (*Itamaraca*) был основан форт Оранж, гарнизон которого составлял 366 человек под командованием польского офицера-протестанта Кшиштофа д’Артишана Арцишевского [44]. Были посланы сильные отряды к поселениям Рио-Гранде, Рио-Формоза, к Кабо

ди Санту-Аугустиньо; Альбукерки, извещенный об этих экспедициях, не смог, однако, им противодействовать, так как много людей было на полевых работах, но крестьяне своими силами смогли отбить голландцев. Завоевателей очень подводило незнание территории, но 20 апреля 1632 года в Ресифи появился португальский дезертир – мулат Домингос Фернандес Калабар, который очень хорошо знал страну и сильно помог нидерландцам. Перебежчику сразу же дали звание майора, мулат отослал письмо Альбукерки, где объяснял, что его переход в стан врага – не предательство, поскольку голландцы несут свободу коренным жителям Бразилии [45], тогда как португальцы и испанцы всегда хотели только поработить страну.

Уже в феврале 1633 года сильный голландский отряд атаковал Рио-Формозу, причем Калабар подвел голландцев к поселению в тот момент, когда там оставалось совсем мало мужчин. Голландцы быстрой атакой захватили форт, все 20 португальцев сражались до конца и погибли в неравном бою. В июне отряд Сигизмунда фон Схоппе окончательно выбил партизан с острова Итамарка, в декабре ван Гюлен захватил стратегически важный форт Трейс Риос Магос («Трех Королей»). Положение повстанцев Альбукерки сильно ухудшилось.

В 1634 году пали форты Кабеделло и Парабиа, 1 марта голландцы захватили Кабо ди Санту-Аугустиньо, отрезав португальцам пути отступления. Теперь «поселение Иисуса Сладчайшего» находилось в полукольце нидерландских аванпостов. В этом же году у голландцев сменилось руководство – взамен отбывших в Европу представителей ОИК ван Гюлена и Гийселинга был назначен Совет колонии из 5 постоянных членов – Серватиуса Карпентера, Вильяма Схотте (*Schotte*), Якоба Стакхоуфера, Бальтазара Винтгенса и Иппо Йессенса (*Ippo Eyssens*). Полковник Сигизмунд вам Схоппе командовал теперь всеми сухопутными силами, а Арцишевский – двумя ротами немецких наемников.

Что касается испанцев – губернатор вице-королевства Бразилия дон Антонио де Атанде, граф де Кастро-Даире летом 1633 года пишет Оливаресу, что колония готова построить и оснастить 12 малых судов и выделить 1400 человек для атаки Пернамбуко с моря, однако нужна поддержка и от метрополии, поскольку выделенных сил вряд ли хватит для успешного наступления.

В Испании и Португалии 16 сентября 1633 года был спешно созван консульский совет, на котором обсуждался вопрос помощи Бразилии. Захват голландцами фортов на побережье сильно осложнял высадку десанта в помощь Альбукерки, тем более денег, как и в прошлом году, не

было. Оливарес в очередной раз предложил португальскому парламенту ввести особый налог на снаряжение экспедиции, португальцы в очередной раз отклонили это предложение. Дон Фадрике де Толедо, присутствовавший на собрании, писал, что португальцы всерьез считали, что король Испании просто не хочет помогать колонии. Они не могли понять, что война в испанских Нидерландах, позиция Франции и Савойи в Северной Италии и прирейнских княжествах, шведские отряды в Германии – все это отнимало почти все силы у империи. К тому же крупнейший конвой с золотом и серебром, покинувший Порто-Белло в ноябре 1631 года, попал в шторм и почти полностью утонул [46]. Финансы Испании были надломлены этим происшествием, кризис неплатежей усилился. Таким образом, помощь Бразилии не была выделена ни в 1633, ни в 1634 году. Партизанам оставалось надеяться лишь на свои силы.

В марте 1635 года голландцы атаковали Порту-Кальву – важный поселок, находящийся на полпути между Ресифи и Масейо и являвшийся перекрестком дорог между Пернамбуку и остальной Бразилией, а также (по реке Параиба) имевший связь с расположенным на побережье портом Порту-ди-Педрас. Командовал двумястами защитниками поселка итальянский кондотьер Баньоли (*Bagnuoli*). Отряд в 700 голландских и немецких солдат под руководством Арцишевского и Личтхарта три месяца осаждал португальский городок, лишь 8 июня 1635 года завоеватели штурмом смогли взять Порту-Кальву, при этом погибли почти все 200 защитников города, Баньоли с горсткой людей смог прорваться к «поселению Иисуса Сладчайшего».

К 1635 году голландцы обладали цепочкой фортов на побережье от Кабо ди Санту-Аугустиньо до Рио-Гранде, а также проникли южнее, в области перед Масейо. Часть этих поселений, располагавшихся в устьях рек, открывала голландцам путь во внутреннюю Бразилию. В свою очередь испанцы и португальцы не имели сил, чтобы отбить натиск колонизаторов из Вест-Индской компании.

22 июня 1635 года Альбукерки, не веривший уже в успех защиты капитании, с 7000 колонистов двинулся к Сан-Сальвадор-де-Байя. Около Порту-Кальву путь им преградили 500 голландцев Личтхарта. Альбукерки повел своих людей в атаку, прорвал оборону и обратил противника в бегство. В этом бою португальцы захватили предателя Калабара, Альбукерки устроил суд над ренегатом и казнил его. Оставив в захваченном поселке гарнизон (400 человек), капитан Пернамбуку двинулся дальше на юг. 24 июля к Порту-Кальву подошли голландцы, они хотели отбить столь важный пункт. Но боя не получилось – португальский отряд, вполне

сознавая свою слабость, оставил поселок еще 22 июля. Вскоре бои за стратегически расположенный поселок продолжились – в начале 1636 года 2500 португальцев атаковали Порту-Кальву и захватили его. Отряд ван Схоппе скорым маршем отошел к побережью. Теперь бразильцы могли отсюда беспрепятственно совершать вылазки к Олинде и Ресифи. Вновь в Пернамбуку разгоралась партизанская война, запылали голландские склады сахара, подвергались атакам голландские гарнизоны. Это был какой-то стратегический тупик.

По состоянию на 1636 год дела голландцев в Бразилии были ни шатки ни валки. Да, они смогли захватить цепь прибрежных фортов, флот их господствовал в регионе, но партизанская война и тактика выжженной земли, используемая Матиасом де Альбукерки, не давали захватчикам реализовать свое военное преимущество в преимущество экономическое. Уже 6 лет Голландская Бразилия была убыточным предприятием, пожирающим деньги, солдат, провиант, порох, но не дающее ничего взамен. В недрах ВИК зрела мысль отказаться уже от убыточного предприятия и покинуть негостеприимные районы. Альбукерки, без помощи извне, потеряв множество людей и большие территории, все же поставил перед голландцами вопрос о стратегическом поражении. Они были готовы уйти.

Но тут в дело вмешался штатгальтер Голландии – принц Фредерик-Генрих Оранский. Своей властью он пресек все разговоры об оставлении Бразилии и назначил туда своего губернатора – немецкого принца Иоганна Морица Нассау-Зигена. Иоганн Мориц к тому времени был полным сил 32-летним полководцем, довольно удачливым и обладающим практическим опытом войны во Фландрии. На голландскую службу он поступил в 1621 году, участвовал в защите осажденной Бреды, вместе с Фредериком-Генрихом он брал в 1629 году Хертогенбос, и в 1632-м – Маастрихт. Полковника кавалерии, не остывшего еще от штурма Неув Шенкеншанца, срочно вызвали в Амстердам, там его встретил Фредерик-Генрих, который поставил перед Нассау-Зигеном новую задачу – следовало покорить-таки Бразилию и начать уже вытеснять португальцев из мировой торговли сахаром. С учетом эмбарго на торговлю с Испанией и постоянных атак дюнкеркцев на прибрежную торговлю голландцев, сахар был слишком важным козырем, который мог принести большие доходы, а во время войны никакой гульден не бывает лишним.

26 октября 1636 года Нассау покинул Голландию, а 3 января 1637 года в гавани Ресифи бросили якорь 12 кораблей. Это было все, что пайщики ВИК выделили для перелома ситуации в Бразилии. Фредерик-Генрих также

не расщедрился – 2700 солдат должны были помочь расквартированным в Пернамбуку 5000 голландцам победить ненавистного Альбукерки.

В то же самое время португальцы имели около 7000 солдат колониальной милиции и 32 небольших судна, которые могли ходить как по рекам, так и по прибрежной зоне. К этому следует добавить, что теперь португальские войска были собраны компактно, около Сан-Сальвадор-де-Байя, тогда как голландские гарнизоны были раскиданы по цепи прибрежных фортов, пытаясь защитить от набегов партизан уже завоеванные земли, и легко могли быть разбиты по частям.

Иоганн Мориц решил действовать наступательно. Прежде всего, собрав все доступные силы в кулак (3000 солдат, 100 индейских союзников и 1000 моряков с эскадры) новый губернатор неожиданно появился 18 февраля у Порту-Кальву, где засел Баньоли с гарнизоном в 1500 человек. После двухнедельной осады голландцы, поддерживаемые огнем 10 орудий (снятых с кораблей), пошли на штурм. Португальцы дрались упорно, но силы были слишком неравны. Баньоли отошел, а Нассау захватил стратегический пункт. Теперь Ресифи и Олинде избавились от угрозы постоянных набегов.

Далее Мориц решил наладить взаимодействие с индейцами. Голландцам было строго запрещено обижать индейцев и разорять их земли. Теперь аборигены рассматривались, как союзники, помощь которых очень ценна и важна.

Сражение у Параибы

Кроме вышеописанных действий Мориц решился еще на один неординарный шаг – он объявил, что голландская Бразилия отныне открыта для евреев, здесь им не будут устраиваться гонения из-за их религии. В результате множество еврейских ростовщиков и менял потянулись в Ресифи и Олинду. Принц прекрасно понимал, что еврейские общины, во-первых, дадут финансовую подпитку реколонизации капитанства, а во-вторых – наладят производство и сбыт сахара в регионе. Благодаря иудейским деньгам и связям были налажены поставки рабов из Африки в Бразилию, начались строиться заводы по производству сахара, а также сопутствующая инфраструктура. Уже в 1638 году Ресифи дал первую прибыль, которая была поровну поделена между пайщиками ВИК и государственными представителями Провинций.

В этом же 1638 году вернулся на родину и Матиас де Альбукерки. Он был обвинен Оливаресом в потере капитанства Ресифи и Олинды и заточен в замке Сан-Хорхе. Имения Альбукерки были конфискованы и поступили в казну испанского короля.

В свою очередь Оливарес к лету 1638 года готовил большой флот в 87 кораблей, который должен был взять на борт 6000 солдат, высадить десант в Сальваторе, заблокировать с моря голландские территории в Бразилии и заставить нидерландцев очистить захваченные земли. Командующим стал граф де Линарес (позже из-за беспорядков, начавшихся в португальском городе Эвора, сменен на Фернанду де Маскаренуша). Однако шторма в начале мая повредили множество португальских и испанских кораблей в устье Тахо и сроки предприятия сдвинулись на конец лета. Лишь к 7 сентября смогли собрать всего 3 галеона, 15 паташей, а также 14 «уркас», на которые было загружено 3300 солдат и артиллеристов. Выйти смогли из Лиссабона лишь 29-го, взяли курс на Кабо-Верде, где была назначена точка рандеву с Кадисским флотом.

Испанская армада в составе 6 галеонов, 3 «уркас», 6 паташей под командованием графа Торреса вышла из Кадиса с опозданием, поскольку ждала подкреплений из Валенсии.

16 октября 1638 года головные корабли португальцев достигли островов Кабо-Верде, 5 ноября к ним присоединились испанцы, и теперь в Бразилию тронулась эскадра из 14 галеонов, 24 транспортов и «уркас», а

также 18 паташей, имея на борту 7500 солдат. 10 января 1639 года армада достигла Ресифи, однако состояние экипажей было плачевным – в условиях недостатка провизии на кораблях начался голод и болезни. В этот момент у голландцев в гавани было всего 13 кораблей, два из которых были загружены сахаром и уже собирались отправляться в Европу. Логичнее всего, конечно, было заблокировать Ресифи с моря, однако дон Фернанду принял решение уйти в Сан-Сальватор-де-Байя, чтобы пополнить запасы провизии, сгрузить больных и отремонтировать корабли. 17 января там были ссажены войска, граф Торрес занялся реорганизацией армии колонистов, чтобы выгнать захватчиков из пределов Бразилии, однако все меры по укомплектованию и реорганизации вооруженных сил, несмотря на энергию нового начальника, шли черепашьими шагами. Такое положение вещей было обусловлено тем, что в спешке на эскадру загрузили слишком мало денег, а торговцы португальской Бразилии отказывались давать Торресу в кредит амуницию, провиант, боеприпасы и т. п. Чтобы хоть как-то разрешить ситуацию, Маскаренуш отплыл в Буэнос-Айрес и Рио-де-Жанейро, чтобы попросить помощи у тамошних губернаторов. 9 октября 1639 года в Сан-Сальватор вошло еще 6 кораблей, имевших на борту 1000 солдат – подкрепление, высланное с Азорских островов Оливаресом. И лишь через 10 месяцев после прибытия в Южную Америку, 21 октября 1639 года, Торрес и Маскаренуш отплыли к Ресифи, чтобы высадить десант и захватить город. Армада была поистине громадной – 13 галеонов, 7 «уркас», 1 паташ, 27 мобилизованных транспортов и 34 малых корабля – всего 82 боевые единицы. На борту находился десант – 5000 солдат. Поднявшийся северо-восточный ветер прижал армаду к берегу и снес на юг до 18 градусов 31 минуты южной широты. Дрейфовали в море до 1 декабря, ветер сменился на зюйд-ост, поплыли на север, однако на широте 12 градусов поймали северо-восточный муссон и опять были отброшены к югу. Торрес приказал встать на якорь, чтобы вдоль кромки берега с приливами медленно двигаться на север, однако большинство капитанов не увидели либо проигнорировали приказ и продолжали спускаться по ветру к югу. Вскоре основная часть флота исчезла из виду, Торрес остался лишь с 5 галеонами. Надеясь, что капитаны просто не смогли справиться с управлением, но вскоре вернутся, Торрес прождал на месте 8 дней, потом также взял курс на юг, чтобы нагнать флот и повести его на север.

В свою очередь дон Фернанду, оторвавшийся от основных сил, сумел-таки собрать корабли и повернуть на север, корабли прошли вдоль кромки берега и 12 января 1640 года соединились у Олинды. Опять

сменившийся ветер отогнал испанцев и португальцев от берега, он же позволил 30 голландским кораблям Альбрехта Лооса, недавно пришедшим из Европы в Ресифи, выйти в море и атаковать противника. В 13.00 нидерландцы атаковали арьергард под командованием Торреса, в абордаж сваливаться не решились и вели только артиллерийский бой. Торрес расположил галеоны фронтом, часть голландских кораблей смогли взять в два огня, потери Лооса составили более 300 человек только убитыми, в том числе и сам голландский адмирал.

На следующий день голландцев возглавил коммодор Якоб Гюйгенс, бой продолжился, проходил в кильватерных колоннах, но ни та ни другая сторона не достигли значимого результата. Голландцы потеряли к концу дня один корабль, португало-испанцы – два. Утром 14-го сражение продолжилось, Торресу и Маскареушу удалось прижать несколько голландских кораблей к берегу, на орлогсхип Гюйгенса высадились 45 испанских пикинеров, которые затеяли жестокую драку на верхней палубе. В горячей схватке всех их порубили, однако голландец потерял управление и его начало сносить на скалы к берегу. За ним рванул португальский приватир «Шагас», в результате и голландец, и португалец вылетели на рифы и погибли.

15 января стороны сражение не вели. 16-го, когда голландцы начали сближение с противником, ветер неожиданно стих. На следующий день задул крепкий зюйд, на военном совете Торрес предложил приблизиться к берегу, высадить десант, который бы атаковал Ресифи с суши. Во второй половине дня испанцы и португальцы пытались достичь побережья, но между ними и берегом встал голландский флот. Бой шел до вечера, союзники потерь избежали, голландцы потеряли один корабль. В ночь с 18-го на 19-е Торрес отошел в море, и Гюйгенс уже с облегчением подумал, что битва с невероятно упорным противником закончилось. Однако он ошибался. Торрес и Маскареуш отошли к устью Сьерра-Мирим, там решили перегруппироваться и вдоль берега войти на рейд Ресифи, минуя корабли Гюйгенса. 20 января часть капитанов мобилизованных в Бразилии судов взбунтовалась – на военном совете они заявили, что их контракты кончились, и более воевать они не намерены. Несмотря на все просьбы графа Торреса и Маскаренуша, 42 корабля покинули флот и отплыли в Сан-Сальватор. При этом часть этих изменников просто ссадила 1300 солдат в джунгли и ушла, оставив их без помощи!

Надо сказать, что эти 1300 солдат совершили марш, достойный «анабазиса» Ксенофонта или походов конкистадоров. Возглавивший отряд капитан Барбальо Луиш повел солдат прямо по территориям голландцев.

По дороге жгли склады, рассеивали нидерландские отряды, захватили две крепости. Когда кончился порох, атаковали и взяли Порту-Кальву, где были склады амуниции и вооружения. Построили лодки и спустились по реке на юг, по дороге захватили два голландских корабля с провиантом и слоновой костью. Каково было удивление графа Торреса, когда через четыре месяца перед воротами Сан-Сальватор-де-Байя возник отряд заросших, бородатых мужиков, в остатках одежды и голландских доспехах, кричащих, однако, по-португальски! Луиш смог пробиться к своим, но это был единственный успех.

Что касается графа Торреса – в июне он был сменен на посту генерал-губернатора маркизом Монтабаном, а по прибытии в Испанию схвачен и посажен в крепость Сан-Хулио-де-Барра. Очередной план Оливареса по спасению Бразилии оказался не реализован из-за плохой организации, недостаточных средств и отсутствия обычной удачи.

«Нассауская» Бразилия

Испанцы, сражавшиеся сразу на нескольких фронтах, испытывали большую нужду в деньгах. Для того чтобы обеспечить свои многочисленные армии деньгами, Филипп IV вынужден был поднять налоги в Империи. Сразу хочется отметить, что эта мера коснулась как самой Испании, так и Португалии, Фландрии, Италии, Сицилии и германских княжеств, но она принесла большие проблемы прежде всего в Португалии. Дело в том, что Португалия вошла в состав Испании в результате династической унии двух держав в 1580 году, но вопреки мнению и желанию местной знати, которая постоянно мечтала о восстановлении независимости страны. Португальцы имели большие привилегии в части налогообложения, но в 1635 году эти привилегии были отменены правительством Оливареса, чем не преминули воспользоваться французские шпионы и португальские дворяне. Введение новых налогов и было непосредственным поводом к восстанию в Эворе, вспыхнувшему 21 августа 1637 года. Восставшие прогнали коррехидора, разгромили тюрьму, сожгли налоговые списки. Очень скоро были выдвинуты лозунги борьбы за независимость страны. Однако в самый ответственный момент португальская знать, испугавшись размаха народных волнений, не поддержала восстание. Дворянство Эворы во главе с архиепископом составило хунту, главной целью которой было успокоить восставших и тем самым реабилитировать себя в глазах мадридского двора. Такую же позицию занимал популярный претендент на престол и будущий король независимой Португалии герцог Жуан Браганский. Все же в течение нескольких месяцев Эвора находилась под контролем плебейских низов. Ее примеру последовали и другие города: восстание охватило провинции Алентежу и Алгарви, его волны докатились до стен Лиссабона. Однако слабость военной организации восставших привела к поражению. Восстание в Эворе было подавлено к марту 1638 года, со вступлением в город отряда правительственных войск.

К 1640 году Испания испытывала давление на всех фронтах. Кроме боевых действий в Италии, Германии и Фландрии появилось новое направление – Каталония. В мае 1640 года восстала Барселона. Город поддержали горцы Херона, и вскоре вся Каталония заполыхала. 7 июля восставшие убили вице-короля Каталонии. Дворянство Барселоны,

поддержанное городским управлением, провело переговоры с Людовиком XIII, в результате которых было провозглашено отделение Каталонии от Испании, французского короля провозгласили графом Барселонским. 7 сентября Франция заключила с Каталонией договор о военной помощи. Ришелье рассчитывал направить в Каталонию часть войск, которые рекрутировались в Лангедоке для армии графа Аркура, осаждавшей Турин. 20 сентября в Барселону прибыл Бернар дю Плесси-Безансон, посланник Людовика XIII, чтобы согласовать военные планы с вождями каталонцев.

Но французы не успели сосредоточить в Каталонии крупные силы. Собрав все, что было под рукой, и перебросив подкрепления из Италии, правительству Филиппа IV удалось собрать 25-тысячную армию, которую возглавил Педро Фахардо, маркиз де Лос Белес (*Los Velez*), каталонец родом, барселонский дворец которого разграбили мятежниками. В сентябре его армия перешла в наступление. В Каталонии в этот момент находилось всего несколько тысяч французов под командованием генерала д‘Эспенана. После первых поражений каталонцев д‘Эспенан сдал испанцам Таррагону и по условиям капитуляции обязался уйти со своими войсками и не воевать в Каталонии в течение двух лет.

В этот тяжелый момент дю Плесси-Безансон пытался сохранить у восставших веру в союзников. Из Франции обещали прислать подкрепления, но их нужно было еще дождаться. Лос Белес торопился подавить восстание и шел прямо на Барселону. Терять восставшим было нечего, и они решили сражаться, хотя гарнизон Барселоны вместе с французскими войсками, которых не коснулась капитуляция д’Эспенана, насчитывал не более 6000 человек против 23 000 испанцев. 26 января 1641 года испанская армия атаковала Монжуик – замок на возвышенности, которая господствовала над Барселоной. Несмотря на неравенство сил, каталонцы отразили три атаки и отбросили противника, оставившего на поле боя от 1500 до 2500 человек и до 4000 мушкетов. Армия Лос Белеса отступила в сильном беспорядке, поход на Барселону провалился, а прибытие французской армии генерала де Ла Мотт-Уданкура окончательно укрепило положении восставших. Теперь у Испании появился новый фронт, который поглощал ее ресурсы больше десяти лет.

В Испании и Португалии начались срочные рекрутские наборы, причем особо с соблюдением законности не заморачивались – ночью людей вытаскивали из теплых постелей и кидали в казармы. Получивший шпагу, пистоль и пику довольно быстро распределялся на фронт – чаще всего либо в Каталонию, либо в Италию. Политика прессинга (насильственной вербовки) стала последней каплей для португальского дворянства. Все

былые привилегии, полученные Португалией при Филиппе II, по сути, превратились в пыль.

1 декабря 1640 года во дворец вице-королевы Маргариты Мантуанской в Лиссабоне ворвались 150 португальских дворян, которые быстро нейтрализовали охрану (было убито 3 и ранен 1 королевский гвардеец), принудили Маргариту отречься и провозгласили новым королем Португалии Жуана Браганса. Комизм ситуации заключался в том, что этот самый герцог Браганский вербовал (в том числе и с помощью прессинга) в данный момент армию для испанцев, и восстание стало для него полнейшей неожиданностью. Но Жуан сразу понял, что ни Филипп IV, ни Оливарес после такого фортеля повстанцев не поверят в его невиновность, поэтому, скрепя сердце, Браганса был вынужден принять титул. Вся Португалия последовала примеру Лиссабона. Жуан был признан королем во всех городах и торжественно короновался 15 декабря 1640 года. Собравшиеся в 1641 году кортесы утвердили его избрание. Правление его проходило в полном согласии с кортесами. Он отменил противозаконные налоги и объявил свои громадные имения государственной собственностью, оставив себе малую их часть на содержание двора. Португальские колонии в Азии, Америке и Африке признали власть новой династии, торговля с ними постепенно улучшила финансовое положение страны. Но все равно Португалия оставалась очень слаба.

Сразу же Браганский заключил с Голландией договор о дружбе и союзе и вступил в войну с Испанией. Однако – парадоксальная ситуация – Бразилию голландцы совершенно не собирались отдавать, и в Бразилии между новоиспеченными союзниками продолжалась война.

Ободренный успехом 1640 года Мориц Нассауский решил перейти в наступление на Сан-Сальватор-де-Байя. В апреле голландцы неожиданной атакой оккупировали Сан-Кристобаль, но на этом наступление и выдохлось. Вместе с экспансией на юг принц Мориц провел в 1637–1641 годах экономическую и административные реформы. Были образованы коммуны и органы самоуправления, католические священники привлекались к управлению колонией, португальских плантаторов активно вовлекали в политическую жизнь Голландской Бразилии. Ресифи всего за три года совершенно преобразился – были построены мощеные улицы, дворцы; Мориц – поклонник естественных наук – заложил первую в Америке обсерваторию и пункт наблюдения за погодой. В Бразилию из Голландии были выписаны художники (Франк Пост и Альберт Экхут) и ученые (картограф Корнелиус Голиаф, астроном Георг Маркграф, историк Пико). Нассау мечтал сделать из Бразилии образцовую колонию.

Постепенно сюда в надежде на новую жизнь потянулись эмигранты из Соединенных Провинций. Но Морицу, несмотря на все усилия, так и не удалось примирить португальцев и голландцев на завоеванных территориях; слишком велика была пропасть между *морадорес*(португальскими поселенцами в Бразилии) и голландцами.

Экономические нововведения (введение плана поставок сахара и повышение налогов) евреев, пригретых в Ресифи, в октябре 1642 года вызвали взрыв возмущения среди португальских колонистов. Вся капитания Мараньян (завоеванная Морицем Нассауским в 1640 году) поголовно восстала, португальцы сколачивали отряды из индейцев и негров, убивали сборщиков налогов, топили голландские лодки, захватывали оружие и лошадей. С большим трудом трехтысячному отряду нидерландцев удалось подавить мятеж, Мориц приказал не миндальничать, и восстание буквально потопили в крови. Как ни странно, но еще до этого инцидента власть Нассау ослабла. Дело в том, что Вест-Индская компания бойкотировала решения Морица по прощению недоимок и долгов, поэтому вывоз сахара судами ОИК постоянно падал, тогда как частные подрядчики вывозили в Голландию все больше сахарных голов. «ГосподаXIX», уже давно смотревшие косо на деятельность немецкого принца, инициировали собрание акционеров ВИК, на котором было вынесено решение сменить Морица. В апреле 1642 года была принята резолюция, согласно которой компания отказывалась от услуг Нассауского и просила его сдать полномочия весной 1643 года. Полученная бумага вызвала у принца настоящий шок – он запросил у Фредерика-Генриха арбитража по данному вопросу, но штатгальтер поддержал решение «господ XIX», и в мае 1644-го (задержав свой отъезд практически на год) Мориц Нассау вернулся в Голландию.

Безусловно, это решение правления ВИК было ужасной ошибкой. В Бразилии назрел клубок проблем, голландское население колонии составляло в общей сложности около 3000 человек (из них 1450 евреев), тогда как португальцев там насчитывалось раза в четыре больше. Восстание в Мараньяне вызвало финансовый коллапс, налоги были собраны не полностью, упал экспорт сахара в Европу. А португальцы во главе с новым губернатором Антонио Теллесом да Силва вовсю готовились к атаке голландских территорий.

Конец «Новой Голландии»

Чтобы освободить колонию от голландских захватчиков, да Силва решил поднять на щит и развить тактику репрессированного Оливаресом Матиаса де Альбукерки. В джунглях под Сан-Сальватор-де-Байя он создал сеть военных лагерей, где готовились и вооружались отряды, которые потом засылались на территорию Голландской Бразилии. Эти отряды нападали на голландские посты, сжигали запасы сахара, отравляли колодцы, убивали голландских сторонников. В общем, это были настоящие диверсионные отряды, которые просто парализовали сбор налогов в Пернамбуку. Именно поэтому в 1645 году в капитании произошло полномасштабное восстание, которое возглавили «полевые командиры» Жоан Фернандес Виейра, Андре Видаль де Негрос, метис Филипп Камарао [47], мулат Энрике Диас [48]и Антонио Диас Кардошу.

К вышеописанному добавилось глупейшее поведение «господ XIX», которые в столь сложный момент решили взыскать с Голландской Бразилии задолженности за 1635–1642 годы. Естественно, действия голландских отрядов, которые были посланы со сборщиками налогов, совершенно не понравились португальским поселенцам. Вскоре в Пернамбуку было сформировано три повстанческие армии, которые применяли тактики засад и выжженной земли. Из Голландии срочно подкидывали подкрепления (в основном – немецкие наемники), но эти солдаты были совершенно не приспособлены для войны с партизанами в джунглях. Уже в 1644 году нидерландцев изгнали из Мараньяна, повстанческие армии рвались дальше, к побережью. В 1645 году 1200 ополченцев и солдат Антонио Диаса, вооруженных пистолетами, копьями, мечами и луками, устроили засаду большому голландскому отряду (1900 человек под командованием полковника Хауса) в 30 милях от Ресифи. Немцкие наемники, идущие плоным строем, оказались просто под градом стрел и пуль. Португальцы, спрятавшиеся в джунглях, методично отстреливали немцев, как куропаток. В результате наемники нарушили строй и начали рассыпаться по джунглям, пытаясь укрыться от смертельного огня. В расстроенную колонну врубились мечники и копьеносцы, и голландцы побежали. Диас после сражения получил прозвище *«мастер засад»*.

К сентябрю португальцами были отбиты Порту-Кальву, Форт-Мориц и несколько блокгаузов. В 1646 году в Ресифи прибыло подкрепление –

6000 голландских солдат, но новый генерал-губернатор Бальтазар ван дер Фоор совсем не имел денег для выплаты жалованья. В результате голландцы терпели постоянные поражения в столкновениях с повстанцами. Наконец в 1648 году две повстанческие армии смогли нанести поражение голландцам в двух сражениях на реке Гуарарапа. В 1654 году бразильцы осадили Ресифи. Вест-Индская «лавочка» срочно требовала закрытия. В этот момент Голландия уже воевала с Англией, причем терпела поражения, и в 1661 году Соединенные Провинции отказались от всех претензий на территорию Бразилии. Капитуляцию остатков голландского гарнизона принимал Жоан Фернандес Виейра, назначенный первым губернатором Пернамбуку.

Эпизод IV. Столкновения в Азии

Персидский залив

Мы уже схематично обрисовали положение в Ост-Индии перед Тридцатилетней войной. В 1621 году безраздельным правителем в голландской Азии был Ян Питерзоон Кун, назначенный в 1617 году генерал-губернатором этих краев.

Уже в 1618 году Кун продемонстрировал свои амбиции – эскадра английской ОИК Томаса Дейла приплыла к недавно захваченной голландцами Батавии и осадила город в союзе с бантамским султаном, ибо англичане очень хотели организовать в этих местах факторию. Кун срочно собрал подкрепления, приплыл к городу, разметал войска мусульман и обратил англичан в бегство.

Сыны Туманного Альбиона, получив отпор в Индонезии от голландцев, с алчностью начали посматривать на «бесхозные» португальские колонии в Азии. Положение португальцев было действительно очень сложным – «генерал Моря вокруг Ормузского пролива, Персии и Аравии» (*General do Mar de Ormuz e costa da Pérsia e Arábia*) Рио де Фрейре Андрада писал Оливаресу: *«Нам необходимо создать в азиатских водах сильную эскадру для защиты наших владений от нападений извне. К сожалению, у нас нет человека, способного поставить и решить подобную задачу»*. В мае 1621 года португальцы высадились на острове Ормуз и основали форт Кешм, который держал под ударом персидские территории. В ответ персидский хан Ширазер Имам-Али осадил форт с большим количеством войск. Португальцы храбро отбивали атаки мусульман, но персов было очень много.

Обеспокоенный Андрада сообщал в метрополию, что на данный момент колонии Индии и Ближнего Востока имеют всего 16 кораблей, из них только 5 боеспособны, причем и эти 5 укомплектованы гораздо хуже, чем суда той же голландской ОИК. Но не только персов и голландцев приходилось опасаться: англичане, получив чувствительный щелчок по носу у Батавии от тех же нидерландцев, решили отыграться на португальцах. Особый интерес у англичан вызывали Цейлон и фактории португальцев в Персидском заливе.

В декабре 1620 года к португальским факториям в Персии подошла эскадра английской ОИК под командованием Эндрю Шиллинга, которая сразу же вошла в сношения с Имамом-Али; после переговоров стороны

заключили военный союз. У форта Джэк 7 января 1621 года (на входе в Персидский залив) произошло сражение двух флотов: английского, возвращавшегося из Персидского залива, и португальского, заблокировавшего выход в Индийский океан. Англичанам зажженными брандерами удалось отогнать корабли Рио де Фрейре Андрады, однако сражение все же имело место. Во время перестрелки португальцы потеряли около 360 человек, англичане – 7 моряков, но среди них сам Шиллинг. Английская эскадра смогла прорваться и вернулась в Сурат с большим грузом китайского шелка, в то время как португальцы, потеряв надежду на помощь извне, сдали Ормуз и Кешм.

Это было большой потерей – ведь Ормуз был торговой площадкой для сбыта африканских рабов в арабские страны. В этом же году корабли английской ОИК начали блокаду Гоа, перехватывая все суда, следующие из португальского вице-королевства в метрополию.

Когда вести о падении Ормуза дошли до Оливареса, это вызвало у него большую тревогу. Уже 2 марта 1623 года в Ост-Индию были решено послать 3 нао, 3 галеона и 5 паташей, однако вышли они только в сентябре (вспомним о совершенно неудовлетворительном финансировании испанского флота), в результате попали в сезон штормов и вынуждены были зимовать в Мозамбике. Из-за сильных повреждений Гоа смогли достичь только галеоны «Мисерикордиа» (Милосердие) и «Санто-Андрэ». В Гоа тогда стояло еще 5 галеонов – «Жоан-Себастио», «Жоан-Франсишку», «Жоан-Жеронимо», «Тринидаде» и «Жоан-Сальватор». Эти корабли были вооружены довольно хорошо, и с учетом большого количества паташей и «уркас» португальцы могли бы сформировать довольно внушительную эскадру кораблей, однако отсутствие на складах города свободной артиллерии, а также опытных канониров и наводчиков ставило крест на столь привлекательной идее.

Тем не менее метрополия, крайне обеспокоенная положением дел в Португальской Индии, 18 марта 1624 года посылает в Гоа сильную эскадру из 6 нао и 2 галеонов по командованием Нуньо Альвареса Ботельо, причем 5 кораблей планировалось оставить в вице-королевстве на постоянной основе. К удивлению губернатора, корабли пришли в сентябре без аварий и поломок, что усилило Индийскую португальскую эскадру до 12 больших судов. Ботельо привез приказ дону Франсишку да Гама вывести отряд к Персидскому заливу и отбить Ормуз, но, как всегда бывает, возникли давно ожидаемые сложности. Полностью укомплектовать экипажами и артиллерией португальцы смогли только 6 кораблей, и в то же самое время наместник узнал, что в Сурате присутствуют 8 британских больших судов и

2 малых паташа (позже оказалось, что 4 из 10 кораблей были голландскими). Выход флота к Ормузу был задержан, срочно вооружили 2 каравеллы. К лету 1624 года португальцы подготовили к отправке в Ормузский пролив следующие корабли – альмиранте «Жоан-Франсишку» (48 орудий), капитана «Жоан-Франсишку» (32 орудия), «Жоан-Себастио» (40 орудий), «Тринидаде» (24 пушки), «Сантьяго» (22 пушки), «Мисерикордиа» (22 орудия), «Жоан-Сальватор» (22 пушки), «Санто-Антонио» (22 пушки) – всего 232 орудия, 2100 матросов. Командиром экспедиции был назначен Нуньо Альварес Ботельо.

В Гоа предполагалось оставить для довооружения «Жоан-Жеронимо», «Санто-Андрэ» и «Жоан-Педро».

В свою очередь в Сурате находилась английская эскадра ОИК Джона Видела в следующем составе: 48-пушечный «Роял Джеймс», 44-пушечный «Джонес», 27-пушечный «Стар», 22-пушечный «Игл», а также голландские «Зюйд-Голланд» (46), «Нью-Бантам» (46), «Магд ван Дордрехт» (24), «Весп» (24) под флагом адмирала голландской ОИК Альбрехта Беккера. Кроме того, англичане имели два паташа – «Скаут» и «Спай», вооружение которых неизвестно. Отношения голландцев и англичан на тот момент были очень натянутыми – только что в Амбойне голландский губернатор просто перерезал английских поселенцев, как цыплят (было казнено 10 англичан из 20-ти, бывших в Амбойне). Однако Виделу и Беккеру хватило ума отложить в сторону все обиды и разногласия перед угрозой португальской экспансии. Союзники имели 281 орудие (на 55 больше, чем у португальцев) и 1500 человек в составе экипажей. Исходя из этого, Видел планировал при возможном бое обстреливать португальцев с дальней дистанции, не сходясь на абордаж, при котором иберийцы несомненно имели бы численное преимущество.

11 ноября Видел внезапно появился на рейде Чаула (в 60 км от Бомбея) и заставил крепость капитулировать. Вскоре к союзникам на помощь из Ормуза прибыл паташ «Саймон энд Юд» (*Simon&Yude*).

Португальцы же вышли в море только 24 декабря 1624 года, 6 галеонов отплыли к Ормузскому проливу, еще два должны были подойти позже, как будут готовы. Находясь около острова Ормуз, Ботельо узнал, что голландцы и англичане также вывели из Сурата свои корабли. Он забеспокоился, что противники могут по пути перехватить задержавшиеся в Гоа португальские галеоны, и послал небольшое судно с приказом вести корабли южнее, по линии Гоа – Маскат, а потом вдоль берега, к Персидскому заливу, сам же срочно открейсировал к Маскату. Там португальцы попали в сильный шторм, большинство кораблей получили

серьезные повреждения, но смогли соединиться. Англичане же тем временем прошли вдоль берега и вошли в Ормузский пролив без помех.

10 февраля 1625 года в Ормузском проливе столкнулись португальская и англо-голландская эскадры. Поскольку Ботельо находился на ветре, он решил атаковать противника. В отличие от укоренившейся тогда на Пиренеях тактике абордажа португальский адмирал предполагал провести чисто артиллерийский бой, для чего построил свои корабли строем фронта. Флагманский капитана «Жоан-Франсишку» атаковал голландский «Зюйд-Голланд», следующие чуть поодаль «Жоан-Себастио», «Жоан-Жеронимо» и «Санто-Антонио» сблизились с «Нью-Бантам», «Весп» и «Магд ван Дордрехт», альмиранте «Жоан-Франсишку» и «Мисерикордиа» составили пару «Роял Джеймс» и «Джонес». «Тринидаде» же с «Жоан-Сальватор» завязали бой с паташами противника.

Корабли сблизились в строе фронта, дали несколько залпов друг по другу и разошлись в разные концы. Португальцы бросили якорь в двух лигах к северу от острова Ормуз. Союзники же дрейфовали мористее. В ходе боя они потеряли 8 человек убитыми на «Роял Джеймс», голландцы – 12 матросов, но самой большой потерей была смерть Беккера на шканцах «Зюйд-Голланд».

Вскоре «Роял Джеймс» снесло к «Жоан-Франсишку» и корабли открыли стрельбу друг по другу. За флагманами вступили в артиллерийский бой и другие корабли. Сражение было упорным, почти в кильватерных колоннах, никто не хотел отступать. К концу дня головные корабли португальцев и англичан были сильно повреждены, на «Роял Джеймс» начался большой пожар, который, однако, смогли локализовать, но если союзники смогли сохранить свой рангоут в порядке, то 3 корабля португальцев потеряли по мачте. Для галеонов и нао это было серьезным повреждением, поскольку из-за отсутствия стакселей и косых парусов (кроме тех, что были на бизани) корабли теперь были маломаневрены.

В сгущающихся сумерках Видел спустил на португальцев брандер, нагруженный горючими материалами, но из-за ужасной видимости он не смог найти себе цель и ночью же был захвачен паташами противника. Португальцы укомплектовали брандер своей командой и спустили его на союзников. Брандер вышел точно на голландцев и сцепился с «Веспом», который загорелся, однако огонь смогли потушить, а брандер – отцепить. Эти решительные действия испугали союзников, и они отошли в персидский порт Гомбрун под защиту батарей. Там же отряд взял под защиту английские и голландские торговые суда, идущие с богатыми товарами из Персидского залива в Сурат. Португальцы же, починившись,

крейсировали в Ормузском проливе.

В полдень 14 февраля противники вновь сошлись около острова Ормуз. Видел теперь решил изменить тактику – он предпочитал несколькими судами атаковать какой-нибудь один корабль португальцев. «Роял Джеймс» и «Джонес», пользуясь тем, что флагман Ботельо немного вырвался вперед, зашли с двух бортов и открыли сильный огонь. Португальцы по мере сил отвечали, на помощь флагману подошел 40-пушечный «Жоан-Себастио», который теперь поставил «Роял Джеймс» в два огня. Другие суда также вступили в бой, который оказался жестоким. К концу дня «Сантьяго» и «Санто-Антонио» потеряли все мачты, получили множество пробоин и ночью были затоплены командами; «Тринидаде» был сильно поврежден, взят на буксир капитана; альмиранте «Жоан-Франсишку» и «Жоан-Сальватор» потеряли капитанов, на капитана «Жоан-Франсишку» же было 38 убитых, а Ботельо был ранен.

Потери англичан по отчетам Видела: 13 человек на «Роял Джеймс», 11 – на «Джонес», 4 на «Стар» и 1 – на «Игл». Честно сказать, мало верится в эти цифры, поскольку Видел чуть ниже пишет, что только на «Роял Джеймс» насчитали 450 попаданий португальских ядер [49], причем некоторые дыры имели диаметр 28 дюймов (70 сантиметров), что говорило об использовании португальцами на своих кораблях 60-фунтовых сакр.

Потери голландцев оценивались в 80 человек убитыми, среди которых был Беккер. Наиболее реальными представляются оценки, что потери англичан и голландцев составили порядка 150 человек, а потери португальцев – порядка 300 человек. Действительно, в этих стычках англичане и голландцы продемонстрировали более точную и быструю стрельбу, чем их противники.

В оправдание Видел писал, что португальцы понесли очень большие потери, которые английский командующий по итогам двух боев оценивал в 800 человек только убитыми. В эту фантастику также сложно поверить, поскольку общие потери убитыми и ранеными тогда должны были составить не менее 1600 человек, а поскольку Ботельо имел всего 2100 матросов, с такими потерями он не смог бы привести корабли на базу, однако португальцы дошли. Заместитель Ботельо увел корабли в Маскат.

Видел же вскоре увел корабли в Сурат. К Ормузскому проливу подошла новая эскадра англичан (3 корабля, 2 паташа), которая имела небольшую стычку с португальскими нао, но она закончилась вничью.

Бои эти имели совершенно неожиданное продолжение – персидский шах, видя, что англичане и голландцы не смогли победить португальцев, предпочел заключить с иберийцами перемирие, где стороны зафиксировали

статус-кво. Маскат же вскоре стал новой столицей работорговли в Азии.

И все же слабость позиций португальцев в Азии ощущалась в полной мере – 5 августа 1629 года малайский султан Ачем Райманкур осадил португальскую Малакку, однако 22 октября из Гоа на помощь городу пришли 8 кораблей Нуньо Альвареса Ботельо и осада была снята. Состоялось морское сражение между малайцами и португальцами, где в общей сложности принимали участие 36 кораблей. Ботельо вновь применил тактику массированной артиллерийской стрельбы и безоговорочно победил туземный флот. Колонии в Малайзии удалось отстоять.

Атака Макао

Вечером 21 июня 1622 года 13 кораблей голландской ОИК (девять больших судов, несущих от 25 до 45 орудий, и 4 паташа) под флагом адмирала Питера Рейерзоона появились в бухте Касильяш у португальской колонии Макао. Задачей, поставленной адмиралу Яном Питерсзооном Куном, был захват «бесхозной» колонии.

На тот момент под командованием губернатора крепости капитан-генерала Лопе Сакраменто де Карвальо находилось всего 200 солдат колониальной милиции, а также 22 старые пушки, расположенные на фортах Форталеза де Монте и Форталеза де Гуйя.

На следующий день около 14.00 голландцы произвели бомбардировку города двумя тридцатипушечными кораблями, которые избрали основной своей целью церковь Святого Франциска. Стрельба утихла к 21.00, тогда же к берегу подошли лодки с десантом, которые высадили отряд в 800 мушкетеров, а также около полусотни японских наемников, которые в данном случае выступали как союзники Рейерзоона. Высадившиеся сразу же пошли в атаку на монастырь Сан-Пабло (примыкающий к Форталеза де Монте), но в результате кровопролитной ночной схватки были отбиты, при этом защитники потеряли 23 человека, а нападающие – около 100. Основной урон голландцам нанесли два легкие пушки, которые китайские поденщики перетащили на стены монастыря.

Карвальо, сознавая, что сил у него слишком мало, объявил набор в колониальное ополчение, куда устремились толпы желающих. С охотой воевать с голландцами шли не только европейцы (а их было в городе не более 500–700 человек), но и китайцы, которые составили основной мобилизационный резерв губернатора. В бой рвались даже женщины.

Меж тем Рейерзоон, анализируя ночную неудачу, решил подвергнуть усиленной бомбардировке форты города, для чего решено было использовать флагман голландцев – 45-пушечный «Леув». Утром корабль подошел близко к Форталеза де Монте и открыл огонь по крепости, оттуда ответили тяжелые орудия, стрелявшие каменными ядрами, – 42-фунтовые дрейки. В результате дуэли «Леув» был сильно поврежден и покинут командой. К вечеру корабль отдрейфовал к юго-восточной части пляжа Касильяш и был выброшен на берег.

В разгар перестрелки между флагманом и бастионом голландцы опять

произвели высадку 800 солдат, которые должны были идти на штурм города. Карвальо, заметив лодки, выслал в траншеи 150 милиционеров-европейцев с мушкетами, приказав стрелять по голландцам только тогда, когда они приблизятся на дальность пистолетного выстрела.

С убойной дистанции в 50 ярдов по идущим неровной колонной к траншеям защитников города голландцам грянул дружный залп, в результате которого сам Рейерзоон был ранен в живот, а около 40 человек было убито. Командование принял на себя заместитель адмирала, а голландцы перешли с шага на бег, надеясь захватить перезаряжающих ружья португальцев врасплох, однако предусмотрительный Карвальо приказал милиционерам покинуть траншеи и отступить к городу.

По сути, несмотря на грамотные действия губернатора, нидерландцы были очень близки к цели, но судьбу Макао решил точный огонь с Форталеза де Монте, который нанес нападавшим на пляже большие потери.

В португальских книгах по этому вопросу раз за разом повторяется выдумка, будто бы иезуитский монах Иеронимо Ру (Ро) послал одно-единственное ядро, которое попало в бочку с порохом и нанесло голландцам ужасные потери (до 120 человек только убитыми).

В такую версию событий поверить сложно. Понятно, что высадившиеся на пляже Касильяш голландцы не имели тяжелого вооружения и пушек. Соответственно запас пуль и пороха конечно же каждый мушкетер нес с собой.

Даже если и была бочка с порохом, то взрыв ее не мог убить одновременно 120 человек, если только они не стояли друг на друге вокруг этой мифической бочки.

В качестве альтернативной версии можно было бы предположить, что Карвальо, перед тем как покинуть траншеи, заложил одну или несколько бочек с порохом, снабдив их фитилями, то есть используя в качестве мин.

Но в этом случае он с филигранной точностью должен был рассчитать длину фитиля, чтобы бочки рванули ровно в то время, когда в траншеях появятся голландцы. Взрыв бочек перед нападавшими, или после того как они покинули траншеи, был бы бесполезен.

Таким образом, на наш взгляд, самой правдоподобной выглядит версия частого пушечного и ружейного огня с фортов города. В этом случае успех обороны был обеспечен мелкой артиллерией и огнестрельным оружием в эффективной зоне поражения, причем противнику банально негде было укрыться.

Но вернемся к осаде. Деморализованные войска поднялись на борт

кораблей, общие потери нидерландские командиры оценили в 350 человек, и было принято решение отплыть к своим портам. Утром, 24 июня 1622 года [50], голландцы подняли паруса и взяли курс на Батавию.

Блокада Гоа

В Индии, пользуясь ослаблением позиций Испании и Португалии, голландцы перешли в наступление. Уже в 1636 году корабли ОИК начали блокаду Гоа, которая продолжалась до мая 1637-го, потом нидерландцы ушли к Батавии. Пользуясь этим обстоятельством, вице-король Гоа Педро да Силва перевел «Жоан Себастио» и «Жоан Жерониму» в Мормугао (мыс у входа в гавань Гоа, где были расположены верфи и доки) на тимберовку. С разоруженных кораблей сняли пушки и снабдили ими гарнизон форта Мормугао.

В начале сентября в Гоа прибыл большой 60-пушечный королевский галеон «Бом Жезус», а также вышел из доков 48-пушечный «Жоан Жерониму», которые составили основу Индийской армады вице-королевства. В начале октября в порт зашел посланный Оливаресом для усиления 50-пушечный королевский галеон «Нуэстра Сеньора де Оливейра Жимораес», и общее количество испанских и португальских судов в Гоа теперь увеличилось до 7 кораблей, включая 3 мелких паташа.

26 октября к столице португальской Индии подошел мощный голландский флот Адама Вестервольта в составе 10 военных кораблей и 5 пинасов, однако вскоре 2 корабля нидерландцы отправили в Сурат, и два пинаса – в Ормуз, поэтому на блокаде Гоа остались 8 «орлогсхипов» и 3 мелких корабля. Корабли Соединенных Провинций расположились неподалеку от форта Агуада, построенного чуть севернее самого Гоа, у входа в залив Реиса. Несмотря на преимущество в кораблях, Вестервольт не спешил атаковать крепость – вместо этого он попытался договориться с правителем области Махараштра Адил-Ханом о совместной атаке португальцев, однако последний вежливо, но твердо отклонил предложение голландцев, мотивируя свое решение заключенным недавно договором о дружбе и сотрудничестве с Гоа. Это полностью подорвало планы голландцев – Вестервольт, уверенный в союзе с индусами, не взял с собой большого запаса провианта, и поэтому 26 ноября спешно отплыл в Сурат. Пользуясь этим, португальцы смогли провести корабли с товаром из Кешма, а также из Китая и Малакки. Также да Силва отправил в Европу груженный пряностями и золотом галеон «Жоан де Иезус», однако он вылетел на мель в устье реки Мондови (на которой и расположен город Гоа) и вынужден был вернуться в порт. 11 декабря подошли голландцы, и

блокада была продолжена.

К концу месяца португальцы получили значительные подкрепления – на мелких судах с Коромандельского берега, Цейлона и Малакки подошли подкрепления, вызванные вице-королем. Голландцы не могли преследовать мелкосидящие гребные суда португальцев, которые спокойно отстаивались на мелководьях и свободно проходили в Гоа недалеко от берега. Понимая, что с прибытием подкреплений позиции да Силвы стали гораздо прочнее, Вестервольт решил нанести *кабальеро*поражение в морском сражении. Ночью 3 января 1638 года корабли Соединенных Провинций подошли к устью Мондови. Их силы были следующими:

Наименование	Тоннаж	Пушки	Примечания
Utrecht	300	35	Флаг Адама Вестервольта
Rotterdam	320	32	
Harder	-	24	
Vlissingen	360	38	
Gravenhage	-	34	
Dolfijn	300	28	
Texel	-	24	
Amsterdam	320	30	Вице-командор Вильям Якоб Костер
Veer	-	16	Пинас
Niew	-	14	Пинас
Nederland	-	14	Пинас

В свою очередь португальцы располагали 5 галеонами («Жоан Себастио», «Жоан Жерониму», флагманский «Бом Жезус», «Жоан Бартоломью», и «Жоан де Жезус») и 38 мелкими гребными судами, забитыми пехотой. Антонио да Силва решил построить битву следующим образом – застрельщиками выйдут галеоны, между которыми будут расположены гребные суда. Основная задача галер – отводить от больших кораблей возможные брандеры голландцев. В свою очередь задача галеонов – стрельба картечью для нанесения как можно больших потерь экипажам врага, а также его такелажу и рангоуту.

Еще в ночь на 4 января да Силва повел свои корабли к выходу из гавани. В 9.00 «Жоан Жерониму» и «Бом Жезус» завязали перестрелку с головным кораблем ОИК – «Утрехтом», но на сближение не шли.

Голландец, пытаясь сократить расстояние, был повернут носом к португальским кораблям, которые, в свою очередь, развернулись к нему бортом и прицельно всаживали во вражеский корабль заряд за зарядом. Не дойдя до португальцев 250 ярдов, корабль Вестервольта развернулся и отошел к своим.

Голландцы решили сменить тактику, два пинаса, спешно превращенные в брандеры, были посланы на португальские корабли, но легко переловлены галерами, которые их сразу и захватили. Два флота, выстроившись каждый в некое подобие кильватерной линии, шли параллельно друг другу на SW, причем голландцы были на ветре, а португальцы – под ветром. Вестервольт еще раз предпринял сближение с «Бом Жезус», португальский корабль в свою очередь также развернулся носом к «Утрехту». Корабли сблизились и начали ближний бой, огонь с обеих сторон был довольно жарким, сам Вестервольт получил ранение в руку, грот-марсель с «Бом Жезус» упал на палубу «Утрехта» и запутался в снастях голландского корабля. Да Силва приказал матросам обрубить упавшую мачту, под огнем из пушек и мушкетов добровольцы ринулись выполнять задачу, в то время как голландская пехота готовилась к абордажу. Голландцы смогли бы взять португальский флагман на абордаж, если бы не подошедший сзади «Жоан Жерониму», который двумя залпами просто разбил корму «Утрехту» и смел абордажную партию картечью.

Вскоре подошел «Жоан де Жезус», и корабль Вестервольта теперь находился в полном окружении. Португальцы сбили на противнике грот-мачту, бизань, «Утрехт» получил в небольшой промежуток времени до 10 подводных пробоин. На помощь своему товарищу бросились «Роттердам» и «Флисинген», но сблизиться со своим флагманом не смогли – «Бом Жезус» меткими залпами заставил их отвернуть. Все же «Утрехт» смог вырваться из клещей и отойти к своим кораблям, правда, получив больше повреждения и понеся существенные потери в экипаже.

В свою очередь в арьергарде отставший «Жоан Бартоломью» вел бой с двумя голландскими кораблями – «Гравенханде» и «Веер». Голландцы зажали несчастный корабль с двух сторон и методично выкашивали орудийную прислугу, готовясь к абордажу. Когда корабли нидерландцев приблизились, капитан «Жоан Бартоломью» Луиш де Каштилью-Бланко бросился с факелом в крюйт-камеру и взорвал свое судно. В результате полностью сгорел «Гравенханде», а также «Флисинген», на который попали горящие обломки.

К вечеру португальцы повернули обратно и около полуночи были в устье Мондови. Потери их составили 100 человек убитыми и 80 –

ранеными и пленными. Был потерян один старый 20-пушечный корабль, ветеран войн в Ормузском заливе в далеком 1625 году.

Голландцам повезло меньше – два корабля в 34 и 38 пушек соответственно, 170 человек погибшими, 240 – ранеными.

Утром 5 января Вестервольт отошел на ремонт к Сурату, однако вскоре возобновил блокаду Гоа, пользуясь тем, что ему прислали в подкрепление 2 корабля. Крейсирование продлилось до 20 апреля, но, ничего не добившись, голландцы были принуждены отплыть в Батавию. Португальцы смогли обезопасить берега вице-королевства от высадки войск противника.

Эпизод V. Франция против Испании

Краткая ретроспектива создания французского флота при Ришелье

Надо сказать, что Франция до 1627 года не имела сколь-нибудь значимого флота, с 1596 по 1626 год тем, что называлось «флот» управляла чета герцогов Монморанси [51], причем командование кораблями было как бы *«общественной нагрузкой»*к званию маршала Франции (коннетабля) и губернатора Канады. Сама морская сила государства после религиозных войн была в запустении, и ни Генрих IV, ни Людовик XIII (до определенного момента) не предпринимали никаких усилий для ее создания.

Это привело к тому, что во время испано-французской войны 1595–1598 годов флот Испании делал в Средиземном море, что хотел: к примеру, 17 февраля 1596 года испанская эскадра из 12 галер под командованием генуэзского адмирала Карло Дориа захватил лежащие близ Марселя острова Ратонно и Иф (последний широко известен нашим читателям по романам Александра Дюма). После этого всякая помощь Марселю с моря была отрезана. Член Католической лиги Гизов Шарль де Касо, один из консулов города, возглавлявших городское управление, попытался сдать город испанцам, но измена эта была, однако, своевременно раскрыта. Пьер Либерта, представитель партии «политиков» в городском собрании Марселя, пронзил де Касо мечом, что послужило причиной всеобщей мобилизации в городе и активных приготовлений к обороне. Народ проволок тело убитого лигиста по канавам и, таким образом, он *«проплыл по земле к своим господам»*. С большим трудом сторонникам Генриха IV удалось удержать контроль над городом, но это оказалось полным сюрпризом для испанцев, которые не рассчитывали на сколь-нибудь сильную оборону Марселя. В результате Дориа через 2 месяца снял блокаду и вернулся в Испанию.

В тот же год блокадам испанского флота также подверглись Тулуза и Ницца, однако французы смогли не допустить захвата городов противником. Тем не менее ни Генрих IV, ни позже Людовик XIII не озаботились созданием сильного флота в противовес испанскому.

В ходе войны с гугенотами в 1621–1622 годах королевские войска построили под Ла-Рошелью укрепление Форт-Луи (форт Людовика),

которое угрожало городу. Форт-Луи стал камнем преткновения: при заключении мира с гугенотами в Монпелье (1622) король обещал *«со временем»*срыть Форт-Луи, но кардинал Ришелье, ставший членом государственного совета в 1624 году, затягивал выполнение обещания, надеясь вовсе его избежать. Наоборот, он усилил гарнизон отрядом генерала Туара (он станет маршалом в 1630-м). На случай, если действия правительства приведут к конфликту с Ла-Рошелью, в Блаве было начато формирование флота. Угроза новой осады Ла-Рошели была столько очевидна, что один из вождей гугенотов, герцог Бенджамен де Субиз (брат герцога Рогана), решил перехватить инициативу. В феврале 1625 года он поднял восстание, выпустил манифест, объясняющий свои действия, и захватил остров Рэ, а затем Субиз Сабль д’Олон, в гавани которого стояло 6 галеонов. Субиз их захватил. Возвращаясь на остров Рэ, Субиз захватил остров Олерон. Он с 15 кораблями контролировал побережье от Нанта до Бордо и называл себя *«адмиралом гугенотов»*; правительство не располагало флотом на атлантическом побережье и было вынуждено обратиться за помощью к голландцам. Создалась опасная ситуация. Ларошельцы были готовы примкнуть к Субизу, гугеноты в других местах тоже были нелояльны. Но Ришелье удалось собрать флот, на помощь адмиралу Монморанси пришла голландская эскадра адмирала Зута. Они разгромили Субиза в морском сражении и высадили на остров Рэ французский десант под командованием Туара, который тоже разгромил противника в сухопутном бою. Субиз бежал в Англию, и восстание было подавлено. 5 февраля 1626 года с ларошельцами был заключен очередной мир. Король подтвердил свободу вероисповедания, но запретил Ла-Рошели иметь военный флот и обязал их срыть форт Тадон, построенный, чтобы нейтрализовать Форт-Луи. Король же сохранил укрепления Форт-Луи «на разумный срок».

Англичане, уже давно поддерживавшие лидеров протестантов, выступающих против усиления власти во Франции, решили открыто вмешаться в конфликт. Этому поспособствовал французский губернатор Гиени, герцог д’Эпернон, который захватил в Бордо британский торговый флот с годовым запасом кларета (красное полусладкое вино) на борту. В ответ разъяренный Карл I приказал арестовать все французские торговые корабли, многие из которых были захвачены в Ла-Манше.

В начале 1627 года Англия объявила себя защитницей всех французских протестантов. В марте началась подготовка экспедиции в Ла-Рошель, которую возглавил любимец короля Карла I – герцог Бэкингэм [52]. Планировалось выбить французский гарнизон с островов Рэ и Олерон,

деблокировать Ла-Рошель и захватить плацдарм на побережье Франции. Герцог Субиз принимал активнейшее участие в разработке операции.

27 июня 1627 года армада из 15 кораблей и 50 транспортов покинула Портсмут и отправилась к Ла-Рошели. Главой экспедиции был назначен герцог Бэкингэм, в состав военной эскадры входили «Триумф» (флагман, флаг герцога Бэкингэма), «Рипалс» (вице-адмирал лорд Линдсей), «Вэнгард» (сэр Джон Бург), «Виктори» (контр-адмирал лорд Харви), «Рейнбоу», «Уорспайт», «Нонсач», «Эспиранс», «Лайон» и шесть малых судов. На торговые было загружено 8000 солдат. Около Дюнкерка к отряду присоединилась голландская эскадра из 10 кораблей. По замыслу Бэкингэма, он должен был выгрузить войска в Ла-Рошели и проследовать в Бордо, где все еще стоял арестованный флот торговых судов, но эти планы нарушились. Мэр Ла-Рошели Жан Гиттон не дал англичанам высадить войска в городе, сообщив, что поддержит их только тогда, когда те возьмут Рэ и Олерон.

Утром 20 июля 1627 года флот Бэкингэма появился у острова Рэ. В цитадели Сен-Мартен-ля-Рэ занял оборону гарнизон из 1000 солдат и 12 орудий под командованием маркиза Туара. Солдаты были рассредоточены между двумя бастионами – собственно Сен-Мартен и Ля-Пре, последний еще не был готов к осаде, на нем велись строительные работы.

21 июля англичане обстреляли бастионы и высадили 2000 человек на восточной части острова, у Сбалансо, расположенной ближе всего к Ла-Рошели. Туара, обладавший слишком малыми силами, не смог предотвратить десант. Шесть дней кровопролитных боев заставили Туара сосредоточить оставшиеся войска (800 человек) в Сен-Мартене, отдав остальной остров противнику. В Ля-Пре заперся небольшой отряд французов из 30 человек. На один день стороны заключили перемирие, чтобы похоронить убитых, среди них был и родной брат Туара. Гарнизон на острове оказался блокированным как с суши, так и с моря, практически без провизии и боеприпасов. В отчаянной попытке получить помощь от короля французский генерал отправил вплавь через пролив трех добровольцев, которые должны были добраться до лагеря французской армии, подошедшей к Ла-Рошели, и сообщить о бедственном положении гарнизона. Доплыл лишь один, остальные были либо убиты, либо взяты в плен. Ришелье, извещенный о том, что Туара еще держится, срочно снарядил небольшой отряд из 15 пинасов с продовольствием, тринадцати из них 7 сентября удалось прорваться к бастиону с помощью высокого прилива. Англичане, совсем не ожидавшие таких действий, не смогли

помешать французам. Тем временем осаждающие выгрузили пушки и установили батареи напротив Сен-Мартена. Ошибкой Бэкингэма стало то, что он вначале запретил своим подчиненным рыть траншеи, усмотрев в этом трусость, из-за чего от пуль французских солдат погибло много англичан.

12 сентября к герцогу прибыло подкрепление из Англии – 1500 ирландцев под командованием Ральфа Бинглея. В конце концов решили снять с кораблей дополнительно 500 матросов и общими силами атаковать форт Ля-Пре, однако почему-то приказ был отменен. В этот момент в Ля-Пре находилось всего лишь 30 французских солдат. Англичане также начали испытывать проблемы с продовольствием, из-за сезона штормов суда с припасами не могли выйти из портов.

7 октября французы решили еще раз послать подкрепление и провизию на остров. В этот раз англичане смогли перехватить их и захватить 10 мелких судов из 35-ти. Ришелье и маршал Шомберг (кстати, протестант по вероисповеданию), прибывшие в расположение французской армии под Ла-Рошелью, понимали, что Туара вряд ли продержится до конца года, поэтому в их голове созрел хитрый план – перебросить с Олерона 6000 солдат и 300 кавалеристов при 6 пушках на остров Рэ и ударить по англичанам с тыла. Узнавшие об этих планах британцы не на шутку встревожились – на военном совете все требовали уйти обратно в Англию, объясняя это тем, что помощь из Портсмута и Амстердама так и не вышла. Утром 6 ноября Бэкингэм решил предпринять генеральный штурм Сен-Мартена. 3000 солдат и 700 матросов пошли на приступ, у Туара было около 1200 человек, из которых 600 – ветераны осады. Солдаты герцога смело преодолели простреливаемое пространство и ринулись к стенам форта, держа в руках лестницы. Но все осадные лестницы оказались очень короткими, растерявшиеся войска сгрудились около стен, расстреливаемые со всех сторон бойцами Туара. Потеряв около 500 человек, британцы побежали.

Ночью 8 ноября Шомберг с 3000 солдат высадился на севере острова Рэ. К своему величайшему удивлению, он обнаружил, что англичане покидают остров, и атаковал их отходящие части. Потери войск Бэкингэма составили более *«2000 солдат, среди которых: 5 подполковников, 3 полковника, 250 капитанов, 20 родовитых дворян, 4 мортиры и 60 флагов, которые были привезены в Париж Клодом де Сен-Симоном и с гордостью повешены в сводах собора Парижской Богоматери»* [53].

Королевская армия подошла к Ла-Рошели в августе 1627 года. Армия из 30 тысяч человек при 48 орудиях под номинальным командованием

Гастона Орлеанского [54], брата короля, охватила Ла-Рошель плотным кольцом из 11 деревянных башен и 18 редутов. Главным руководителем осады был кардинал Ришелье. Первый министр привлек к осаде маршалов Луи де Марийака, Бассомпьера, Шомберга. Ришелье требовал максимально эффективного управления войсками и вспомогательными отрядами, на места администраторов и квартирмейстеров он, пользуясь своей церковной властью, широко привлекал способных священнослужителей. К примеру, широко известный духовник короля – отец Жозеф – наладил эффективнейшую разведывательную службу, от которой он знал даже малейшие подробности жизни в осажденной крепости, а также отвечал в качестве генерал-интенданта за снабжение королевской армии. По плану королевского архитектора Метезо было решено отрезать Ла-Рошель от моря. Поперек гавани, вне досягаемости от городских орудий, начали строить полуторакилометровую дамбу из булыжников, скальной породы, старых кораблей, вооруженных пушками, стоящими на прикрепленных к дамбе плавающих платформах. Дамба должна была иметь один небольшой, но сильно защищенный вход, способный пропустить только малоразмерные суда. Для постройки дамбы было привлечено 4000 парижских рабочих, которым посулили большое вознаграждение. К январю сооружение было построено и Ла-Рошель оказалась отрезанной от моря. 10 января из Парижа к осажденному городу приехал Ришелье, получивший чин *«генерала армии короля при Ла-Рошели и в окружающих провинциях»*.

С продовольствием в городе становилось туго, и Жан Гиттон решил выпустить из крепости женщин, стариков и детей, чтобы они не испытывали больше мук осады. Королевские войска не разрешили им покинуть кольцо окружения, в результате они бродили между противоборствующими сторонами, побираясь и постепенно умирая от случайных пуль и голода.

12 марта 1628 года была предпринята попытка сделать пролом в крепостной стене у ворот Порт-Мобек, через которые в осажденный город проходили лодки с солью. 5 тысяч человек были готовы после подрыва ринуться на штурм, но группа подрывников заблудилась в темноте и приступ был отложен. Это склонило Ришелье и маршалов к тому, что ла-рошельцам лучше *«подохнуть с голода, а не от пуль»*. В начале мая к городу подошел английский флот из более чем ста судов, но все его действия ограничились перестрелкой с батареями дамбы. Ничего не добившись, англичане ушли домой 18-го числа. Протестанты возлагали большие надежды на новый флот, который готовил к выходу Бэкингэм, но

23 августа герцог был убит Джоном Фельтоном. Тем не менее 28 сентября к Ла-Рошели подошел английский отряд из 14 кораблей, который завязал перестрелку с дамбой. Боевые действия продолжались до 4 октября, когда разразился шторм, и англичане отступили. К этому времени Ла-Рошель уже полностью исчерпала средства к обороне, от голода и обстрелов умерло не менее 13 тысяч горожан. 28 октября 1628 года город сложил оружие, протестанты согласились на безоговорочную капитуляцию. В момент сдачи в городе находилось не более 150 солдат, способных носить оружие, и всего 5400 жителей из 28 тысяч. По статьям соглашения, заключенного с горожанами, Ла-Рошель становилась католическим городом, а крепостные стены должны были быть срыты [55].

В тот момент, когда Ришелье осаждал Ла-Рошель, в Лангедоке войска принца Конде сражались с главой бунтовщиков-кальвинистов Анри де Роганом. В сентябре 1628 года Роган, терпящий одно поражение за другим, начал тайные переговоры с Испанией о помощи. В результате с молниеносной быстротой возникла антифранцузская лига в составе Англии, Испании, Савойи и Лотарингии. Быстрое падение Ла-Рошели помешало этому антифранцузскому конгломерату начать активные боевые действия против Людовика XIII. 1 ноября король торжественно вошел в покоренную Ла-Рошель, 10 ноября, убедившись, что осада закончилась поражением протестантов, уплыл домой английский флот. 20 мая 1629 года был подписан мир с Англией.

События вокруг острова Рэ и Ла-Рошели послужили толчком, после которого Франция обратила внимание на строительство своего флота. Еще в январе 1626 года Ришелье добился, чтобы его назначили генеральным суперинтендантом по торговле и министром по морским делам. В октябре этого же года кардинал настоял на снятии со своих должностей герцогов Монморанси и Гиза, допустивших многочисленные беззакония в управлении вверенными им эскадрами. Еще в 1625 году у Франции не было ни одного корабля (исключая 10 галер в Средиземном море), но уже на следующий год началось усиленное строительство торговых судов, имевших небольшое вооружение. После осады острова Рэ было принято решение отдельно строить и военный флот. В начале 1627 года Ришелье разместил заказы на постройку 18 военных кораблей на верфях Нормандии и Бретани. Вскоре еще 6 кораблей заказали в Голландии. В конце года заказ Соединенным Провинциям был пересмотрен в сторону увеличения – требовалось уже 12 кораблей. Во время окончания осады Ла-Рошели военный флот Франции насчитывал 35 кораблей, правда, пока еще не боеготовых. К 1635 году Франция обладала тремя боеспособными

эскадрами (52 корабля) в Атлантике и Канале.

31 марта 1626 года при ярой поддержке Ришелье четырьмя торговыми компаниями было создано «Морбианское товарищество», получившее государственную монополию на торговлю с Восточной и Западной Индией, Канадой и Левантом. Был заново отстроен торговый порт Сен-Мало, где быстро построили большую (45 кораблей) китобойную флотилию. Таким образом, кардинала Ришелье с полным правом можно считать отцом-создателем французского военного и торгового флотов. Осада Ла-Рошели показала, что пока Франция не будет обладать сильным флотом, ее побережье всегда будет уязвимо для атак англичан и голландцев. Великий кардинал выбил из Генеральных Штатов увеличенный бюджет на флот. Ришелье приглашал из Голландии капитанов и корабельных мастеров, посылал на учебу в Англию и Нидерланды французских волонтеров, привлекал инженеров и архитекторов к разработке новых кораблей. Ришелье положил основание постоянному офицерскому составу и учредил морское училище для дворян. Комендоры, в числе 200, получили для обучения особую организацию. Наряду с этим Ришелье обратил внимание на постройку верфей, организацию судостроения, оборону побережья, вверенную командирам Береговой стражи.

Французский флот благодаря энергии кардинала начал быстро набирать силу.

Рождение Флота Леванта

После поражения непобедимых доселе шведских войск под Нердлингеном немецкие князья и император Священной Римской империи сели за стол переговоров. Согласно условиям Пражского мира 1635 года, в Германии официально легализовался протестантизм, но императору удалось внести пункт о том, что армия Австрии объединяется с армиями немецких княжеств и новое военное образование получит название «Армия Священной Римской империи». В марте 1635 года испанские войска вошли в Трир, французский гарнизон города был уничтожен, а правитель Трирской области, находившийся под патронажем Франции, взят под арест. Людовик XIII направил испанскому наместнику во Фландрии Хуану Австрийскому официальный протест против действий в этой германской области, требуя освободить курфюрста и очистить Трир от испанских войск. Меморандум был проигнорирован. Такой поворот событий совершенно не устраивал первого министра Франции кардинала Ришелье, поэтому 1 мая 1635 года Франция объявила войну Испании и императору Священной Римской империи, причем довольно оригинальным, рыцарским образом. Из Парижа выехали герольды в средневековом одеянии с гербами Франции и Наварры. Первый герольд в Мадриде при всем испанском дворе вручил акт о начале войны испанскому королю Филиппу IV. Второй 19 мая прибыл ко двору Хуана Австрийского, в Брюссель, но его отказались принять. Тогда уполномоченный одну бумагу прибил к дверям дворца губернатора, а вторую – к пограничному столбу между Францией и Фландрией. Война началась.

Ришелье сколотил довольно большую коалицию против Австрии – его союзниками выступили герцогства Мантуанское, Савойское, Венецианская республика, Голландия. Благодаря нажиму Франции в конфликт опять вмешалась Швеция, войска Людовика XIII вошли во Фландрию и Ломбардию.

В мае 1635 года испанцы послали 12 галер к Леринским островам (около Канн) с намерением захватить их, но около острова Сент-Маргарит были перехвачены 16-пушечным флейтом «Нептюн» [56]и тремя галерами под командованием молодого протестанта Абрахама Дюкена (лейтенант-генерал моря бордоский архиепископ де Сурди [57], видя склонность молодого парня к службе во флоте, пригласил его в качестве

капитана в марсельскую королевскую эскадру). В результате скоротечного боя (30 минут) Дюкен смог потопить пять испанских галер (погиб и капитан-генерал испанской эскадры – дон Рикардо де Веласко), однако в свою очередь французы потеряли все три галеры, поскольку испанские призовые партии легко взяли их на абордаж. Несмотря на такие потери, французы смогли отбить атаку на форты, но, как оказалось, из этой стычки испанцы сделали правильные выводы.

Леринские острова занимали стратегическую позицию – они расположены всего в 6 милях от Канн и представляют собой два острова – Сент-Маргарит и Сент-Оноре. Еще в 1607–1610 годах на Сент-Маргарит была построена сильная крепость Фор-Руаяль, защищавшая побережье Прованса от набегов берберийских пиратов. На острове Сент-Оноре был бенедиктинский монастырь, обладавший мощными стенами, соединявшими внешние постройки монахов, который также использовался как крепость.

Летом 1635 года (когда единственный военный корабль Дюкена был разоружен и тимберовался) из Барселоны вышел испанский флот в составе 22 галер и 5 галиотов под командованием дона Гарсия де Толедо, герцога Фернандино.

13 сентября 1635 года с форта Круазет (Канны) дозорные обнаружили 15 испанских галер, крейсирующих между островом Сент-Маргарит и материком. В это же самое время из Фор-Руаяля пришла лодка с просьбой о помощи – гарнизон крепости был атакован эскадрой противника. По донесениям прорвавшихся защитников острова, еще 5 галер перекрыли пролив между Сент-Маргарит и Сент-Оноре. Из Канн были спешно отправлены триста мушкетеров на лодках, но они не смогли прорваться через блокирующий испанский отряд дона Педро де Орельяно. Командир гарнизона Фор-Руаяля Жан де Муареньяк приказал крепостным орудиям открыть стрельбу по кораблям противника, но ядра просто не долетали до испанцев, да и сам огонь 20 мелких орудий был очень слабым. 14 сентября французский гарнизон в 110 человек капитулировал и испанцы смогли захватить Сент-Маргарит. Испанцы заставили французов сложить оружие и отпустили их восвояси.

На следующий день дон Педро атаковал гарнизон Сент-Оноре, который насчитывал 100 солдат при 3 орудиях под командованием Франсуа Энея д’Усэ. К вечеру испанцы высадили на остров около 1000 человек и начали бомбардировку монастыря. 15 сентября французы отбили атаку идальго, однако вечером покинули крепость и уплыли в Канны, поскольку командир гарнизона считал, что ничего более не сможет сделать против

таких мощных сил противника.

Испанцы заняли покинутые французами крепости и оставили там свои гарнизоны: 2000 человек на Сент-Маргарит под командованием дона Мигеля Переса и 2000 человек на Сент-Оноре под командованием дона Хуана Тамайо. Между островами обрел себе стоянку испанский флот из 16 галер и 14 паташей. По слухам, вскоре гарнизоны испанцев должны были увеличиться – из Барселоны уже выходили 12 больших транспортных галеонов с 8000 солдат.

Захват этой стратегической позиции (на острове Сент-Маргарит была установлена 20-пушечная батарея, которая простреливала все подходы к порту) сильно напугал губернатора Прованса Николя л'Опиталя, герцога Витри. Да-да, это тот самый Витри, капитан гвардейцев Людовика XIII, который по приказу короля тремя выстрелами в лоб убил любовника Марии Медичи – итальянского прохвоста Кончито Кончини. За это дело Витри сделали маршалом Франции, впрочем, это назначение оказалось ошибочным – Николя в совершенстве владел только караульной службой, что было явно недостаточно для командования боевыми соединениями Франции. По воспоминаниям современников, *«он был смел до безрассудства, но имел ужасный характер и слабую военную подготовку»*. Опасения Витри подогревались тем фактом, что со времен Католической лиги испанцы имели большое количество сторонников и целую разведывательную сеть на территории Прованса.

Ришелье, узнав о захвате Леринских островов, приказал аббату Буве, приближенному Витри, реквизировать все корабли, которые окажутся в Марселе и его окрестностях. *«Его Величество*, – пишет Ришелье аббату, – *желает иметь постоянно готовые к выходу в море военные корабли, поскольку они помешают противнику и пиратам угрожать нашим берегам и нашим купцам, которых прежде безнаказанно грабили на море»*. Бове вместе с маркизом дю Понт де Корлэ (племянником кардинала, генералом марсельских галер [58]) спешно реквизировал 11 галеонов, которые до конца года спешно переделывали в военные суда, устанавливали пушки, усиливали корпус и такелаж. В Средиземное море спешно перебросили 15 кораблей эскадры Бретани, 12 кораблей эскадры Гиени, 8 кораблей Нормандской эскадры, 6 брандеров, 12 флейтов и 7210 матросов. Согласно отчету бордоского архиепископа де Сурди, в Левант отправили 12 кораблей водоизмещением 500 тонн, 8 кораблей в 300 тонн, 12 судов в 200 тонн. Кроме этого, на каждый корабль погрузили по 300 солдат, которые позже образовали отдельный корпус Береговой стражи. В Тулоне спешно строились галеры для противодействия

испанцам. Так появился Флот Леванта.

Ришелье создал довольно запутанную, но действенную структуру военно-морских сил: флот Франции состоял из четырех отдельных эскадр, базирующихся на Брест, Нант, Бордо и Марсель. Эскадры в Бресте и Нанте подчинялись лейтенант-генералу Океана, которым в 1635 году был назначен архиепископ Нантский де Бове, а корабли Марселя и Бордо были в подчинении у лейтенант-генерала Леванта де Сурди. В то же самое время первые три эскадры образовали Флот Океана, или Атлантический флот, а четвертая послужила предтечей Флота Леванта, или Средиземноморского. Звание адмирала Франции (ранее принадлежавшее коннетаблю из рода Монморанси) Ришелье отменил, опасаясь концентрации слишком большой власти у одного человека. Общую же координацию обоих лейтенант-генералов осуществлял сам кардинал, причем по церковной линии, как более высокое лицо в духовной иерархии, которому оба епископа и так отчитываются.

На лейтенант-генерале моря Анри д’Эскуэбло де Сурди хотелось бы остановиться особо. По воспоминаниям современников, Сурди *«был более мушкетером, чем прелатом»*. Архиепископ любил море – достаточно отметить, что во время осады Ла-Рошели он устроил себе резиденцию в каюте корабля, пришвартованного к знаменитой дамбе в гавани протестантского города. Сразу же после захвата Леринских островов Сурди писал Ришелье, что хочет с 10 кораблями попытаться отбить форты на Сент-Маргарит, но кардинал отвечал: *«Осторожность и еще раз осторожность, вот что я рекомендовал почаще вспоминать архиепископу Бордоскому. Мы должны бить наверняка»*.

Ришелье своей властью развернул широкое строительство и закупку новых кораблей. Еще в 1630 году на верфях Бордо были построены 26-пушечные «Гранд Анри», «Сент-Андре», «Конкорд», 42-пушечный «Лион», в 1633-м в Ла-Рош-Бернар был спущен на воду гордость французского флота 72-пушечный корабль «Коронн», водоизмещением 1600 тонн. После захвата Леринских островов новые корабли были заложены в Гавре и Бресте, в 1635–1638 годах у Голландии были куплены следующие корабли: «Сент-Винсент», «Труа Фано д’Амстердам», «Гранд Кардинал», «Фалькон», «Тритон», «Триомф», «Викторье», «Вержи», «Ликорн», «Лион», «Нассау», в Англии – «Сент-Джордж де Лондерс». Вообще отношения с Голландией были прекрасными – к примеру, в 1639 году голландцы отдали французам часть испанских призов, захваченных Тромпом в бою у Даунса.

В Тулоне были заложены несколько верфей для постройки судов, но

заработали они в полную мощь только в 1641 году, до этого времени Флот Леванта пополнялся кораблями Флота Океана.

Испанские силы, обосновавшиеся на Леринских островах, производили набеги на побережье Прованса. Последствия этих набегов были плачевными для французов – к концу 1636 года город Канн, к примеру, почти обезлюдел, в нем осталось только 300 жителей и гарнизон из 700 солдат. Рыбная ловля и судоходство у Канна практически прекратились.

По возможности галерный Средиземноморский флот пытался отбивать эти вылазки, и даже достиг в своих начинаниях некоторых успехов (например, в бою 9 сентября 1636 года Толедо в результате стычки с галерами французов потерял 3 паташа и 12 своих галер), но базирование на Марсель (который находился довольно далеко от Канна) постоянно заставляло французов высылать дозорные эскадры к Леринским островам, которые из-за слабости Флота Леванта были очень малочисленными и серьезно повлиять на ситуацию не могли. Кардинал Ришелье, подводя итоги 1636 года, вынужден был отметить: *«К сожалению, Флот Леванта ничего не добился за этот год»*.

Испанские вылазки были очень опасными. Например, 13 марта 1636 года 17 испанских галер вошли на рейд Марселя, на молы высадились 700 испанских солдат и ринулись внутрь города. Прево Марселя по соглашению с губернатором Прованса Витри решил откупиться от корсаров, что ему и удалось сделать: 3000 пистолей испанцы посчитали достойной платой за то, чтобы отступить. Людовик XIII обратиться с письмом к Витри, где гневно писал, что *«все наши морские и сухопутные силы, которые хоть как-то могли бы изменить обстановку в нашу пользу, задействованы в Провансе, однако мы до сих пор не видим никаких результатов»*. Вообще, действия Витри позволяли подозревать его в шпионаже и саботаже в пользу Испании. В 1642 году, когда маршал угодил в Бастилию, было доказано, что Витри в 1635–1637 годах имел постоянную переписку с мэром происпанского Мопракса (будущий французский Монако) и начальником испанского гарнизона на Леринских островах. Патриотически настроенный шевалье Меридор де Сен-Лоран еще в сентябре 1636 года доложил де Сурди о шашнях Витри с испанцами, и это помогло парализовать все действия маршала [59].

Ситуация начала выправляться. Постепенно военные эскадры Франции перешли на базирование в Тулоне, который стал главным военно-морским портом Прованса. По приказу Ришелье в Тулоне гавань была поделена на внутреннюю и внешнюю, форты города усилены, были

заложены арсенал и мастерские. Верфь Вейль-Дар (в переводе – верфь Внутренней Гавани) Ришелье повелел основательно расширить, теперь на ней могло производиться одновременно до четырех больших кораблей, на работу был приглашен знаменитый голландский мастер Ян де Верф, который в 1639 году заложил первые четыре корабля.

В феврале 1636 года Флот Леванта под началом де Сурди при помощи галер герцога Пармского атаковал испанское епископство Ористано на Сардинии. После небольшой артподготовки с 45 судов на берег высадились 5000 французских солдат, которые пошли на приступ крепости. Испанский гарнизон под командованием Франсиско Сапаты капитулировал через полчаса, однако через 2 дня к Ористано подошли новые испанские части, которые выбили французов из крепости. Сурди ушел к Тулону, потеряв 5 пушек, 700 мушкетов и 36 человек пленными. Ришелье, узнав о провале операции, философски откомментировал произошедшее: *«Время еще не пришло, но уже близится»*.

В начале 1637 года Флот Леванта, по мнению лейтенант-генерала де Сурди и кардинала Ришелье, уже был достаточно сильным, чтобы выбить испанцев с Леринских островов. В начале марта 40 кораблей и 20 галер начали блокаду островов Сент-Маргарит и Сент-Оноре. Испанские галеры, едва завидев французский флот, ушли к берегам Италии. Начиная с 24 марта высаженные на берег французские войска из развернутой на сухопутных позициях артиллерии начали постоянный обстрел форта Фор-Руаяль – главного пункта обороны на острове. 28 марта капитаны Флота Леванта Канде, Гопевилль, Монтиньи и Кастелло на своих судах подошли довольно близко к берегу и обстреляли навесной мост, соединявший донжон Фор-Руаяль с одним из бастионов, расположенных на берегу. Капитанам удалось сбить мост, более того – в проливе между островами они уничтожили 3 испанские бригантины.

Под прикрытием морской артиллерии французы смогли занять все бастионы со стороны моря и оттеснить испанцев в донжон замка. Далее осаждающие сосредоточились на бомбардировке Фор-Руаяля.

За время осады к испанцам несколько раз пытались прорваться их галеры с подкреплениями, но каждый раз они разворачивались, завидев крупные силы Флота Леванта. Каждый день в течение полутора месяцев с методичной пунктуальностью подопечные де Сурди посылали ядро за ядром внутрь крепости. Испанцы под началом Мигеля Переса несли большие потери – из гарнизона в 2000 солдат ко времени капитуляции осталось только 86 человек. 12 мая испанцы выкинули белый флаг. Гарнизону Сент-Маргарит было разрешено вернуться на родину, но флаги

и оружие они должны были оставить в фортах.

Далее последовала очередь гарнизона Сент-Оноре. На предложение сдаться гордый командир испанцев Хуан де Тамайо ответил презрительным отказом. Восемь французских полков с рассветом пошли на штурм. 14 мая были захвачены башни Сент-Пьер, Сент-Мишель, Сент-Панкрас, Сент-Совер и Сент-Циприн ла Тренте. 15 мая Тамайо согласился на капитуляцию. Французы взяли богатые трофеи – 70 пушек, 8 бомбард, 8 знамен, 680 пленных.

Испанцы были изгнаны с Леринских островов. По случаю победы был отслужен молебен, все захваченные в бою знамена были вывешены в соборе Парижской Богоматери, кардинал писал де Сурди: *«Господь благословил вас восстановить честь французской нации и смыл позор с армии короля и с Франции»*.

Испанцы пытались в отместку высадиться в Сан-Тропэ, но командующий маленькой французской эскадрой Мельчиор де Бюшаж (3 паташа и 2 бригантины) навязал бой на рейде порта 21 испанской галере. Совместным огнем с береговых батарей и с кораблей Бюшажа испанцы были отогнаны в море, причем 5 галер французы смогли взять на абордаж.

Молодой французский флот Средиземного моря доказал свою растущую силу.

Первые успехи

Французское правительство пристально следило за португальскими событиями (мы описывали их в главе о голландской Бразилии). Так, например, в письме от 20 ноября 1636 года доминиканец Каре, находящийся в Португалии, информирует кардинала Ришелье о том, что Португалия готова к восстанию против испанцев, но ожидает от Франции денежной и военной помощи. 12 мая 1638 года инструкции командующему флотом Леванта де Сурди содержали предписание оказать в случае необходимости помощь португальцам, однако указывалось, что десант может быть высажен только в том случае, если французы получат в залог один из португальских портов.

Сьеру Сен-Пе (французскому консулу в Лиссабоне) предписывалось послать в Лиссабон на каком-либо английском корабле доверенного человека по своему выбору. Этот человек должен был вступить в переговоры с неким капитаном Жоржи Азеведу и с португальским канцлером и получить у них ответ на вопрос, восстанут ли португальцы, если французский флот появится у Лиссабона, смогут ли они собственными силами овладеть прикрывающими столицу с моря фортами. В случае если бы посланному было сказано, что португальцы нуждаются в более активной военной помощи Франции, он мог пообещать высадку десанта в 12 тысяч пехотинцев и 500 кавалеристов; но тогда уже надлежало добиться согласия на предоставление этим войскам в качестве залога одного из португальских портов. Франция обещала выплачивать независимой Португалии ежегодную субсидию и признать ее королем того, кого изберут сами португальцы.

Естественно, что до Филиппа и Оливареса доходили эти слухи, что заставляло их уделять повышенное внимание Португалии и держать там большие морские и воинские контингенты.

Это обстоятельство в свою очередь ослабило испанское давление на Прованс, что позволило Флоту Леванта некоторое время пребывать в бездействии. Все это время Сурди и Витри составляли планы атаки испанских владений в Средиземном море: в качестве целей значились и Специя, и Ницца, и даже Неаполь с Генуей, однако прожекты так и остались прожектами.

Сухопутные военные действия на границе Франции и Испании не

отличались активностью. Пиренейские горы мешали развернуть там крупные силы, а выходы из горных перевалов сторожили крепости. Первый удар нанесли испанцы в начале войны (1635), захватив Сокоа (*Socoa*) и Сен-Жан-де-Люз (*Saint-Jean-de-Luz*), города у атлантического побережья на французской стороне Пиренеев. Французам под командованием герцога Ла Валетта (сына губернатора Гиени д’Эпернона) удалось отбить их только в 1637 году.

В том же году испанцы предприняли еще одну попытку вторжения, но уже вдоль средиземноморского побережья. 12 000–14 000 пехотинцев и 1200 кавалеристов под командованием Сербеллони перешли границу и 29 августа осадили небольшой городок Лекат (*Leucate*), который защищал гарнизон из 200 человек под командованием сьера де Барри. Французы мужественно защищались, несмотря на неравенство сил, а губернатор Лангедока, Шарль де Шомберг, герцог д’Аллюин, деятельно готовился выступить против испанцев. Он обратился к Ришелье с просьбой обеспечить ему поддержку с моря. На военном совете в Тулоне было решено послать в подчинение Шомбергу галеры дю Понт де Корлэ, однако генерал галер сказал, что места там изобилуют мелями, поэтому действия наших кораблей в этом регионе опасны. Все же Сурди настоял на том, что помощь французской армии должна быть доставлена, сообща выбрали для выгрузки подкреплений залив Эгд, в 30 милях к северу от Леката. В начале осени Шомбергу доставили 3 полка, и 28 сентября 1637 года французская армия, состоявшая из 10 000 пехоты и 900 кавалеристов, атаковала осадные линии испанцев и нанесла им полное поражение. Шомберг (произведенный за этот подвиг в маршалы) не смог развить успех, потому что большую часть его армии составляло ополчение, и после того как ополченцы разошлись по домам, под его командованием осталось только 3500 солдат.

В 1638 французы запланировали ответный удар на атлантическом участке границы с Испанией. Ни д'Эпернон, ни Шомберг (губернаторы Гиени и Лангедока) не были довольны тем, что верховное командование Ришелье поручил принцу Конде. Но, исключая короля, только принц крови мог добиться подчинения и согласованных действий этих генералов. Было решено, что первой целью наступления станет крепость Фуэнтерраби, лежащая сразу за границей со стороны Гиени. Флот должен был поддерживать наступление армии. Падение Фуэнтерраби позволяло впоследствии овладеть Сан-Себастьяном, Бильбоа или Ларедо и утвердить французское военное присутствие в Кастилии. Но споры между различными генералами начались сразу же с началом боевых действий, в конце концов сфокусировавшись на распре между Ла Валетом и Сурди,

командовавшим флотом. Конде не хватало ни дипломатических способностей, ни личного авторитета, чтобы прекратить эти ссоры.

Ришелье настаивал, чтобы большая часть средиземноморской эскадры перешла в Ла-Рошель, где, соединившись с голландцами, могла бы действовать против испанцев в Бискайском заливе. 29 июля 1638 года основная часть Флота Леванта (34 корабля) отплыла к острову Рэ, где выгрузила 2000 солдат и соединилась с французскими и голландскими силами.

Теперь отряд насчитывал в общей сложности 58 судов (в том числе 41 галеон) и состоял из следующих сил:

– 38 французских кораблей под командованием вице-адмирала Лонэ-Розили, а именно флагман эскадры «Коронн» (72 орудия, 2000 тонн), «Навир-де-Труа» (300 тонн, командор дес Гут, 26 орудий); «Рейн» (46 пушек, 600 тонн, капитан Данерак) и однотипные с ним «Виерж», «Кардиналь», «Триомф», «Виктуар», «Труа-Руа», «Фортюн», «Юроп»; 400-тонные 32-пушечные «Тритон» и «Фалькон»; 500-тонные 36-пушечные «Син», «Кок», «Ликорн», «Корель», «Кок»; «Эмерлион» (300 тонн), «Сен-Шарль» (400 тонн), «Дофин» (400 тонн), «Перль» (300 тонн) и подобные ему «Реномме» [60], «Интендан», «Сен-Жан» и «Магдален»; галеоны «Даниэль» и «Конфлан» под командованием соответственно Абрахама Дюкена и шевалье де Сеннана; 200-тонные флейты «Тюрк» [61], «Сен-Франсуа», «Маргарит», «Эрмин», «Нептюн», «Эспиранс», «Пети-Сен-Жан»; кроме того – гаврский фрегат «Тюрк» (100 тонн, 12 орудий) и подобные ему «Руаяль» и «Кардиналь», а также 1 малый 50-тонный корабль.

– 3 голландских фрегата: 400-тонный «Лайон» и 300-тонные «Нассау» и «Ликорн».

– 8 брандеров: «Сен-Луи д’Олонэ», «Солейл», «Амитье де Гамбург», «Ур», «Шассер», «Фортюн», «Сен-Себастьян» и «Сен-Клод д’Онфлер».

– шесть реквизированных флейтов с 1500 солдат и госпитальное судно;

– 100-тонный приватир из Бреста и 60-тонный флибот.

Общее руководство эскадрой осуществлял новый архиепископ Бордо Казенак де Монтиньи.

Задачей этой армаде было поставлено совершение диверсии около испанского Сан-Себастьяна, где только что с большими потерями была отбита французская армия. Кардинал Ришелье и принц Анри де Бурбон, потерпев неудачу на суше, рассчитывали взять город с моря. 11 августа

флот снялся с якоря и отплыл к Сан-Себастьяну. 17-го числа Монтиньи заметил 12 галеонов [62], спешащих к гавани города. Отрядом иберийцев командовал дон Лопес (во всех исторических книгах упоминается именно это имя, хотя в испанском отчете об этом бое приводится имя Лопе де Осес), *«маэстро дель кампо»*(квартирмейстер или, применительно к морю, – портовый капитан, начальник порта) Бискайской эскадры. В состав отряда Лопеса входили 24–32-пушечные галеоны водоизмещением 500–700 тонн со следующими названиями: «Нуэстра сеньора де Ковадонга» (флагман), «Нуэстра сеньора де Фреснедо», «Сантьяго», «Сан-Хуан», «Сан-Аугустин», «Сан-Антонио», «Нуэстра сеньора де Энсиа», зафрахтованный норвежский галеон «Леон де Норвега», «Кармен», «Санта-Тереза», «Нептуно» и «Виситасьон». Испанцы, завидев французов, сразу же зашли на рейд Гатари (Гаэтара).

Монтиньи созвал военный совет, было принято решение атаковать испанцев, однако из-за противного ветра французы несколько дней не могли подойти к бухте, где укрылся противник. Рейд Гатари находится на полуострове, недалеко от города Сан-Себастьян, и имеет полукруглую форму. Сама гавань отделена от моря песчаными мелями, которые французские корабли не могли преодолеть из-за их большой осадки. Дело в том, что после захода испанцев на рейд ветер изменился на северный, начал выгонять воду из бухты и песчаные бары оголились, поэтому даже самым мелкосидящим судам Монтиньи не удавалось прорваться к испанцам. Французы были принуждены крейсировать поблизости, в то время как испанцы постоянно дразнили и задирали своих противников улюлюканьем, свистом и холостыми выстрелами. В ночь на 22 августа ветер изменился на южный, поднялась крупная зыбь и у французов появился шанс прорваться в бухту. «Юроп», на который пересел Монтиньи, «Син», «Ликорн», «Кок», «Виерж» и «Фортюн» смогли с приливом ворваться в Гатари, и каждый из них нашел себе противника. За галеонами в гавань вошли 5 брандеров, которые атаковали оставшиеся испанские корабли. Вскоре прилив достиг своей крайней точки, и на подмогу своим товарищам подошли «Ур», «Фортюн», «Сен-Луи», «Даниэль» и «Конфлан». В 13.00 «Юроп», сблизившись с головным испанцем, дал залп, на который нестройно ответили корабли дона Лопеса и береговые батареи. Французы и испанцы сошлись в отчаянной артиллерийской схватке. Брандеры, пользуясь дымом от десятков пудов сгоревшего пороха, сумели сцепиться с тремя кораблями («Сан-Аугустин», «Сан-Хуан» и «Сан-Антонио») противника и поджечь их. Взметнувшиеся к небу языки пламени ознаменовали конец организованного испанского сопротивления. Через час пылало уже

5 испанских галеонов. Южный ветер нес всю гарь и дым на берег, и это полностью ослепило форты, береговые батареи палили просто наугад. Вскоре на горящих испанских кораблях произошли взрывы крюйт-камер, которые разбросали горящие обломки погибших судов по гавани и подожгли еще 5 испанских кораблей.

Флагман Лопеса, 32-пушечный «Нуэстра сеньора де Ковадонга», находясь у холма на северо-востоке бухты, энергично отстреливался от наседавшего на него «Виерж» мессира дю Мэ. Вскоре на помощь последнему пришел «Амитье де Гамбург», который начал расстрел испанца с носа; Дюкен на «Даниэле» вел огонь по корме. Команда испанского галеона удачным выстрелом смогла перебить руль на корабле Дюкена, «Даниэль» вывалился с позиции и зарифил паруса. Боясь, что Лопес может уйти, командир «Амитье де Гамбург» барон Ардан приказал спустить на воду капитанскую шлюпку, набить ее просмоленной парусиной и несколькими бочонками пороха и пустить на испанца. Лопес, стоявший на якоре, не успел обрубить канаты, и галеон вскоре заполыхал от носа до кормы.

К вечеру все было кончено – испанская эскадра была уничтожена. Согласно французскому историку Ла Ронсьеру, потери испанцев составили 5000 человек, потери французов – 40 человек; испанские источники утверждают, что потеряли 11 галеонов и 3000 человек (еще один галеон выбросился на мель), а французы – 300 матросов. По поводу французских данных возникают определенные сомнения, так как простой арифметический подсчет дает результат, что на каждом испанском галеоне было по 420 человек команды, что можно признать ненаучной фантастикой. Тем не менее победа Монтиньи не оспаривается никем.

Ришелье, узнав о победе в бухте Гатари, писал Монтиньи: *«Я не могу описать вам всей радости, охватившей меня от этого известия. Победа ваша – результат вашей природной добродетели, ваших трудов и вашей веры. Я надеюсь, что этот успех станет первым в череде новых побед над неприятелем на суше и на море, и я умоляю вас приложить к такому развитию событий все силы»*.

Высадившиеся войска сделали попытку штурма Сан-Себастьяна, однако были отбиты. Эскадра обогнула Пиренейский полуостров и взяла курс на Тулон.

Несмотря на ссоры между генералами и медлительность, с которой Конде вел операции, французы 3 июля отрезали мыс, на котором располагалась Фуэнтарраби, изолировав ее от коммуникаций с сушей. После начала морской блокады мнение, что осада закончится успешно,

стало всеобщим. В конце августа Ришелье преподносил падение Фуэнтарраби как ключ к полной победе над Габсбургами. Он известил Конде, что маршал Шомберг имеет приказ навербовать 4000 рекрутов в Лангедоке для подкрепления его армии. 1 сентября была пробита брешь в стене, и Ришелье был уверен, что падение крепости не за горами. Но еще до того как подкрепления смогли подойти, французы были разбиты испанской армией, посланной на помощь Фуэнтерраби. Угроза со стороны 7–8 тысяч испанских войск, которые прибыли на помощь крепости, недооценивалась всеми французскими командирами, ответственными за эту осаду, начиная от самого Ришелье до нижестоящих офицеров. 7 сентября испанцы произвели атаку против главных сил французов под командованием самого Конде. Французы, несмотря на присутствие элитных полков, поддались панике и бежали, хотя атака велась сравнительно малыми силами и проводилась беспорядочно. Частью проблемы, на которую Сурди указывал 23 августа в письме своему брату, было то, что французские осадные линии, и внешние и внутренние, были не достроены и не могли служить полноценной опорой для войск. Сурди, выдвиженец Ришелье и Конде, его аристократический союзник, сумели избежать ответственности за разгром. Ответственность была возложена на Ла Валетта, который, предупрежденный своим братом кардиналом (близким другом Ришелье), бежал в Англию. Так, несмотря на крупную морскую победу, наступление французов закончилось полной неудачей.

Тем временем в Средиземном море галерному флоту также удалось достичь первой значимой победы над испанцами.

1 сентября 1638 года около острова Санта-Барбара (недалеко от Генуи) 15 галер Флота Леванта под командованием Корлэ были атакованы 9 испанскими и 6 сардинскими галерами под командованием дона Родриго Гутиерреса де Веласко и дона Хуана де Орельяно. Испанские галеры везли 3000 солдат, что несомненно снижало их боевую ценность при сближении, однако давало большой выигрыш при абордаже. Не было никакой мудреной тактики или сложных построений – каждая из галер избрала себе противника и устремилась на абордаж. В результате боя испанцы смогли захватить 3 французские галеры («Вальбель», «Маршаль», «Сервэн»), а французы в свою очередь взяли 6 галер противника («Капитана де Сицилиа», «Патрона де Сицилиа», «Бассана», «Сан-Франсиско», «Санта-Мария», «Патрона Реала де Эспанья»), причем одна из них – флагманская галера испанцев; 800 идальго попали в плен, погиб сам Родриго де Веласко. Испанцы со своими призами отошли к Генуе, французы остались крейсировать у побережья Италии.

Так как сражений с испанским флотом пока не предвиделось, Сурди отослал большую часть своих сил к Алжиру – выкупить пленных христиан у алжирского бея и заключить договор о дружбе. Из-за осенних штормов эскадру разметало в разные стороны, до Алжира добрались только два корабля – «Интендан» и «Эсперанс», но эта попытка договориться оказалась бесплодной, бей даже не согласился на переговоры, поэтому корабли вернулись в Тулон.

В феврале Сурди получил приказ отослать часть кораблей в Ла-Рошель, однако подготовка к плаванию заняла очень большое время – лишь 12 мая 1639 года около острова Рэ появились 18 галеонов, 5 флейтов и 2 брандера Флота Леванта.

Составы галерных эскадр в бое у Генуи

Французы

Наименование	Примечания
Générale	
Montréale	
Baillebaude	
Rieshlieu	
Patronne	
Vincheguerre	
Réale	
Cardinale	
Aiguebonne	
Esguilly	
Valbelle	Захвачена
Êpernonne	
Séguirane	
Maréchale	Захвачена
Servienne	Захвачена

Испанцы

Наименование	Примечания
Santa Anna	
Santa Fernanda	
Cauva	
Santa Francisca	Захвачена
Henriquez	
Bassana	Захвачена
Capitane de Sicile	Захвачена
Patronne de Sicile	Захвачена
Patronne d'Espagne	Захвачена
Santa Maria	Захвачена
Santa Clara	
San Antonio	
San Pedro	
Santa Catarina	
San Juan	

Сражение у Даунса

В начале 1639 года испанцы оказались лицом к лицу с очень серьезными проблемами. Во-первых, очень неспокойно было в Португалии; во-вторых, фламандская армия, сражавшаяся сразу на двух фронтах (на северо-востоке – против Голландии, на западе – против Франции), уже год не получала жалованья, что грозило солдатскими бунтами; В третьих – оккупация Лотарингии и Эльзаса французами [63], война с Францией и победы французского флота разорвали всякое сообщение с Фландрией, что привело к полной блокаде анклава.

С мая 1639 года правительство Филиппа IV начинает готовить к выходу Армаду, способную прорваться в Нижние Земли. Задача, поставленная этому соединению, – доставить деньги и новые воинские контингенты во Фландрию, а самой военной эскадре – прорваться в Дюнкерк и атаковать голландский флот.

Летом из Кадиса вышло 9 военных кораблей (3 галеона, 1 флейт, 2 нао, 1 паташ, 2 вооруженных транспорта) под командованием капитан-генерала Мартина-Ладрона де Гевары, которые пришли в Ла-Корунью, где уже стояла небольшая дозорная эскадра под командованием уже известного нам Лопеса (Лопе де Осеса, сумевшего спастись в бухте Гатари) в составе 2 галеонов, 4 нао и 2 вооруженных транспортов. Туда же в 27 июля прорвалась Фламандская эскадра (8 галеонов, 6 паташей, 5 флейтов) под командованием Мигеля де Орны (об этом испанском адмирале мы подробно говорили в первом эпизоде нашей книги). Чуть раньше в порт пришли Неаполитанская армада (1 галеон, 4 нао и 1 паташ) адмирала Эстебана де Олисте; неаполитанская эскадра Херонимо Масибриади (6 галеонов, 1 галеас, 1 паташ, адмирал Маттео де Улиджиани); Галисийская армада под командованием адмирала Франсиско Фейхо (5 вооруженных транспорта); из Сан-Хосе – отряд Франсиско Санчеса Гваделупе (6 нао, 1 галеон, 3 вооруженных транспорта). Теперь объединенные силы испанцев насчитывали 23 галеона (из них два – 1200-тонных), 14 нао, 9 паташей, 6 флейтов, 1 галеаса и 12 вооруженных транспортов – всего 65 кораблей. Однако – как видно из списка – боевая ценность данной Армады не была большой: сборище разнотипных кораблей плюс 12 транспортов, нанятых у англичан, под завязку забитых шестью тысячами солдат, которые должны были усилить фламандскую

армию (по 330–350 солдат на каждом корабле [64]).

Еще в августе 1639 года Флот Океана (73 корабля) под общим командованием де Сурди, переведенным с Леванта, пытался перехватить часть испанской эскадры Окендо, которая готовилась выйти из Сан-Себастьяна в Ла-Корунью, однако испанцы сумели вырваться и уйти без боя. Де Сурди отписал Ришелье о неудаче и предложил на выбор атаку морскими силами какую-нибудь из бискайских крепостей – Фуэнтерраби, залив Гатари, Сантандер или Ла-Корунью. В ответном письме кардинал отмечал, что атаковать залив Гатари – слишком мелко, Сантандер, удаленный от границы – опасно, армия принца Конде стоит перед Руссильоном, а этот город находится рядом с Фуэнтерраби, поэтому Конде и сам сможет взять эту небольшую крепость. Оставалась Ла-Корунья, в которой собирался довольно большой испанский флот из 77 кораблей. Дюкен предлагал атаковать бухту в ночное время с помощью брандеров, однако Сурди ограничился лишь дальней блокадой. Французский флот смог перехватить два испанских галеона, идущих в Ла-Корунью, но этим дело и ограничилось.

В конце августа Флот Океана ушел в Нант, но тут прошли слухи о выходе эскадры Окендо из Ла-Коруньи по направлению в Ла-Манш. Из-за противного ветра Сурди не смог выйти на перехват испанцев. Ришелье такой поворот событий очень рассердил: дело выглядело так, как будто французы специально выпустили испанцев без боя. Кардинал срочно послал меморандум Вильгельму Оранскому с объяснением случившегося, сделал де Сурди выговор и приказал всемерно содействовать голландцам в Канале.

Окендо же вышел в море 27 августа, в начале сентября удачно миновал остров Ре, а вечером 25-го числа был обнаружен голландской эскадрой (13 кораблей) Маартена Хасперзоона Тромпа в Ла-Манше. Тромп еще 10 сентября смог перехватить 3 отбившихся от испанцев транспорта с 1070 солдатами, и поэтому был извещен о задаче Окендо прорваться к Дюнкерку. В ночь с 25-го на 26-е голландцы попытались атаковать испанцев, но были отбиты превосходящими силами противника. 57-пушечный флагман голландцев «Амелия» сражался с флагманом испанцев – 66-пушечным «Сантьяго». Корабль Тромпа (имевший на нижней палубе четыре бронзовых 36-фунтовых орудия, одиннадцать 24-фунтовых пушек и девять 18-фунтовок, а на среднем деке – три 18-фунтовых и двадцать одно 12-фунтовое орудие) был гораздо сильнее большого неповоротливого 1200-тонного «Нуэстра сеньора де ла Консепсьон и Сантьяго», несмотря на большее количество пушек

последнего (66 орудий). Дело в том, что в штате испанского корабля помимо 216 моряков, 200 мушкетеров и 98 артиллеристов было 360 солдат (подкрепление во Фландрию), тогда как на флагмане Тромпа команда была штатной и состояла из 180 моряков и 60 артиллеристов. Проще говоря – корабль Окендо был ужасно перегружен людьми, поэтому в случае артиллерийской дуэли мог надеяться только на свои крепкие борта и возможный абордаж, что было слишком сомнительно с учетом того, что «Амелия» был 1000-тонным кораблем с тремя ярусами парусов и стакселями, это позволяло голландцу совершать маневры гораздо быстрее, а также ходить круто к ветру. Естественно, что капитан-генерал, не надеясь на свой точный огонь, повел корабль прямо на флагман Тромпа, однако тот, маневрируя, осыпал испанский галеон ядрами. В результате ночного боя на «Нуэстра сеньора да ла Консепсьон и Сантьяго» погибло 43 и было ранено 67 человек, на «Амелии» жертв не было.

Вечером 26 сентября к эскадре Тромпа присоединился роттердамский адмирал Витте де Витт с 5 кораблями. 27 сентября перестрелки голландцев и испанцев продолжились. Тромп и де Витт благоразумно держались на расстоянии аркебузного выстрела и осыпали неприятельские корабли ядрами с безопасного расстояния, испанцы по мере сил отвечали пушечным огнем, но ни те ни другие особой точностью не отличались. В перестрелке погибли испанские адмиралы Гваделупе и Улахани.

На следующий день к голландцам присоединился Банкерт с 16 кораблями, перестрелка продлилась до ночи, Тромп построил свой флот линией фронта, Окендо шел по испанскому обычаю клином, что позволило нидерландцам провести сосредоточенную атаку против одного из флангов испанской эскадры и захватить 16-пушечный паташ противника. За все время боев голландцы потеряли 28-пушечный «Гроот Кристоффель», испанцы сдали отставший 28-пушечный «Сан-Херонимо» [65].

Поскольку у противников кончался порох, Окендо направился к английскому Даунсу, а Тромп – в Кале, где быстро загрузил припасы и вышел в море. Многие историки, в том числе и испанские, считают, что Окендо допустил ошибку, ему вместо Даунса надо было идти во Фландрию, Тромп, дескать, не мог этому помешать. Однако капитан-генерала так же можно понять – его флагман за 5 дней сражений выдержал попадания 1200 ядер, был ужасно изрешечен и сильно тек. Так или иначе, Окендо вошел на рейд Даунса, где в этот момент стояла эскадра английского вице-адмирала Джона Пеннингтона [66]. Испанцы вошли без салюта, чем вызвали большой скандал. Пеннингтон пригрозил, что атакует испанцев,

если они согласно обычаю не окажут честь флагу Англии. Окендо уступил, и английский вице-адмирал разрешил иберийской эскадре встать во внутренней гавани Даунса.

Сразу же были посланы гонцы к испанскому послу в Лондоне и к кардинал-инфанту Фердинанду во Фландрию. Окендо понимал, что фламандская армия сильно нуждается в деньгах, поэтому, пользуясь дождями и туманом, капитан-генерал отослал 9 паташей и 4 флейта, загруженных золотом и подкреплениями (220 тысяч дукатов и 5500 солдат) в Дюнкерк. Этому немало помогли 56 фламандских рыболовных судов, пришедших в Даунс. Тромп, крейсировавший около побережья Кента, смог перехватить 9 испанских транспортов, но все они оказались груженными рыбой, корабли с серебром спокойно дошли до Дюнкерка.

Половина дела была выполнена – Окендо смог доставить золото и солдат во Фландрию, что позволило кардинал-инфанту стабилизировать фронт после поражения от голландцев при Калло и расплатиться с терциями. С прорывом же основной части флота в Дюнкерк дело было плохо – галеоны очень пострадали в бою 25–28 сентября, имелись проблемы с порохом и провизией. С уходом 13 испанских транспортов и 12 английских судов, освобожденных от услуг после остановки в Даунсе, эскадра Окендо насчитывала 51 корабль, из которых 43 были военными.

Тромп, усилившийся к октябрю, постоянно крейсировал у Даунса. Голландия стянула все возможные военные корабли к побережью Кента, но нарушать нейтралитет Англии не решалась. Тромп направил Окендо хамское письмо, спрашивая, как долго он будет ждать сражения, и интересовался: может ли голландский адмирал чем-нибудь помочь испанцам, чтобы те быстрее вышли на бой?

Окендо спокойно отвечал, что имеет сильную нужду в боеприпасах, на нескольких кораблях требуется заменить мачты. Во многих научно-популярных книгах раз за разом повторяется байка о том, как Тромп поставлял испанцам боеприпасы и ремкомплекты для кораблей, чтобы те быстрее вышли в бой. На самом деле, конечно же, ничего подобного не было. Первый груз с порохом прибыл к испанцам только через месяц – 30 октября. Доставка же мачт задерживалась. Голландцы сочли за лучшее атаковать испанцев, наплевав на английский суверенитет, поскольку, отремонтировавшись, Окендо вполне мог прорваться в Дюнкерк. Количество кораблей разного рода (включая брандеры) у Тромпа достигло 107 единиц, сомнений в успехе не возникало. Опасаясь вступления в сражение англичан на стороне испанцев, голландский адмирал посла де Витта с 5 кораблями следить за отрядом Пеннингтона. 7 кораблей

Корнелиса Йола перекрыли северный выход с рейда, 8 кораблей командора Яна Хендриксона де Нийза блокировали южный выход. В ночь с 31 октября на 1 ноября Тромп занял позицию по центру бухты и спустил пять брандеров на стоявших испанцев, однако впередсмотрящие идальго заметили брандеры и дали команду рубить канаты. Пользуясь дымом от горящих брандеров, 21 испанский корабль смог покинуть бухту и выйти на внешний рейд, где испанцы столкнулись с Тромпом. Голландцы спустили 3 брандера на флагман Окендо «Нуэстра сеньора да ла Консепсьон и Сантьяго», но корабль смог увернуться от них, однако один из брандеров сцепился с однотипным 1200-тонным галеоном «Санта-Тереза» дона Лопеса (того самого, воевавшего с французами в бухте Гатари). Корабль пылающим факелом вышел в Ла-Манш и исчез в дымке. Больше никто о нем ничего не слышал.

20 испанским кораблям противостояли 83 корабля и 11 брандеров Тромпа. Испанцы, собравшись у флагмана, под огнем противника выстроились клином и пошли на врага – сумели собраться вместе галеон Окендо, адмиральский корабль из эскадры Херонимо Масибриади «Сан-Херонимо», а также 7 кораблей из Фламандской армады – «Лос-Анджелес», «Сантьяго», «Эль Дельфин Дорадо», «Сан-Антонио», «Сан-Аугустин», «Санто-Томас» и пинас «Сан-Августин». Им удалось пробиться и уйти к Дюнкерку.

9 испанских кораблей (галисийский «Сантьяго», «Сан-Эстебан», «Сан-Хосе», «Эль Гранд Алехандро», «Эль Пингу», «Орфео», «Сан-Хуан Батиста», «Сан-Карлос») были либо потоплены, либо захвачены голландцами. Большая часть испанских судов выбросилось на берег в бухте Даунса или было перехвачено блокирующими эскадрами.

Несколько кораблей прорвались из Даунса и пытались избежать испанского плена – так, к примеру, «Санто-Кристо де Бургос» успешно ушел от голландцев, но потерпел крушение около мыса Барфлер, «Санта-Тереза» был захвачен французским приватиром около Кале, «Санта-Анджес» вырвался, но у Уэссана 24-го числа перехвачен голландцами.

Всего у Даунса погибло или было захвачено 43 испанских корабля (33 военных и 10 фламандских торговых, находившихся на рейде Даунса), потери испанцев в людях были гораздо болезненнее – 6000 моряков. Уйти смогли 18 испанских судов [67]. По испанским данным, голландцы потеряли 10 брандеров и 1000 человек, голландцы признают потерю лишь 1 брандера и 100 человек, однако в свете последних исследований данные голландцев можно считать не соответствующими действительности.

Окендо, прибыв в Дюнкерк, сказал: *«Мне больше ничего не остается, как умереть. Все, что мне удалось спасти – это мой корабль и наше знамя»*.

Благодаря победе голландцев у Даунса снабжение армии кардинал-инфанта Фердинанда во Фландрии было прервано.

Флот Леванта: 1639–1640 годы

Как мы уже упоминали выше, в конце 1638 года Сурди был переведен на Флот Океана, Флот Леванта возглавил граф д’Аркур, дю Понт Корлэ был отстранен от командования галерами, его заменил сын маршала Франции Урбана де Малэ-Брезе молодой маркиз Жан-Арман де Малэ-Брезе.

В июле 1639 года французы начали боевые действия. Аркур вышел из Тулона, соединился с галерами Брезе и проследовал к Виллафранка, чтобы перехватить возможный выход испанских галер к портам Савойи. В начале августа 5 французских кораблей и 2 брандера были посланы к Ментону с той же целью.

Но, как оказалось, испанцев гораздо более заботила не смута в Савойе, а восстание в Каталонии. 22 июля 1639 года испанские галеры вышли из Генуи по направлению к Барселоне. Аркур, узнав об этом, двинулся к Сан-Ремо, надеясь перехватить противника, и через 3 дня заметил испанцев. Однако, когда 14 галер Брезе приготовились к сражению, испанцы повернули к берегу и смогли избежать боя, кроме двух галер, которые сели на мель рядом с Сан-Ремо. Одну из них захватили, а другой удалось сняться с мели и она выбросилась на берег.

В середине августа Аркур выслал 4 корабля в крейсерство к побережью Северной Италии. Было взято несколько призов, но на этом все и закончилось – испанские галеры, гораздо более многочисленные, не предприняли никаких попыток к сражению.

В новом 1640 году в командовании флота Франции произошли перестановки. Де Сурди опять принял под командование Флот Леванта, граф д’Аркур, замещавший архиепископа весь 1639 год, теперь получил под командование войска в Северной Италии, а молодой де Брезе (генерал галер Флота Леванта, сменивший дю Понт Корлэ на этом посту) теперь взял под свою руку Флот Океана. Генералом галер стал граф Поль-Альбер де Форбэн.

Из четырех командующих только д’Аркур добился больших успехов – в конце апреля 1640 года он занял крепость Казале, а в сентябре захватил Турин. Брезе в июле пытался перехватить «Серебряный флот» испанцев, идущий из Вест-Индии, но смог взять только один галеон и один пинас.

Сурди курсировал между Провансом и Италией, иногда вместе с галерами Форбэна, но чаще всего без, так как новый генерал галер вообще

не любил морскую службу. Хотя испанский флот не мог выделить для Средиземноморья большой флот (все силы испанцев были брошены на защиту атлантических конвоев и во Фландрию), Ришелье приказал де Брезе послать большие подкрепления Сурди. 26 апреля командующий Флота Леванта был проинформирован, что к нему вышли суда эскадр Нанта и Бордо, в том же письме кардинал приказывал дождаться подкреплений, и только потом принимать какие-либо активные действия. Но Сурди нарушил приказ, считая, что это пополнение было просто излишним.

30 мая 1640 года эскадра из 17 кораблей, 5 брандеров и 18 галер прибыла на остров Сент-Маргарит на Леринах. 8 июля архиепископ разделил флот на две части – все парусные суда были отосланы к Корсике и Сардинии произвести диверсии на побережье. Сам же Сурди с галерами отбыл к Порто-Венере и Специи (Северная Италия). Вояж оказался коротким – на полпути Форбэн заволновался и потребовал пополнить запасы провизии, что было невозможно выполнить без захода во французские порты. 20 июля галерный флот вернулся к Сент-Маргарит. В этот же день в Тулон подошли подкрепления из Флота Океана, но время было потеряно.

В результате «водобоязни» Форбэна испанский герцог Фернандино смог выйти из Генуи и соединить свои 18 галер с 22 неаполитанскими галерами, что позволило испанцам создать мощный кулак из 40 гребных судов в Северной Италии.

29 июля галеры Форбэна снова вышли в море – теперь уже к мысу Корсо на северном побережье Корсики. Туда же подошли и силы Фернандино, однако французы не приняли боя и вернулись на рейд Канн.

В середине августа Сурди вышел из Сент-Маргарит с 19 кораблями и 10 брандерами по направлению к Неаполю. С ним было 8 галер Форбэна. 30 августа отряд был в Порто-Веккио – городе, расположенном на восточной части Корсики на широте Рима, однако генерал галер опять поднял бунт. Он отказывался идти дальше, так как, по его мнению, *«эта местность не располагает к мореплаванию»*.Тот факт, что испанские галеры здесь плавают уже около века и никакая местность им не мешает, Форбэн благоразумно опустил. Сурди, обескураженный подобными претензиями, предложил тогда идти к Ливорно, чтобы дать бой генуэзскому отряду Фернандино, но Форбэн хотел идти домой.

Так как Сурди (генерал-лейтенант Флота Леванта) командовал только парусными судами и не был непосредственным начальником Форбэна (генерала галер, командовавшего всеми гребными судами Леванта), пришлось отпустить его домой. Сурди поставил только одно условие –

чтобы, пополнив запасы в Сан-Тропэ, генерал галер шел к Неаполю. Но Форбэн, наплевав на все просьбы архиепископа, пошел в Марсель 8 сентября и остался там до конца года.

Оставшаяся эскадра Сурди крейсировала около Неаполя в течение 10 дней, после чего ушла в Порто-Веккио, где ждала галеры до 13 октября.

В октябре восстала Каталония. Сурди срочно отплыл к Тулону, намереваясь собрать свои силы в кулак и атаковать испанскую крепость Росас недалеко от Барселоны, однако в конце сентября 11 кораблей и 6 брандеров отплыли в Алжир для выкупа невольников и не могли быстро вернуться, галеры стояли в Марселе (Форбэн не собирался никуда выходить), а еще часть кораблей Флота Леванта из-за противного ветра не могла подойти вовремя к Тулону из Сардинии.

В результате операция у Росаса была отложена на следующий год. 26 октября Сурди возвратился в Тулон и разоружил корабли на зимовку. Компания 1640 года окончилась для французов безрезультатно.

Осада Таррагоны

Восстание в Каталонии и отделение Португалии (вместе с колониями) стало сильным ударом по Испании. Теперь чаша весов окончательно склонилась в пользу Франции и ее союзников. Ришелье призывал Сурди использовать удобный момент. Испанцы просто разрывались между пятью фронтами и охраной «Серебряных флотов». В этот момент французская армия под командованием Филиппа де ла Мота-Уданкура осаждала крепость Таррагону в Каталонии и Ришелье поставил задачу Флоту Леванта не дать возможности противнику подвозить туда подкрепления. 4 мая 1641 года флот де Сурди в составе 32 кораблей и 14 галер обложил крепость с моря. Архиепископ выстроил линию, полностью перекрывавшую вход в бухту, сделав подобие подвижного бона из кораблей. К этому времени Таррагона терпела большую нужду в провианте, гарнизон в 3000 человек был на грани голода. Поскольку войск для деблокады крепости с суши не было, Филипп IV решил возложить задачу спасения Таррагоны на флот.

Дон Гарсия Альварес де Толедо и Мендоса, маркиз Виллафранка спешно собирал галеры у Пеньисколы (на полпути между Валенсией и Барселоной): к середине июня его силы составляли 14 кастильских галер (флаг самого Толедо), 7 генуэзских (под командованием Джанетино Дориа), 14 неаполитанских (флаг Мельчора ди Борджиа) и 6 сицилийских (командир – Франсиско Меджиа) – всего 41 галера. Надо отметить, что эта эскадра была гораздо слабее отряда Сурди, включавшего в себя 500–700-тонные галеоны.

4 июля 1641 года Толедо подошел к Таррагоне, блокированной французским флотом, и произвел атаку. Он построил свои галеры тремя колоннами (13, 15 и 13 штук соответственно), две из которых завязали перестрелку с кораблями Сурди. Французы в разгаре боя начали выходить из линии и пытаться догнать испанские корабли, однако из-за маловетрия галеры имели преимущество в скорости и маневренности. Вследствие самовольных действий экипажей французских кораблей в блокирующей линии появились разрывы, что и решил использовать Толедо. 15 галер центра (из которых 8 – загруженные провиантом для осажденных) рванули в один из разрывов во французской линии и смогли прорваться в гавань. Французы, пытаясь противодействовать, буксировали свои галеоны

галерами, и даже смогли захватить три отставшие корабля дона Гарсии (среди них – большую галеру «Сан-Фелипе»), однако галеры с провиантом уже выгружались у причальной стенки.

Эскорт, сопровождавший транспортные галеры, развернулся и пошел на прорыв к своим. В это время оставшиеся 13 галер правой колонны вели тяжелый бой с французами. Сурди приказал своим гребным судам взять на буксир галеоны и сблизиться с испанцами. Задачей испанцев же было не попасть под бортовой залп с галеонов, против которого галеры не имели шансов. Своими действиями отряд сковал 12 галеонов и 8 галер противника, однако в результате боя потерял 5 галер («Дюкесса де Геноа» и «Патрона де Сицилия» все же попали под продольный огонь, а «Санта-Барбардье Эспанья», «Патрона де Геноа» и «Кватрабалла де Сицилиа» слишком сблизились с противником, были захвачены и сожжены).

Тем временем возвращающийся Толедо вызывающе подрезал флагман Сурди и дал залп ему под нос, что во все времена значило: *«Стой!»*Французы не могли ничего сделать в ответ – отсутствие ветра сделало их большой парусный флот бесполезным. Оставшиеся галеры испанцев уходили в сторону Пеньисколы, Сурди их не преследовал. В бою Толедо потерял 13 галер («Санта Олаллиа» при отходе вылетела на мель и была сожжена экипажем), французы – одну галеру и 300 человек убитыми и ранеными, однако гарнизон Таррагоны получил необходимую провизию. Разъяренный Сурди организовал бомбардировку крепости, но это было малым утешением.

Меж тем испанцы стягивали к Пеньисколе все возможные корабли: из Кадиса пришло 30 галеонов (из которых 15 были зафрахтованными вооруженными купцами, взятыми до 1 сентября) и 4 паташа под командованием дона Хорхе Карденас, герцога Македа, что вместе с 28 оставшимися галерами у Толедо составило 62 корабля. К эскорту присоединились 65 транспортных галер и судов с припасами и подкреплениями. Эти силы под общим руководством капитан-генерала Валенсии Антонио де Ла Серда, герцога де Мединасели двинулись к Таррагоне, чтобы деблокировать ее.

На рассвете 20 августа 1641 года испанцы появились у стен осажденной крепости, которую с моря блокировала эскадра де Сурди в составе 26 галеонов, 6 паташей, 19 галер и 8 бригантин (всего 59 вымпелов). Французы, увидев столь значительное количество кораблей противника, сломали блокирующую линию и сосредоточились у восточного края бухты. Отряд де Ла Серды подошел к кораблям Сурди на

пушечный выстрел и затеял бой, тогда как транспорты без помех прошли в Таррагону. В 15.00 разгрузившиеся в порту галеры атаковали французов сзади, что заставило Сурди вывести эскадру в море. Перестрелка и попытки абордажей продолжались до ночи, от концентрированного огня испанцев некоторые французские корабли понесли довольно значительные потери в экипажах и получили повреждения, однако ни с той ни с другой стороны не было потоплено ни одного корабля. К утру 21-го числа противники поменялись местами – теперь испанцы перекрывали вход в гавань, а французы пытались прорваться внутрь бухты, чтобы атаковать разгружающиеся парусные корабли, однако все стычки были нерешительными и происходили на дальности пушечного выстрела. Если в случае с испанцами такая тактика была объяснима (мы помним, что довольно значительная часть их флота была просто вооруженными купцами), то нерешительность французов понять тяжело. Такая ситуация продлилась до полудня 25 августа, после чего Сурди бросил попытки пробиться к пирсу и повернул в Тулон.

Гарсии Толедо и де Ла Серде удалось спасти практически обреченный город. После ухода Флота Леванта Толедо отплыл к Росасу и Перпиньяну, где также снабдил гарнизоны всем необходимым; французская армия сняла осаду с Таррагоны и ушла к Барселоне.

Ришелье, узнав о поражении под Таррагоной, был разъярен. Он отправил Сурди в отставку, запретив ему занимать любые должности в государстве. Флотом Леванта назначили командовать уже знакомого нам Жана-Армана де Брезе. Однако это были детские шалости по сравнению с тем, как Оливарес и Филипп IV встретили триумфатора Таррагоны дона Гарсия де Толедо. Оливарес обвинил Толедо в том, что тот не уничтожил французский флот и без суда и следствия бросил его в тюрьму замка Вильявисьоса де Одеон. Лишь в 1643-м испанский король сменил гнев на милость и даровал дону Гарсии свободу (как раз в это время Оливарес потерял все остатки своего авторитета и был вынужден уйти в отставку), а также восстановил его в прежней должности, а также выдал 400 тысяч дукатов *«в качестве компенсации за заключение в тюрьму по надуманному обвинению»*.

Сражение у Барселоны

После возвращения французских кораблей в Тулон и смещения де Сурди Флот Леванта бездействовал несколько месяцев. К побережью Каталонии (Росас) высылались только галеры для его блокады под присмотром единственного парусного судна Дюкена – захваченного в 1639 году испанского галеона «Макуэда»; впрочем, большие силы были бы избыточны, поскольку после ареста Гарсии де Толедо испанские парусные суда частью ушли в Кадис, частью – в Ферроль. До назначения Брезе Флотом Леванта временно командовал второй флагман Сурди – мальтийский рыцарь Эркюль де Кониган, шевалье де Канже. Блокада Росаса продлилась до февраля 1642 года, но ничего не принесла. К Каталонии в конце 1641 года подошли испанские войска, и французам теперь приходилось воевать на два фронта. Идальго стремились деблокировать Перпиньян и Росас, тогда как французы стремились не допустить осады и захвата Барселоны.

В свою очередь испанцы в Кадисе готовились к перехвату части Флота Океана (19 кораблей), идущего в Тулон с новым командующим французской Средиземноморской эскадрой де Брезе, однако не успели снарядить свои корабли вовремя и Брезе без помех прошел через Гибралтарский пролив. 18 мая 1642 года французские корабли кинули якорь в Тулоне, однако не обнаружили там остальных судов Флота Леванта. Оказывается, Канже еще раньше вышел из базы и 16 мая соединился у Ивисы (Балеарские острова) с 7 галерами де Бома. От последнего Канже узнал, что тот имел бой с 6 дюнкеркскими мелкими судами Йосса Питерсена, переведенными из Фландрии ради атак на французскую левантскую торговлю, и загнал корсара в Дениа (порт между Аликанте и Валенсией).

29 мая Брезе соединился с Канже, и 9 июня они встали на рейде у Барселоны, туда же подошли и галеры Форбэна 21-го числа.

В этот же день испанский флот под командованием герцога Сьюдад-Реала (38 кораблей, 6 брандеров и 36 баркалон [68]), 12 июня прибывший к Вимаросу (недалеко от Валенсии) для пополнения припасов, а также соединения с галерами и дюнкеркскими корсарами (10 галер, 12 малых судов), вышел порта и направился к Таррагоне. 22 июня Сьюдад-Реал был уже в 50 милях от Таррагоны, но сильный

северо-восточный ветер отогнал его в море, к Майорке, однако этот же ветер помог Брезе добраться до Таррагоны. Испанцы отправили два приза, захваченных у голландцев, в Вимарос, однако те недалеко от Валенсии были атакованы 4 кораблями и 7 галерами французов и сожжены.

Только утром 31 июня противники встретились у Барселоны. Брезе пришел к столице Каталонии раньше противника, его силы насчитывали 44 корабля, 14 брандеров и 17 галер, тогда как эскадра Сьюдад-Реала насчитывала 36 кораблей, 6 брандеров, 10 галер, 12 малых судов и баркалоны. В целом французы выглядели сильнее, хотя испанцы имели преимущество в размерах своих судов: у Сьюдад-Реала присутствовали два 66-пушечных галеона *«с 35 медными пушками и чуть меньшим количеством чугунных»*, а остальные несли от 24 до 42 орудий. Самым сильным галеоном Флота Леванта был флагман Канже 52-пушечный «Галеон де Гиз» (построенный в Голландии), корабль Брезе был 44-пушечным.

Французские галеры кренговались у берега и не могли помочь флоту, тогда как 10 испанских галер участвовали в битве. Испанцы медленно спускались по ветру на зюйд-зюйд-вест, в то время как Брезе пытался выйти на наветренное положение, дабы использовать брандеры. Его собственная эскадра и арьергард Канже смогли сразу выйти мористее противника, а авангард Монтиньи (уже известного нам по бухте Гатари) вынужден был повернуть на другой галс, и в результате этого маневра оказался за кормой идальго.

Сражение началось во второй половине дня. Сьюдад-Реал в строе фронта прошел сквозь строй противника, обстреливая корабли французов и не пытаясь свалиться в абордаж. В результате слабой подготовки испанских матросов самый крупный корабль их эскадры, 66-пушечный «Сан-Томас де Аквино», сцепился со своим же брандером и, пытаясь от него избавиться, въехал в борт «Альмиранта» – корабля второго командующего Армадой Сачо де Урданивиа. Потеряв управление, вся эта троица медленно дрейфовала на французский строй, «Альмиранта» все же смог отцепиться, около самой французской линии идальго смогли также отцепить и брандер, однако «Сан-Томас де Аквино» был сильно поврежден и выкинул белый флаг.

Во время прохода сквозь строй зафрахтованный 800-тонный «Теста де Оро» потерял одну мачту и чуть не был захвачен (команда уже успела выкинуть белый флаг), но подошедший флагман Сьюдад-Реала не позволил французам приблизиться к приватиру и судно сумели отбуксировать к своим. В сражении сгорели еще два испанских и один французский

брандер, правда, без всякой пользы, так и не сумев достигнуть своих жертв.

На следующее утро испанцы были на ветре, но отряд их был разбросан по заливу. Сьюдад-Реал повернул на 2 румба, чтобы дать возможность подойти отставшим, и пошел в атаку, как только смог восстановить какой-то порядок. Брезе вновь пытался выйти на ветер, однако не смог это сделать даже с помощью галер, поэтому был вынужден принять бой под ветром. Основной бой развернулся в авангарде французского строя, где Канже на «Галеон де Гиз» был атакован кораблем Сьюдад-Реала «Конкордиа» (зафрахтованный 30-пушечный транспорт) и его мателотом «Сан-Фернандо» (такой же 30-пушечный купец). Через два часа 60-пушечный галеон «Магдалена» под командованием ирландца графа Тирконнела, взятого на испанскую службу, подошел на помощь к «Конкордии» и вступил в ближний бой с французским флагманом, в то время как Сьюдад-Реал и Урданивиа не подпускали другие французские суда подойти на помощь Канже. С других французских кораблей пустили брандер, пытаясь атаковать корабль Урданивиа, однако он промахнулся и был отнесен на «Галеон де Гиз», который сразу же загорелся. Вскоре пламя перекинулось и на испанскую «Магдалену», два корабля сдрейфовали к берегу и сгорели. Из французского экипажа в 540 человек спаслось всего 40 матросов, сам Канже погиб, с Магдалены смогли спастись 120 человек (из 520), Тирконнел утонул.

С наступлением темноты флоты разошлись. Потери противников были следующими: французы – 1 корабль («Галеон де Гиз») и около 1000 человек убитыми и ранеными; испанцы – 2 корабля («Магдалена» и «Санто-Томас»), 205 человек убитыми, 417 – раненными.

Странной особенностью описания второго дня сражения является отсутствие упоминания о двух других французских отрядах – Монтиньи и де Брезе. Историк Фурнье сообщает о бое между французскими галерами и несколькими отставшими испанскими судами, вероятно – «Теста де Оро» и его защитниками, но что касается двух других эскадр, он также хранит молчание. Это заставляет предположить, что ни Монтиньи, ни Брезе не участвовали в сражении по какой-то причине, возможно, из-за противного ветра.

Утром 2 июля французы были на ветре. Брезе теперь мог использовать свои брандеры и эскортирующие их галеры, но прежде чем он сблизился с противником, ветер стих, а потом задул со стороны испанцев. Теперь уже Сьюдад-Реал пошел на сближение, однако французы отступили. Ночью флоты потеряли друг друга, Брезе вернулся на рейд Барселоны, Сьюдад-Реал сдрейфовал к западу, однако был недалеко, поскольку к

вечеру его заметили с берега французские наблюдатели. Утром 5 июля Брезе снялся с якоря, чтобы атаковать испанцев, но сближаться с противником не стал, никакого сражения не последовало. Ночью Сьюдад-Реал пошел в Порт-Магон, чтобы сгрузить там раненых и больных, Брезе же остался у Барселоны.

Французские историки заявляли, что Брезе одержал *«решительную победу над испанцами»*: Ла-Ронсьер пишет, что к ночи 1 июля *«была достигнута полная виктория»*, Лакур-Гайе сообщает, что в результате дневного боя французский флот *«сделался хозяином испанского побережья»*. С этими утверждениями совершенно нельзя согласиться. Французы имели небольшое преимущество, возможно даже, выиграли «по очкам», но дальнейшее развитие событий показало, что они не сумели воспользоваться этим.

Сьюдад-Реал оставался в Порт-Магоне до 30 июля, после чего отправился в Росас с подкреплениями и провизией. Он прибыл туда 14 августа, сгрузил людей и припасы для Перпиньяна, отплыл 18-го и прибыл в Вимарос 20-го. Брезе показался на короткое время у Майорки 21 июля, но вскоре отошел к Барселоне, где находился до конца лета. Узнав о том, что испанцы 29 августа сдали Перпиньян, Брезе отправился в Тулон. Прежде чем он скрылся из виду, у рейда Барселоны появился Сьюдад-Реал, усиленный неаполитанскими галерами и кораблями. Брезе не принял боя. Испанцы крейсировали у побережья Каталонии, 13 сентября повернули в Валенсию.

Так закончилась для обоих флотов кампания 1642 года. Ни французы, ни испанцы не достигли на море решающего успеха.

Сражение у мыса Гата

К осени 1642 года кардинал Ришелье был серьезно болен, здоровье его, подточенное многолетним нервным напряжением, таяло на глазах. Однако, даже будучи больным, Ришелье до последнего дня по нескольку часов в день диктовал приказы армиям, дипломатические инструкции, распоряжения губернаторам. 28 ноября наступило резкое ухудшение, врачи поставили диагноз – гнойный плеврит. Согласно постулатам медицины того времени, воспаление легких попытались лечить кровопусканием, что (естественно!) не дало никакого эффекта, а лишь до предела ослабило кардинала. Ришелье временами терял сознание, однако, придя в себя, пытался работать.

2 декабря умирающего посетил Людовик XIII, который имел с кардиналом краткую беседу. В этом разговоре Ришелье попросил покровительства для своих родных, а в качестве своего преемника назвал кардинала Джулио Мазарини. *«У Вашего Величества есть кардинал Мазарини, я верю в его способности на службе королю»*, – сказал умирающий министр. Людовик пообещал выполнить просьбу кардинала, после чего Ришелье созвал врачей и попросил сообщить, сколько ему еще осталось. Врачи смущенно мялись, переступая с ноги на ногу, и лишь один из них – доктор Шико, – собравшись духом, сказал: *«Монсеньер, думаю, что в течение 24 часов вы либо умрете, либо встанете на ноги»*. *«Отлично сказано»*, – улыбнулся кардинал и сосредоточился на каких-то своих мыслях.

3 декабря король нанес свой последний визит кардиналу. Они о чем-то совещались около часа за закрытыми дверями, после чего Людовик позвал священников для причащения умирающего. На причащении Ришелье в ответ на просьбу простить своих врагов сказал свою последнюю знаменитую фразу: *«У меня не было других врагов, кроме врагов государства»*.

В полдень 4 декабря 1642 года кардинал Ришелье умер. С его смертью власть короля во Франции начала ослабевать. Знать, со своевольностью и анархией которой, казалось, было покончено навсегда, опять подняла голову. Принцы (так же, как и во время регентства Марии Медичи) начали расшатывать здание государства изнутри. В мае 1643 года умер и Людовик XIII, королева Анна Австрийская стала регентшей при пятилетнем короле

Людовике XIV, а ее первым министром (и любовником) стал Джулио Мазарини.

Брезе назначили Великим магистром навигации, он остался командующим парусными флотами, а также получил звание суперинтенданта морской торговли. Генерал-лейтенант галер Форбэн вышел в отставку, его сменил протеже Мазарини – Виншгерр, мальтийский рыцарь, итальянец по происхождению. Титул генерала галер получил новый герцог Ришелье, 16-летний племянник умершего кардинала.

В Испании также произошли большие перемены. В начале 1643 года за провал в Португалии и Каталонии (последняя вообще приняла подданство Франции) Филипп IV сместил графа Оливареса с поста первого министра. Оливарес за время своего авторитарного правления нажил себе множество врагов, в число которых входили знатные фамилии Медины-Сидонии, де Толедо, и даже королева Изабелла. С их подачи суд инквизиции возбудил против Оливареса дело по обвинению *«в гадательной астрономии»*(сиречь – в астрологии), то есть (по мнению следствия) граф при принятии тех или иных решений излишне полагался на положение звезд и планет. Оливарес был лишен всех своих чинов и званий и сослан в свое имение Лочес. После опалы Оливареса в 1643 году новым фаворитом стал дон Луис де Аро, маркиз дель Карпьо, который, однако, как политик сильно уступал Оливаресу и никогда не имел такого влияния на короля. По некоторым вопросам король, глубоко религиозный, как и все испанские монархи того времени, советовался с монахиней Марией де Агреда де Хесус, с которой состоял в переписке.

После падения всесильного графа из тюрьмы были выпущены герцог Македа и дон Гарсия де Толедо и Мендоса, последний сразу же был назначен генералом галер и командующим испанским флотом. Командирами отрядов парусных кораблей стали баск Карлос де Менкос и фламандец Йосс Питерсен.

Первые движения флотов начались только к середине лета. В конце июля Брезе вышел из Тулона с 22 судами, 2 пинасами и 13 брандерами, ожидая присоединения Монтиньи с 7 судами Флота Океана. В свою очередь Виншгерр послал 9 из 20 галер к Кадакесу для блокады Росаса – этой последней испанской крепости в Северной Каталонии.

Брезе прибыл к Барселоне лишь 7 августа, и, как оказалось, подоспел вовремя, чтобы перехватить испанский конвой из трех дюнкеркцев и трех купцов, шедших к Росасу. Утром 9 августа конвой был обнаружен, Брезе отправил к нему 9 галер и парусные корабли «Сен-Шарль», «Перль», «Лион-Куронн», «Юроп», «Тритон» и «Дюшес». Фламандцы, несмотря на

гигантское превосходство противника в силах, решили дать бой и начали обстреливать приближающихся французов. От точного огня французы потеряли 42 человека убитыми и 84 ранеными, но вскоре после сближения был захвачен весь испанский караван, только один маленький купец получил сильные повреждения и ночью был затоплен.

22 августа Брезе вышел из Барселоны с 20 кораблями, 2 пинасами и 12 брандерами. Брезе двинулся на юг в поисках главных сил испанцев и ожидая встречи с Монтиньи. Пройдя без помех мимо Таррагоны, Алфакеса и Вимароса, Брезе задержался около Валенсии, где перехватил английский корабль, который оказался набит испанскими войсками; от капитана он узнал, что главные силы испанцев стоят в Гибралтаре. Англичанин оценивал их примерно в 25 больших галеонов. В свою очередь испанцы, решив, что французы решили взять Оран, отправили туда на подмогу несколько своих галер, что еще больше ослабило их силы около своего побережья. 30-го Брезе появился на траверзе у Картахены.

На рейде стояли 4 испанских военных корабля и 6 галер, а также несколько торговых судов. Как только испанцы увидели Флот Леванта, они сразу же убрали свои корабли внутрь бухты, выставив перед ними в качестве заслона купеческие суда, а перед торговцами – бон из шлюпок и мачт. Несмотря на это, Брезе попытался прорваться внутрь гавани, однако сильный ветер с берега сделал эту затею невыполнимой. Покинув Картахену, французы спустились к мысу Гата (недалеко от Альмерии), где встали на якорь, ожидая попутного ветра.

3 сентября погода совсем испортилась, ветер достиг большой силы, Брезе вынужден был сняться с якоря и выйти в море. Французов носило по разбушевавшемуся морю взад и вперед, а ближе к вечеру дозорные заметили испанский флот. По докладам впередсмотрящих, он состоял из 12 галеонов (в том числе трех очень больших – 1200-тонный «Нуэстра Сеньора де ла Асунсьон и Сантьяго», 800-тонные «Сан-Хосе» и «Теста де Оро»), 4 фламандских зафрахтованных судов и 6 мелких дюнкеркских пинасов. Командовал соединением испанцев Карлос де Менкос, а приватирами – фламандец Йосс Питерсен. Толедо, вышедший вместе с основными силами, во время шторма вынужден был укрыться в Малаге, поэтому ничем не мог помочь своим товарищам. Брезе, так же как и в бою у Барселоны в прошлом году, решил выйти на ветер и использовать брандеры. Первую задачу ему удалось решить достаточно легко, а вот с брандерами опять не заладилось – только один из них смог сцепиться с маленьким пинасом и сжечь его. Остальные пущенные брандеры сгорели без пользы.

Брезе начал спускаться к противнику для артиллерийского боя. 4 корабля и несколько галер командующий Флотом Леванта отделил для атаки трех испанских судов, отставших от главных сил, однако Менкос тут же убавил паруса, чтобы дать отставшим возможность присоединиться к ядру эскадры до начала боя. Согласно обычаю того времени, Брезе направил свой корабль к испанскому головному кораблю, однако фламандский 35-пушечный «Санта-Барбара де Дюнкерк» совершил немыслимое – он попытался перехватить французский флагман! Французы не стерпели такого нарушения морского кодекса – несчастный фламандец попал под ураганный огонь и вскоре просто взорвался. После этого флагманы и мателоты неторопливо начали сражение на близкой дистанции, продолжавшееся 3,5 часа. Французам удалось пустить брандер на тяжелый 600-тонный 50-пушечный галеон «Капитана де Наполи», вскоре корабль испанцев загорелся и вышел из боя. Следовавший за ним 46-пушечный «Сан-Маркос» был взят на абордаж. Испанцы начали отходить, и французам удалось перехватить еще один испанский корабль – 500-тонный 30-пушечный «Сантьяго де Португаль».

Французы во время боя также пострадали, три их корабля – «Син», «Юроп» и «Перль» – были изрешечены и отправлены на ремонт в Тулон. На «Сен-Поле» убит капитан Ля Рош. Во многом из-за этого испанцы смогли во время отступления оторваться и без помех войти в Картахену, где соединились с 15 галерами Толедо, очень вовремя подошедшего туда из Малаги и занявшего позицию у входа в гавань. Брезе попытался прорваться в бухту, но плохая погода и сильный ветер помешали ему это сделать. Французы отошли к Ивисе и Форментере.

Когда погода улучшилась, командующий Флота Леванта повел корабли к Гибралтару в надежде встретить Монтиньи. По пути отряд взял на абордаж шебеку алжирского корсара, а в Тетуане до Брезе дошел слух, что два французских флейта, отправленных в Тулон после сражения у мыса Гата, были захвачены алжирцами. Надеясь разменять пленных, он направился к Алжиру, но столкнулся с обычной несговорчивостью мусульман и из-за нехватки продовольствия вынужден был отправиться домой, ничего не достигнув. Погода опять испортилась, и Брезе вынужден был укрыться на Майорке, а 26 ноября прибыл к Йерским островам. Штормом были унесены в море два его корабля – паташ «Пеликан» и один брандер, поиски их ничего не дали: скорее всего, суда погибли у берегов Сардинии.

Что же касается Монтиньи – тот, разминувшись с Брезе, пришел в Тулон в конце сентября, оттуда направился к Сицилии, где сумел захватить

несколько мелких испанских судов, и 20 ноября вернулся на базу.

Состав испанской эскадры

Армада Моря-Океана (Испанцы)		
Nuestra Señora de la Asuncion y Santiago	Галеон (флагман) (1200 тонн)	
San Joseph	Галеон (800 тонн)	
Testa de Oro	Галеон (800 тонн)	
Santiago de Portugal	Галеон (500 тонн, 30 пушек, 300 человек)	Захвачен
Nuestra Señora de Regla	Галеон (450 тонн)	
Sol de Jesús.	Приватир (600 тонн)	
San Marcos.	Приватир (650 тонн, 46 пушек, 350 человек)	Захвачен
Эскадра Массибради (Неаполь)		
Capitana de Napoles	Вооруженный торговый галеон (600 тонн, 50 пушек, 500 человек)	Сгорел
Santa Cruz	Галеон (414 тонн)	
Adam y Eva	Приватир (550 тонн)	
Фламандская армада (Йосс Питерсен)*		
Nuestra Señora de Atocha	Галеон. Флаг Йосса Питерсена	
Nuestra Señora de la Natividad	Галеон. Флагман фламандской эскадры	
Nuestra Señora de Stella Maris	Галеон	
Santiago	Галеон	
San Juan Bautista	Галеон	
Santa Barbara de Dunkerque	Галеон (500 тонн, 35 пушек, 300 человек)	Потоплен
Santa Teresa	Пинас	
Santa Dorotea	Пинас	
Santa Agata	Пинас	
Santa Barbara	Пинас	
Nuestra Señora de las Virgenes	Пинас	
Santa Inés	Пинас	

* Испанцы звали его на свой манер – Хосе Петерс.

Операции против берега

В течение двух последующих лет французский флот в основном занимался тесной поддержкой своих армий на суше. Испанцы летом 1644 года попытались оспорить господство Флота Леванта в Средиземном море, они собрали значительные силы в Картахене, однако так и не установили контакт с противником.

Основные потери в этом году Флот Леванта понес от пожара, случившегося в Тулоне, – там сгорели два захваченных испанских приза, «Макуэда» и «Амираль де Бискай». Первым в 1639 году недолго командовал Абрахам Дюкен. Ранней весной 1644 года Дюкен, не нашедший общего языка с Брезе, обратился к Мазарини с просьбой отпустить его на шведскую службу (между Швецией – союзником Франции – и Данией тогда шла война). Разрешение это было получено, и капитан, получивший звание майора брандеров, уже в апреле прибыл ко двору шведской королевы Кристины [69].

Летом 1644 года командующий французской армией в Каталонии Филипп де Ла-Мот Уданкур решил еще раз попытаться взять Таррагону штурмом (его первая попытка в 1642 году закончилась неудачей, мы уже рассказывали об этом). 5 мая первый отряд из 9 кораблей и 40 малых судов с войсками и припасами под началом Гарнье прибыл в Барселону. Там они встретились с 9 галерами де Бома, однако последний не проявил никакого желания действовать совместно с парусными судами (такая же ситуация была с Дюкеном три года назад). 8 июня Гарнье с «Сурди», «Викторье», «Тритон», «Фортюн», «Сен-Томас», «Магдалена де Брез», «Вриеж» и тремя брандерами встретил и уничтожил 4 больших испанских транспорта, везущих войска из Сицилии в Таррагону.

Уданкур тем временем подошел к Монзону в 150 милях от побережья, попытался атаковать, но был отбит и отошел к Лериде, которая в это время осаждалась испанцами. Уданкур смог провести подкрепления в крепость, однако имперские войска контратаковали, французы потерпели поражение в полевом сражении и отошли, а гарнизон Лериды 3 августа сдался испанцам. Тогда Уданкур с 9000 солдат и 2000 кавалерии, а также с 12 орудиями подошел к стенам Таррагоны и 23 августа повел войска на штурм; с моря испанцев обстреливали корабли Гарнье. Гарнизон испанской крепости насчитывал 6000 солдат (из них почти 2000 – ирландские

католики, нанятые Филиппом IV на службу) и 3000 кавалеристов, на крепостных стенах было расположено 63 орудия. Французы смогли добиться некоторого успеха, они даже захватили один из бастионов города – Гардению (бастион был изначально построен в виде отдельной крепости и три века назад принадлежал рыцарям ордена тамплиеров, а после 1314 года – иоаннитам), однако дальше осаждающие прорваться не смогли. Испанский командир гарнизона Филипп да Сильва сумел организовать оборону и стабилизировать ситуацию.

14 сентября Уданкур, узнавший о том, что из Сарагосы вышла 15-тысячная армия идальго с намерением атаковать французов с тыла, снял осаду с Таррагоны и ушел к Барселоне, бросив все пушки и большие обозы.

Мазарини обвинил Уданкура в срыве операции и 24 декабря 1644 года лишил всех постов и званий. Через 4 дня командующий французской армией в Каталонии был заточен в замок Пьер-Энсиз, где просидел четыре года, пока в 1648 году не был выпущен на свободу.

Что касается основных сил Флота Леванта – Брезе вышел из Тулона с 23 кораблями и 18 галерами лишь 23 августа и прибыл к Таррагоне только 9 сентября, когда до Уданкура дошли слухи об испанцах, двигающихся от Севильи.

Флот вернулся в Тулон, оставив у Барселоны 6 кораблей и 2 галеры. Кампания на море закончилась ничем.

В следующем, 1645 году, отряд Филиппа де Шарри сеньора де Гутта в составе 16 кораблей и 17 галер (по другим данным – 24 корабля, 19 брандеров и 14 галер) действовал в подчинении армии Сезара Шуазеля, графа дю Плесси-Пралена при осаде Росаса. Плесси-Прален крепко обложил город, гарнизон в 5000 человек испытывал большую нужду в боеприпасах и надеялся на помощь с моря. В Картахене действительно стояла большая испанская эскадра в составе 36 кораблей и 30 галер, но командующий флотом Мельчиор де Борха в море не вышел. 28 мая 1645 года Росас пал. Мельчиор де Борха был снят со своих постов и брошен в тюрьму. Сменивший его граф де Линарес был более активен: выйдя в море в августе, он захватил 4 больших французских транспорта с провизией, стоявших на якоре у Барселоны. Галеры дошли аж до Перпиньяна и захватили 6 малых французских судов. Линарес курсировал у Барселоны до 4 сентября, но французского флота нигде не было, поэтому он повернул к Таррагоне. Что касается французов, сразу же после падения Росаса они ушли в Тулон.

Сражение у Орбителло

В 1646 году основным районом операций французов стали испанские владения в Италии. Зимой вполне серьезно обсуждался план захвата испанских портов на Апеннинах (Генуя, Ливорно, Порто-Лонгоне и Неаполь). Для его выполнения собирались перевезти 8000 солдат во главе с Томазо Савойским с помощью португальского «бразильского флота». В случае удачи думали также провозгласить Томазо вице-королем Неаполя и передать Франции порты Гаэта [70](провинция Латина, принадлежавшая тогда Неаполю) и Анкона.

Брезе вышел из Тулона 26 апреля 1646 года с отрядом из 16 кораблей, 8 брандеров, 4 флейтов и 68 мелких судов. Забрав войска принца Томазо Савойского в Генуе, он прибыл к месту рандеву в Пьяноса, южнее Эльбы, и 9 мая подошел к тосканскому побережью. На следующий день войска были высажены в Таламоне (севернее мыса Монте-Аргентаро) и к 15-му начали осаду крепости Орбителло, расположенной в Северной Италии, в области Гроссето. Филипп II построил там сильные форты, обновил крепостную стену, расположил сильный гарнизон.

Через месяц, когда осада была в разгаре, у побережья появился испанский флот (22 корабля, 5 брандеров), задачей которого была деблокада крепости с моря. Он вышел из Картахены еще в середине мая, 6 июня идальго были у Кальяри; 8 июня к парусным судам присоединились неаполитанские, генуэзские, сардинские и сицилийские галеры (30 галер). Общее руководство испанской эскадрой осуществлял капитан-генерал галер граф де Линарес, парусными кораблями командовал генерал моря Франсиско Диас де Пимиента. Состав испанской армады был следующим: 1200-тонный 66 пушечный флагманский «Сан-Якобо и Сантьяго», 800-тонный «Урвиетта», два зафрахтованных 1500-тонных корабля арматора Кинсоусеса, 58-пушечные «Тринидад» и «Сан-Мартин», 550-тонный «Сан-Херонимо», 450-тонный «Нуэстра сеньора де Регла», 550-тонный «Леон Рохо», 560-тонный «Роса Пекена», 400-тонный «Леон де Оро», 250-тонный «Сан-Фелипе», 200-тонный «Сан-Карлос», а также приватиры «Кабалло Марино», «Теста де Оро» и «Санта-Каталина» – всего 16 кораблей. Фламандская эскадра была представлена 6 галеонами и 5 брандерами, итальянцы – 30 галерами.

14 июня в 10 милях к югу от острова Гильо испанцы встретились с

флотом Брезе в составе 44-пушечного «Сен-Луи», 36-пушечных «Люинь», «Солейл», «Амианте», 30-пушечных «Кардиналь», «Триомф», «Сен-Поль», «Тритон», 34-пушечных «Сурди», «Сент-Якус», «Гранд Альянс», «Виерж», 28-пушечных «Сен-Шарль», «Лион-Коронн», 26-пушечного «Фортюн», 22-пушечного «Мадлен», 16-пушечного «Дюшес», 8-пушечного «Сент-Томас» и мелких приватиров «Гранд Александр», «Сент-Эйн Эгль», «Пети Англиаз», «Гданьск», «Болейн», «Сен-Поль», «Фортюн» – всего 24 корабля, а также 4 флейта, 8 брандеров и 20 галер.

Сражение началось в 5 утра. Ветер был очень слабый, поэтому оба противника убрали паруса и приказали галерам взять парусные суда на буксир. Французы первыми двинулись навстречу испанцам, Брезе повел флагмана к трем самым большим испанским кораблям. Идальго начали беспорядочный мушкетный и орудийный огонь по противнику с галер и кораблей. Сближение длилось 3 часа, за это время с Флота Леванта сумели пустить один брандер на флагман Пимиенты «Сан-Якобо и Сантьяго», однако из-за маловетрия тот был быстро перехвачен шлюпкой с 58-пушечного «Тринидада» и отведен в сторону. Сам флагман Пимиенты отбуксировал в сторону граф де Линарес на своей галере. От огня французов корабль Пимиенты потерял грот-стеньгу и получил небольшие повреждения корпуса. Сблизившиеся наконец противники могли теперь начать индивидуальные схватки. 20-пушечный «Санта-Каталина» атаковали два корабля Тулонской эскадры, через 30 минут экипаж уже покидал тонущее судно, которое капитан напоследок поджег, чтобы французы не смогли воспользоваться призом. «Теста де Оро», «Леон Рохо» и «Кабалло Марино», державшиеся чуть поодаль основных сил, были атакованы 4 галерами и 3 кораблями Флота Леванта. В результате последовавшей дуэли испанцы были сильно повреждены, но смогли присоединиться к остальным кораблям Пимиенты и избежали плена. Галера капитана Неаполя, буксировавшая «Теста де Оро», получила ужасные повреждения и чуть не утонула, но все же, выполнив свой долг и отбуксировав корабль, смогла выйти из боя и устранить течи.

Надо сказать, что огонь испанцев, ставших бортом к неприятелю, был гораздо сильнее – однако низкая подготовка комендоров не дала использовать это преимущество. За 4 часа французы потеряли всего 40 человек, но среди них оказался главком Флота Леванта Брезе, которому в грудь попала мушкетная пуля. Сразу же после гибели 27-летнего Великого магистра навигации французы начали выходить из боя.

Вечером на Флоте Леванта состоялся военный совет. Несмотря на то что испанцы были деморализованы и сражение складывалось в пользу

французов, преемник погибшего Брезе граф дю Даньон предложил идти в Тулон, и капитаны поддержали это решение. Несомненно, Брезе, хоть и не обладавший большими тактическими способностями, но смелый и отважный, продолжил бы сражение и, скорее всего, довел бы дело до победы, но история распорядилась иначе. Далее случилось невероятное – более слабый испанский флот пустился в погоню за более сильным! Линарес и Пимиента преследовали французов 15 и 16 июня. В ночь на 17-е поднялся сильный ветер с зюйд-оста, пошел дождь, поднялись большие волны и оба флота были рассеяны. Испанский галеон «Санта-Барбара» разбился у острова Гильо, французский флейт «Гримальди» налетел на камни у Пьямоса, галера «Сен-Доминик» и брандер, отбившиеся от Флота Леванта, были окружены и захвачены Линаресом у Генуи.

Дю Даньон пришел в Тулон 17 июня, в этот же день испанцы собрались у Порто-Лонгоне и взяли курс на Орбителло с целью доставить припасы и подкрепления осажденной крепости. В это время небольшой французский отряд де Гутта из 4 маленьких кораблей подходил к Таламоне, где должен был выгрузить припасы для французской армии, осаждавшей Орбителло. Де Гутт не знал о поражении французов и был в полной уверенности, что район осажденной крепости контролирует флот де Брезе. В ночь на 20 июня испанцы обнаружили отряд французов и попытались перехватить его, но де Гутт, быстро определивший, что перед ним корабли противника, лихо сделал поворот на оверштаг и сумел скрыться в ночи. 23-го французский отряд благополучно вернулся в Тулон.

25 июня Линарес был усилен 8 кораблями из Неаполя и на следующий день атаковал большое количество мелких торговых французских судов у Таламоны. Всего было захвачено и уничтожено около 70 купцов, причем большая часть из них не успела разгрузиться, поэтому армия принца Томазо осталась без провианта и боеприпасов. Де Гутт, узнав о бедственном положении Савойского, вышел из Тулона с 8 судами и сумел 14 июля доставить армии кое-какие подкрепления и порох, однако было уже поздно. Испанские подкрепления, привезенные Линаресом и Пимиентой, переломили ход осады в пользу испанцев. 18 июля Савойский поспешно снял осаду с города и отступил, бросив всю артиллерию.

Через неделю испанцы ушли в свои порты. Объединенный флот сумел выполнить поставленную ему задачу и спасти Орбителло. Французские планы из-за смерти Брезе провалились. Тем не менее Филипп IV в лучших испанских традициях сместил и Линареса, и Пимиенту, и их помощников. Официальное обвинение – испанский флот не дал французам еще одного сражения! Судя по всему, у испанцев вошло в привычку смещать

командующих флотом раз в год.

Дю Даньон не понес никакого наказания за свое поведение, осенью он даже получил вице-губернаторство в Бруаже, куда и поспешно отбыл. Возможно, это объяснялось тем, что французы вскоре смогли захватить два порта в том же регионе – это Порто-Лонгоне и Пьомбино. Маршал Ла Мейера, который в качестве генерал-лейтенанта Леванта (Великим магистром навигации после смерти Брезе стала сама Анна Австрийская) занял место дю Даньона, вышел из Тулона 8 сентября с 32 кораблями (в том числе – с семью португальскими [71]), 15 галерами и 40 мелкими военными транспортами. 4 октября высадившиеся французы совершенно неожиданно атаковали Пьомбино, который сдался через 4 дня, а 10-го – осадили Порто-Лонгоне, где гарнизон капитулировал 29 октября. Имея два хороших порта, Флот Леванта теперь мог оставить часть сил на зиму всего в 300 милях от Неаполя. Испанский флот, в котором после смещения Линареса опять настало безвластье, никак не смог отреагировать на эти атаки.

Окончание войны

2 мая 1647 года отряд Пьомбино из 6 кораблей («Гранд Альянс», «Сен-Томас д’Аквин», «Фортюн», «Дофин», «Фалькон») и 2 брандеров под командованием шевалье де Сен-Поля, стоявший в Пьомбино, захватил несколько небольших судов у входа в гавань Неаполя. На следующий день Сен-Поля пытались атаковать 6 кораблей и 10 галер испанцев, но, устрашенные наличием брандеров, отступили без боя. На следующий день велась перестрелка с дальних дистанций. Так продолжалось до 7 мая, пока к испанцам не пришли подкрепления. Теперь их силы составляли 13 кораблей и 11 галер, что позволяло атаковать Сен-Поля на близкой дистанции, однако французский отряд отошел к Пьомбино. За пять дней боев испанцы потеряли около 200 человек и 3 торговых судна. Вскоре после ухода Сен-Поля в гавани Неаполя взлетел на воздух флагманский корабль «Капитана де Наполи», что долгое время приписывали одному из французских брандеров, который якобы прокрался в бухту ночью и сцепился с самым большим судном в гавани. Однако, скорее всего, все обошлось без рискованных вылазок – неаполитанцы были на грани мятежа, и это вполне могло быть диверсией повстанцев, воодушевленных многодневным боем маленького французского отряда против испанцев.

Весной этого же года возобновились операции у Каталонии. Целью походов к Таррагоне была поддержка армии принца Конде, недавно назначенного вице-королем Каталонии, и взятие города французскими войсками. Молодой герцог Ришелье, назначенный командующим Флота Леванта, вместе со своим главным советником де Гуттом вышел из Тулона 15 апреля с 14 кораблями и 4 брандерами. На траверзе Марселя к нему присоединились 15 галер, 18 апреля отряд прибыл в Паламос и вскоре встал на рейд Барселоны. Узнав, что армия Конде первой своей целью поставила не Таррагону, а Лериду, флот 14 мая вернулся в Марсель.

Испанский флот (32 корабля, 8 брандеров и 6 галер под командованием дона Хуана Австрийского) 7 мая вышел из Кадиса к Картахене, однако французы к тому времени ушли домой. Испанцы высадили войска и сгрузили припасы в Вимаросе и Таррагоне. В это время Флот Леванта крейсировал у Корсики, пытаясь перехватить неаполитанские 18 кораблей и 12 галер с войсками, шедшими к Генуе. 13 июня около Кальяри французы обнаружили 12 галер, которые, завидев неприятеля, сразу же отошли к

Финалу. Поскольку Генуя была нейтральным городом, Ришелье не осмелился атаковать испанцев на генуэзском рейде.

7 июля 1647 года в Неаполе началось восстание. Поводом к мятежу послужило введение испанцами налога на фрукты, что вкупе с эпидемией чумы и резким подорожанием продуктов выглядело издевательством. Восставшие сожгли налоговые документы, осадили дворец вице-короля и провозгласили рыбака Томазо Аньелло (Мазаньелло) «капитаном народа», то есть выборным главой города. К повстанцам примкнули крестьяне Калабрии, Апулии и Абруцци, жители многих южноитальянских городов. Вице-король вынужден был пойти на переговоры и отменить введенный налог. Испанский флот срочно перебрасывался из Каталонии к Неаполю.

Хуан Австрийский вышел из Таррагоны только 10 августа, и его корабли попали в полосу штормов, что заставило отряд трижды укрываться от непогоды в Порт-Магоне. Только 21 сентября Армада смогла взять курс на Неаполь. Французы в это время беспечно стояли в Тулоне. Только 24 октября Флот Леванта, словно прозрев, пошел к Неаполю, чтобы поддержать восстание неаполитанцев, однако испанский флот уже двадцать дней был в гавани города. Узнав об этом, французы без сражения вернулись в Тулон.

К этому времени большая часть Неаполя была в руках восставших. Ни высадка испанских войск, ни бомбардировка приморской части не смогли подавить сопротивление, но их призывы о помощи к Франции остались без ответа, и у них не было руководителя, который был бы заметной фигурой. По этой причине они обратились к молодому герцогу де Гизу, который был в это время в Риме и имел родственные связи с прежними правителями Сицилии. Гиз сразу принял их приглашение и сел вместе со своими сторонниками в лодки в устье Тибра, смог пройти мимо дозорных испанских судов и 15 ноября высадился в Неаполе; его встретили с восторгом и вскоре провозгласили «дожем» независимой республики.

Выход де Гиза на сцену воодушевил французское правительство и даже заставило его вмешаться. Неаполитанцы получили вождя, который мог бы освободить их от Испании, но в то же время им совершенно не хотелось стать подданными французского короля. И все же мятеж ослаблял Испанию, поэтому было необходимо выслать флот из Тулона, который смог бы победить испанский и произвести впечатление на неаполитанцев, чтобы те приняли сторону Франции. С этой целью флот вышел из Тулона 26 ноября в Неаполь, он был усилен шведскими судами и другими кораблями из атлантических портов.

В этом походе Ришелье сопровождали два советника: первый – уже

известный нам де Гутт, отличный опытный моряк; второй – Бальи Валенсэй – политикан, ни разу в море не бывавший, ему была поручена политическая часть экспедиции. Он уже отговорил кардинала Мазарини от срочного вмешательства в неаполитанские склоки, что, как показали последующие события, оказалось ошибкой.

Состав французского флота, вышедшего к Неаполю, был следующим:

Наименование	Пушки	Примечания
Breze	46	Ришелье, адмирал Де Гутт, Валенсэй
Lune	36	Дю Мэ, лейтенант-генерал
Mazarin	40	Де Монтад, начальник эскадры, командир ночной стражи (шаутбенахт)
Grand St. Louis	52	Гарнье, начальник эскадры (шеф д'эскадрэ)
Jupiter	50	Дюкен, начальник эскадры
Cardinal	40	

Наименование	Пушки	Примечания
Triomphe	30	
Grand-Anglais	40	
Dunkerquois	30	
Soleil	34	
Vierge	32	
Dragon	30	
Lion courone	26	
Tigre	28	
Cygne	30	
Admirante	34	
Triton	26	
St. Thomas	36	
Facon	26	
Leopard	28	
Sourdis	32	
St. Paul	28	
Postillon	24	
Eminent	36	
Chasseur	28	
Regine	38	
3 португальских корабля		
5 брандеров		
2 транспорта		

В это время в гавани Неаполя стояли испанские галеоны «Принсипе де Оранж» (дон Хуан Австрийский), «Перла» (адмиральский), «Сан-Мартин», «Сан-Маркос», «Нуэстра сеньора де лас Маравильяс», «Сан-Хуан дель Донативо», «Сан-Хосе», «Сан-Херонимо», «Теста дель Оро», «Сан-Хуан Евангелиста», «Консентименто» (капитан Дюнкеркской армады), «Сан-Сальватор де Дюнкерк», «Тигр» (адмирал Дюнкеркской эскадры), «Сан-Антонио де Дюнкерк Сол де Хесус», «Сан-Сальватор де Меноя», и приватир «Сан-Карлос», а также несколько мелких судов – всего 26 кораблей и 3 галеры.

Французов немало потрепал шторм (два корабля – «Сен-Поль» и

«Фалькон» – столкнулись и были отправлены на ремонт в Пьомбино, а португальские корабли отплыли в Ливорно на замену такелажа), поэтому они смогли подойти к Неаполю только 14 декабря. У Ришелье теперь осталось 26 кораблей и 5 брандеров. В течение двух дней ничего не произошло – погода опять испортилась, французы вели переговоры с восставшими, а испанцы сажали на корабли войска и готовились к выходу в море.

21 декабря оба флота были под парусами, но Ришелье вместо того, чтобы атаковать главные силы противника, пошел на запад, к Кастелламаре, и выслал небольшой отряд Дю Ме (корабли «Триомф», «Тритон», «Кардиналь», «Тигр» и брандер «Эльбёф») атаковать 3 испанских корабля и 5 галер, которые стояли там с двумя купцами. При приближение французов галеры смогли убежать в Неаполь, боевые корабли испанцы сожгли, а французам осталось лишь два торговых судна.

На следующий день оба флота наконец-то сблизились. Только 9 испанских кораблей приняли хоть какое-то участие в бою. Французы начали неторопливый обстрел испанцев с дальней дистанции. В свою очередь флагман испанцев и еще 5 кораблей, опасаясь, что Флот Леванта сблизится с ними и пойдет на абордаж, решили прорезать французский строй, чтобы оказаться на ветре и иметь свободу маневра. Это им удалось, причем Ришелье не сделал никакой попытки захватить прорывающие испанские корабли, которые уступали его силам ровно в 5 раз!

Французы считали, что им с помощью спущенных брандеров удалось только уничтожить адмиральский корабль дюнкеркцев «Тигр», однако испанские источники это не подтверждают. Налетевший ночью шквал явился причиной гибели «Тигра» и еще одного вооруженного купца, которые разбились о скалы.

29 декабря 1647 года имел место еще один частный бой, а в ночь на 3 января 1648 года *«ужасный ураган»*унес прочь французский флот. Ришелье смог отойти на север, часть судов укрылась в Кастелламаре, утонули один брандер и одно мелкое судно. Французы провели военный совет, на котором решено было возвращаться домой. К 12 января флот собрался у Генуи, а 17-го крейсировал у Йерских островов.

Экспедиция потерпела неудачу, и было ясно, что если она не будет быстро исправлена, Неаполь вскоре сдастся испанцам. Был собран новый флот в 36 кораблей и 20 галер, туда погрузили войска Томазо Савойского, однако, когда эскадра подошла 4 июня к Неаполю, выяснилось, что восстание уже подавлено, а герцог де Гиз уже два месяца сидит в тюрьме.

Основная часть испанского флота вернулась в Испанию в начале года,

в Южной Италии остались только галеры, но и эти силы оказались в состоянии предотвратить высадку в Торе Аннунсиата (восточнее Неаполя). Французы пошли к берегам Испании, где Ришелье помог маршалу Шомбергу взять 13 июля крепость Тортосу. После этого эскадра опять вернулась к Италии, где ей удалось достичь двух небольших успехов – высадить войска у Салерно и захватить остров Просида перед Неаполем. Однако вскоре дошли слухи, что большой испанский флот идет к Неаполю, поэтому все войска были посажены обратно на корабли и Ришелье отплыл в Тулон.

Как раз в это время в Париже начался мятеж Фронды, который вскоре вылился в очередную гражданскую войну. Тридцатилетняя война закончилась в октябре, однако война между Францией и Испанией продолжилась. Флот Леванта более не выходил в море, корабли гнили, верфи пришли в запустение, лишь в 1654 году из Тулона вышло что-то напоминавшее прежний флот.

Эпизод VI. Рождение Роял Неви

Прелюдия. «Пьяная экспедиция»

Еще летом 1620 года на Иберийский полуостров прибыли принц Чарльз Уэльский (будущий английский король Карл I) и любимец английского короля Якова I герцог Бэкингэм. Целью визита было сватовство Чарльза к испанской инфанте – Марии-Анне Испанской (дочери Филлипа III и Марии Астурийской). Переговоры шли очень долго (до 1623 года), но все же не удались, и англичане возвратились домой несолоно хлебавши [72].

В 1621 году Испания денонсировала соглашение о перемирии с Голландией и вступила в Тридцатилетнюю войну. Сражения на суше и на море гремели от Польши до Вест-Индии, от Северного моря до Индийского океана, однако история со сватовством имела совершенно невероятное продолжение. В марте 1624 года английский король Яков I выступил в парламенте с речью, направленной против Испании. Король предлагал парламенту рассмотреть возможность объявления войны Испании, поскольку:

– *Испания отказала в руке инфанты английскому принцу крови;*

– *испанские войска захватили треть Богемии, где королевой была Елизавета Шотландская, дочь Якова I;*

– *Испания в течение нескольких лет постоянно нарушала все договоры и условия перемирия с Англией.*

Палата общин вотировала казначейству предписание выделить фонды для экспедиции против Испании. В самый разгар приготовлений – 27 марта 1625 года – Яков I умер и в подготовке экспедиции произошла непредвиденная заминка. Однако новый король – Карл I (тот самый принц Чарльз, сватавшийся к инфанте), решил продолжить приготовления и атаковать испанцев. Местом атаки был выбран Кадис.

Выбор этот не был случаен – Кадис в описываемое время был богатым морским портом, в котором проживало более 14 тысяч жителей. В Кадис прибывали сокровища из Вест-Индии, из Кадиса выходили испанские купцы в Средиземное море и Северную Европу.

Испанские шпионы своевременно сообщили о целях экспедиции, и гарнизон был значительно пополнен, однако после смерти Якова I успокоившиеся испанцы расквартировали большую часть войск в городках Андалузии, поэтому в Кадисе осталось только 300 солдат под началом

Хуана Мануэля Переса де Гусмана и Силва, 8-го герцога Медина-Сидония (сына знаменитого командующего Непобедимой армадой). Комендантом Кадиса был вечно страдающий от подагры ветеран первой войны во Фландрии Фернандо Хирон. Лейтенанта Диего Руиса назначили командовать морскими силами Кадиса (8 галеонов)

Тем временем англичане собрали для атаки на Кадис огромные силы: 99 кораблей (из них – 9 королевских: «Энн Роял» [73], «Сент-Джордж», «Конвертайв», «Свитшур», «Реформейшн», «Рейнбоу», «Сент-Эндрю», «Бонавенчер» и «Дредноут») и 6 кэчей с 5400 моряками и 10 тысячами солдат на борту. Главой экспедиции герцог Бэкингэм назначил сэра Эдварда Сесила, бывшего командующего английскими войсками во Фландрии. Сесил был опытным воякой, однако совершенно не знал морского дела и морской специфики. Снабжение эскадры было поставлено ужасно, сэр Эдвард писал Карлу I: *«Ваше Величество, я хотел бы отметить, что никакой флот не был так дурно снабжен, как наш»*. Капитан «Сент-Эндрю» сэр Майкл Гир в своих воспоминаниях был более конкретен: *«Даже та часть продовольствия, что была поставлена из королевских запасов, так воняет, что никакая собака не притронулась бы к такой пище. Провиант же, поставленный частыми подрядчиками, еще хуже»*.

15 октября 1625 года английская армада вышла из Плимута. На траверзе Лизарда к ней присоединилась голландская эскадра из 15 кораблей под командованием Вильгельма Нассауского. Однако ровно через день начался большой шторм и корабли спешно вернулись на стоянки Фалмута и Плимута. Вообще, время экспедиции было выбрано крайне неудачно – период штормов мог нанести большие потери союзникам еще до подхода к Иберийскому полуострову. 29 октября впередсмотрящие увидели берега Португалии. У местечка Фигуэра да Фосс остановились, поджидая отставших. Оказалось, что при переходе утонул 244-тонный зафрахтованный галеон «Роберт», а с ним 138 матросов, включая и капитана корабля Герлинга, а также 37 солдат.

30 октября 1625 года на траверзе Сент-Винсента англичане и голландцы провели военный совет – что делать дальше. Было решено высадить войска в Пуэрто Санта-Мария, недалеко от входа в гавань, напротив самого Кадиса. 1 ноября большой англо-голландский флот появился у Кадисского залива. На тот момент в гавани находились 8 королевских галеонов и 15 галеонов Вест-Индского конвоя, находившихся на якорных стоянках в глубине бухты. Увидев суда «Серебряного флота», англичане словно взбесились: граф Эссекс на

«Свитшуре» и Сесил на «Анн Ройял» ринулись к возможной добыче, однако остальные корабли их не поддержали, а навстречу британцам выдвинулись 8 испанских военных галеонов. Торговые же корабли спешно снялись с якоря и укрылись в Каракке, находящейся в глубине Кадисского залива.

Ночью англичане начали готовиться к высадке у Санта-Марии, однако эти приготовления были прерваны появившимся торговым пинасом английского купца Дженкинсона. Тот сообщил англичанам о малых силах гарнизона города, и Сесил решил попробовать высадиться у бастиона Пунталь, расположенного за самим портом, между военной и коммерческой гаванями в самой узкой части залива. Пять голландских и двадцать английских кораблей атаковали крепость, гарнизон которой составлял 20 испанских солдат и 8 пушек. Англичане, замешкавшись, отстали от голландцев, и те были вынуждены одни вступить в артиллерийскую дуэль с фортом. В результате ночной перестрелки голландцы потеряли два пинаса и отступили. Сесил, узнав об этом, приказал всем английским судам атаковать форт, однако атаку вскоре прекратили. Оказалось, что английский авангард, приблизившийся к бастиону на близкое расстояние, был просто засыпан ядрами английского же арьергарда, который в пороховом дыму палил в белый свет как в копейку. Высадка не состоялась.

На следующий день испанцам прибыли подкрепления, к тому же знаменитый галерный адмирал Альварес де Толедо и Колонна, герцог Фернандино, прорвался с галерами к защитникам и смог высадить там около 4000 морских солдат. Теперь защитников Кадиса было около 5000, однако английские силы были в два раза больше.

Вечером 2 ноября англичане без стрельбы приблизились к берегу и, несмотря на огонь с Пунталя, высадили около 9400 человек, которые смогли выбить испанцев из крепости. Таким образом, англичане перекрыли Леонский перешеек и блокировали Кадис с суши.

Обстановка становилась критической – утром 3 ноября Диего Руис со всеми наличными кораблями вышел на бой, однако противный ветер помешал ему сблизиться с англичанами, а сами союзники не испытывали желания начинать морские баталии. Тем временем коррехидор Хереса Луис Портокарреро во главе 2000 испанских солдат и 7 орудий продвинулся к перешейку для атаки англичан с тыла. Сесил, узнав от этом, решил атаковать коррехидора с 8000 человек, а остальные 1400 англичан должны были атаковать Кадис.

В ночь на 3 ноября должна была состояться атака Кадиса, однако этого так и не случилось. Дело в том, что высадившиеся солдаты терпели

большую нужду в провианте. В оставленном Пунтале и близлежащих хуторах английские солдаты нашли много бочек вина [74]и закатили дебош. Когда Сесил прибыл на берег с намерением атаковать Портокарреро, он увидел свое войско в невменяемом состоянии. Кто-то свалился и спал, кто-то еле ползал, кто-то просто блевал. Сесил не мог даже кого-либо наказать – командиры нахрюкались наравне со своими подчиненными. В этот момент британцев можно было брать тепленькими, однако коррехидор, узнав о численности высадившихся и не зная трудностей с похмельным синдромом у своих противников, отказался от атаки.

На следующий день испанцы сожгли брандерами 4 торговых корабля англичан, чему совершенно не смогла помешать английская Обсервационная эскадра герцога Аргайла. Союзники также не могли прервать и снабжение Кадиса провиантом по морю – все время осады герцог Фернандино снабжал осажденный город с помощью галер. Испанские солдаты стягивались под Кадис – 1200 было расположено в Санта-Марии, 400 – в Пуэрто-Реал, 300 – в Каракке, 300 – в Ротанге и 900 в Санисаре.

Утром 4 ноября Сесил принял решение об отходе. Он уже не верил в боевые качества своих солдат, видел, что испанцы стягивают резервы, и опасался попасть в окружение. 6-го числа англичане погрузились на корабли; во время отхода англичан атаковал с моря Руис, а с берега – Портокарреро, один из кораблей англичан был подожжен и уничтожен. В панике Сесил приказал прекратить погрузку, оставив около 1000 своих солдат, еще мучившихся с похмелья, в форте Пигаль. Ворвавшиеся туда испанцы перерезали англичан ножами.

Сесил крейсировал у берегов Португалии до 26 ноября, ожидая испанский «серебряный флот», однако англичане не смогли перехватить его. «Флотта» в составе 72 торговых и 16 военных галеонов под командованием маркиза Попе Диаса де Армендариса прибыл в Кадис 29 ноября.

Голландцы, узнав об этом, вдрызг разругались с англичанами. Вильгельм Нассауский обвинил британцев в *«чудовищной некомпетентности и непрофессионализме»*, голландцы без предупреждения покинули англичан, отказавшись поделиться с ними провизией.

Эскадра Сесила взяла курс домой. Плохая погода и голод спровоцировали болезни, моряки и солдаты гибли как мухи, все 200 лошадей, взятых в экспедицию, пошли под нож, чтобы накормить голодных. Потери были ужасны – к примеру, экипаж «Анн Роял» в начале

плавания составлял 400 человек, в Англию вернулись лишь 150. 21 декабря английские корабли вошли в Кинсейл. Потери англичан составили около 3000 человек и 30 кораблей. Экспедиция стоила английским налогоплательщикам 250 тысяч фунтов стерлингов.

Парламент поставил вопрос об опале герцога Бэкингэма, однако Карл I отстоял своего любимца. Это дорого стоило Англии – на следующий год Бэкингэм провалил экспедицию к Ла-Рошели (мы уже рассказывали об этом).

Ship’s money fleet [75]

Что же за причины заставили Англию строить большой флот, который позже стал властелином морей? Как ни странно, рассказ этот мы начнем с далекого Марокко. В далеком 1610 году именно там обосновались последние выгнанные из Испании мориски. Столкновения их с мусульманами приняли довольно острую форму, и в 1619 году, вытеснив арабов из города Сале, мориски организовали свою республику – Сале Аль-Джазида, которую объявили независимым государством, не подчиняющимся даже туркам. Республика эта стала магнитом для всех беженцев-инородцев из Андалузии, а вскоре – и со всей Европы. По сути, жители Сале издревле жили контрабандой и торговлей, и теперь новое государство стало настоящим пиратским центром, которым управляли 14 пиратских главарей, один из которых избирался главой государственного совета.

За 10 лет корсары Сале смогли награбить ценностей на 15 миллионов фунтов стерлингов (в ценах нашего времени это будет астрономическая цифра в 2 миллиарда фунтов или 3 миллиарда долларов), а также взять до 6000 христианских рабов. В 1631 году Франция была вынуждена заключить с Сале соглашение, согласно которому она ежегодно выкупала у пиратов рабов-французов.

Первым главой правительства Сале стал Ян Янсзоон, голландский ренегат и пират. Вообще, пока флоты стран – участниц Тридцатилетней войны воевали друг с другом, пираты на морях развернулись вовсю, грабя суда любого флага и любой национальности. Но мы остановимся лишь на рейде Янсзоона в 1627 году, поскольку этот поход непосредственно связан с возникновением Роял Неви.

Итак, на одном из торговых датских судов Янсзоон захватил штурмана, знающего воды вокруг Британских островов и Исландии. Летом 1627 года пират налетел на побережье Исландии как гроза – были захвачены и разграблены селения Гриндайвик и Вестманнейеар. На обратном пути Янсзоон напал и разграбил город Балтимор (графство Западный Корк, Ирландия), чуть позже захватил остров Линди у северного побережья Корнуолла, который сделал опорной базой пиратов, терзавших в течение 5 лет британское побережье.

Вообще, пиратство в прибрежных водах стало бичом английской

торговли в данную эпоху. С 1609 по 1616 год африканские пираты захватили в морях, омывающих Англию, 446 торговых судов, их экипажи были проданы в рабство.

В 1621 году Ньюфаундлендская компания жаловалась, что с 1612-го от действий пиратов она понесла убытков на 40 тысяч фунтов стерлингов. В 1625 году алжирцы захватили у Плимута 27 английских купцов, а в 1631-м они же высадились в Корнуолле, захватили около 20 судов, разграбили несколько деревень и увели в рабство 237 англичан.

Как мы указывали ранее, флот Англии в эпоху Якова I и герцога Бэкингэма был в полном упадке. Чтобы хоть как-то защитить свое побережье, Бэкингэм уже в 1627 году на свои средства построил в Соутварке первый корабль, получивший впоследствии прозвище «львенок» (*lions whelp*). Что же это был за корабль?

Прежде всего, Бэкингэм хотел получить недорогое парусно-гребное судно, которое было бы можно запустить в серию и строить очень массово. Особые требования предъявлялись к легкости хода корабля и его маневренности (поэтому вместе с парусами предполагалось использовать и весла [76]), поскольку основным противником этого частного флота должны были быть ходкие и быстрые пиратские суда. Наконец, герцог настаивал, чтобы вооружение корабля было очень сильным, способным в случае столкновения с пиратами безоговорочно решить бой в пользу «львенка».

Первый корабль данного проекта был построен корабельных дел мастером Уильямом Кастеллом. Для удешевления стоимости и ускорения работ корабль сделали почти квадратным в сечении, с одной батарейной палубой и двумя мачтами. Длина судна составляла 100 футов. Вооружили «номер первый» очень сильно – два 32-фунтовых орудия, четыре 18-фунтовки, четыре 9-фунтовки и две сакры в 5,25 фунтов. При таком мощном вооружении корабль имел довольно большую конструктивную перегрузку, а это вкупе с очень широкими обводами (соотношение длины к ширине – 2,8 к 1) и обусловило его плохие мореходные качества.

Не дожидаясь постройки первого корабля, заложили еще девять его систершипов, и уже в том же 1628 году все десять «львят» вошли в строй. Надо сказать, что вполне предсказуемо попытка сделать и сильное, и ходкое, и маневренное судно **одновременно** – не увенчалась успехом. «Львята» получились неповоротливыми, рыскающими на волне, низко расположенные орудийные порты постоянно заливало водой. Мореходность этих кораблей оказалась просто отвратной. Ради примера мы приведем письмо Эдварда Попхэма епископу Линкольну от 4 июля 1637 года:

«Писано на борту корабля “Сент-Джордж”,
идущего ныне в Хельвутслейс.
4 июля 1637 года.
Епископу Линкольну.
Достопочтенный сэр!

Согласно приказу Вашей Светлости, направленному мне, а также капитанам “Плидеса” и “Индастри”, к голландскому Брилю вышли три наших корабля, загруженные товарами и наемниками. Груз и люди предназначались Принцу-Электору (штатгальтеру Голландии Фредерику-Генриху). В понедельник, 26-го числа, приблизительно в 16.00 мы увидели голландский берег, но поскольку море было неспокойным – держались на большой воде ночь и весь следующий день. Между 19.00 и 20.00 задул крепкий норд-вест. Мое судно (“Львенок” № 5) взяло в себя много воды. Чрезмерная валкость и низкие борта способствовали постоянному прибыванию воды. Мы безостановочно откачивали ее с 23.00 вечера до 11.00 утра следующего дня, однако уровень воды в трюмах не опускался ниже 2 футов 20 дюймов. Предположив, что корпус корабля поврежден, я направил плотника и своих лейтенантов осмотреть судно и устранить протечки, но они не смогли их найти. Корпус был абсолютно цел.

Хотя у нас беспрерывно работали оба насоса, уровень воды неуклонно повышался, вскоре все свободные от вахт были вызваны на вычерпывание воды ведрами. Борьба за живучесть продолжалась с 16.00 до 20.00. Вскоре мы поняли, что корабль медленно тонет. Поскольку два судна, шедшие с нами, потеряли нас, и на помощь не было никакой надежды, я приказал спустить лодки и спасать людей. Спасти удалось только 40 человек, 17 погибли вместе с кораблем, не успев покинуть его. Мы гребли всю ночь, однако не могли приблизиться кберегу из-за отлива. Наутро нас подобрало английское судно и доставило в Роттердам. <–>

Преданный слуга
Вашей Светлости
Эдвард Попхэм».

Естественно, что «львята», несмотря на сильное вооружение, не стали угрозой для пиратов.

23 августа 1628 года герцог Бэкингэм был убит отставным офицером Джоном Фелтоном, английский король Карл I распустил парламент и стал править государством единолично. Лордом-адмиралом вместо убитого Бэкингэма был назначен Ричард Уэстон (чуть позже ставший первым графом Портлендом). Одновременно Уэстон стал лордом-казначеем, таким

образом, он возглавил министерство финансов и Адмиралтейство.

Хотя в 1629 году были подписаны мирные договоры с Испанией и Францией, английская торговля продолжала находиться в полном упадке, и вся политика Карла I сводилась к поиску денег. Ради увеличения бюджета король по совету Уэстона вспомнил уже давно забытые налоги типа *«временного ареста на рыцарское имущество»*(*Distraint of Knighthood*), согласно которому любой владелец земли стоимостью более 40 фунтов обязан был явиться на коронацию короля под угрозой штрафа. Естественно, Карл поступил бесчестно, «вспомнив »об этом древнем обычае в 1629 году, то есть через 4 года после своей коронации. Еще одной лазейкой для пополнения бюджета стал древний закон Эдуарда I *(«О Королевском лесе»),*где были обозначены границы королевских лесов. Естественно, к 1629 году границы заповедников были совершенно другими, и Карл без стеснения налагал штрафы на своих подданных. Возмутило даже ленд-лордов возрождение обычая, когда король становится опекуном осиротевших детей богатых родителей. Естественно, после такой опеки подросшие наследники переходили из категории обеспеченных в категорию босяков и голодранцев.

Но более всего ненавидели налог на корабли (*ships money*). Согласно закону, еще со времен Средневековья прибрежные города обязаны были платить королю за содержание военно-морской обороны побережья во время чрезвычайных ситуаций. В 1634 году Карл I объявил чрезвычайную ситуацию в прибрежных водах. В принципе он имел на это право, положение и правда было аховое. Из одного только Девона алжирские и фламандские пираты захватывали и уводили в рабство до 300 человек за год, а длилось такое положение уже пять лет. Кроме того, английские воды оккупировали голландские и французские рыбаки, которые ловили сельдь и макрель в прибрежных водах, не утруждая себя платой пошлин Англии. В море, под командованием адмирала Роберта Берти, 1-го графа Линдси, была выведена внушительная военная эскадра, включавшая в себя 19 королевских и 26 зафрахтованных торговых кораблей, которая разогнала голландские бусы у берегов Шотландии и захватила несколько вооруженных приватиров Соединенных Провинций [77], охранявших от атак фламандских корсаров рыбные промыслы. Конфискованные корабли нидерландцев вместе с уловом были приведены в английские порты, а Карл I издал указ, облагающий акцизом рыбную ловлю в территориальных водах королевства.

В 1635 году правительство Англии приняло закон, согласно которому от акцизов освобождались английские рыболовные суда, имеющие

водоизмещение более 600 тонн. Надо сказать, что этот закон был невероятно амбициозным и глупым, поскольку таких кораблей было раз-два и обчелся, тогда как 30–50-тонные бусы шотландских рыбаков (составляющие основу рыболовного флота Англии и Шотландии) теперь сдавали рыбу в Голландии и Франции, поскольку там они акцизов не платили.

На следующий год к устью Хамбера снова вышел Монетный флот (*Ship's Money Fleet* – как прозвали его в народе), где он крейсировал два месяца, охраняя собственные прибрежные воды. Граф Нортумберленд, возглавивший флот в этот раз, имел с собою пачку лицензий, которые он предлагал покупать захваченным голландским капитанам. Часть из них согласилась оплатить акцизы на лов рыбы у побережья Англии и вернулась с богатым уловом в Соединенные Провинции. Некоторые отказывались покупать лицензии, объясняя это тем, что ловят здесь рыбу издревле. Таких упрямцев вместе с судами препровождали в английские порты, где корабль конфисковывался и продавался через призовой суд. Тех рыбаков, кто не подчинялся и пытался бежать, просто расстреливали и сжигали. Демарш 1635–1636 годов поднял целую бурю возмущения в Голландии – из ниоткуда появился сильный английский флот, который не занимался грабежами испанцев (как во времена Елизаветы), не гнил мирно на приколе (как во времена Якова I и Бэкингэма), а твердо стоял на страже интересов своего государства.

Меж тем Карл I понимал, что против регулярного голландского или французского флота ему не устоять. Частный флот Бэкингэма, как мы уже говорили, совсем не оправдал надежд, и Карлом I была принята амбициозная кораблестроительная программа. В 1637 году в Вулвиче на воду было спущено уникальное парусное судно – 102-пушечный «Соверин оф зе Сиз». Это был самый сильный корабль на момент постройки, и именно его называют первым настоящим линкором в истории. Корабль имел размерения 127 х 46,6 футов, три артиллерийские палубы, осадку – 19 футов 4 дюйма. Водоизмещение нового линкора было равно 1522 тоннам. Размещение пушек было следующим: на нижней палубе – 30 пушек (пушки и полупушки), на средней – столько же (кулеврины и полукулеврины), на верхней – 26 пушек меньшего калибра; кроме того, под полубаком 14 пушек, под полуютом 12 и много амбразур в надстройках для ручного огнестрельного оружия. Общее число орудий на этом корабле было 126 [78]. Корабль имел 11 якорей с соответствующими якорными канатами; самый большой якорь весил 4400 фунтов [79]. Общая стоимость постройки

и оснащения нового корабля составила 26 177 фунтов стерлингов (для сравнения – постройка всех десяти «львят» обошлась герцогу Бэкингэму всего в 7000 фунтов стерлингов).

Не оставляли морское ведомство и мысли о разработке корабля против корсаров и пиратов. В 1635 году Монетным флотом был захвачен голландский приватир «Сван», построенный во Флиссингене как быстроходное парусное судно против дюнкеркских корсаров. Адмирал Пеннингтон настоял на включении «Свана» в состав флота, а по его образу и подобию были заложены и в 1636 году спущены на воду корабли «Робек» и «Грэйхаунд». К сожалению, результат оказался разочаровывающим – если «Сван» действительно оказался *«отличным ходоком»*, то новые корабли были медленными и маломаневренными.

В том же 1636 году в руки англичан попал настоящий дюнкеркский фрегат – «Никодемус», *«самый быстрый корабль в мире» (Most absolute sailer in the world).*Английское Адмиралтейство сразу же включило его в Королевский флот и выдало верфям заказ на постройку двух систершипов «Никодемуса» – «Экспедишн» и «Провиденс». Эти корабли получились несомненно удачными, но скорости, подобной «Никодемусу», не развивали.

Наконец, племянник Финнеаса Петта, Питер Петт, в 1645 году заложил первый настоящий фрегат – 32-пушечный «Констант Уорвик», который имел такое же парусное вооружение, как и «Соверин оф зе Сиз», но пушки у него были расположены на одной артиллерийской палубе. История создания этого уникального корабля стоит того, чтобы ее изложить. В 1640 году Карл I зафрахтовал или купил во Фландрии несколько дюнкеркских корсаров, славившихся легкостью хода и маневренностью. Эти корабли попали на верфь Вулвича, где граф Уорвик, глава морского ведомства в то время, оплатил и заказал постройку совершенно нового корабля на манер дюнкеркцев. По мысли Уорвика, следовало соединить силу «львят» и скорость и маневренность фламандских фрегатов. Питер Пет, разрабатывая новый корабль, взял за основу голландский приватир «Сван», считавшийся *«быстроходнейшим в мире»*. В то же время набор и обшивку Петт позаимствовал у настоящего дюнкеркского фрегата «Никодемус». В результате получился *«несравненный парусник»*(по словам графа Уорвика) – своего рода прообраз немецкого «карманного линкора» времен Второй мировой – крейсер, способный победить в бою любой корабль слабее себя и уйти от любого корабля сильнее себя. «Констант Уорвик» был сразу же зафрахтован в Парламентский флот (тогда в Англии уже началась Гражданская война и флот в полном составе перешел на

сторону парламента), а в 1646 году по его образу и подобию была заложена целая серия кораблей – «Нонсач», «Эдвенчур», «Эйшуранс».

По мысли разработчиков, подобные корабли должны были выполнять роль разведчиков в составе эскадры линейных кораблей, а также конвоировать торговые караваны. Размерения «Констант Уорвика»: водоизмещение – 315,5 тонн, длина – 85 футов, ширина – 26,5 футов, осадка – 13,2 фута, на артиллерийской палубе было расположено 12 кулеврин, 12 полукулеврин и 10 малых пушек. По его подобию была заказана целая серия фрегатов, множество из которых было построено к 1651 году.

Естественно, что строительство флота потребовало очень больших средств, и в Англии зрело всеобщее недовольство высокими налогами. Попытки правительства объяснить купцам выгоду от обладания своим сильным военным флотом провалились полностью – английских коммерсантов совершенно устраивала посредническая голландская торговля, им плевать было на разорение пиратами побережья Девона и Корнуолла. Уэстон с возмущением отмечал, что *«английский купец совершенно равнодушно смотрит на первенство голландцев в морских делах, и уверен, что голландцы сами приплывут с товаром, поэтому ему, английскому коммерсанту, плыть точно никуда не надо»*. При этом британские коммерсанты цинично оправдывали свое бездействие тем, что в случае голландских морских перевозок все риски встреч с пиратами и корсарами несут голландцы. И в случае захвата судов выкупать их будет Голландия, а не Англия. Поэтому строительство Карлом I флота воспринималось как бесполезный перевод средств, как королевская прихоть, стоящая бешеных денег. Вообще, вся эта ситуация очень напоминала то, что веком позже происходило в России, когда Петр I силком втягивал русских купцов в морскую торговлю, но встретил ожесточенное сопротивление и равнодушие к своим планам.

Очень часто английские историки отмечают, что именно строительство прообраза Роял Неви вкупе с роспуском парламента привело в конце концов Англию к гражданской войне.

В 1640 году Карл I после десятилетнего перерыва решил созвать парламент, поскольку денег ему отчаянно не хватало. И вот тогда пробил звездный час палаты общин – Джон Пим стал инициатором законопроекта, запрещавшего королю распускать парламент, а также накладывающего обязанность на государя созывать парламент раз в три года. Сразу же были приняты законы (без одобрения королем), запрещающие королю повышать или изменять налоги самостоятельно.

Разгневанный Карл I решил, что пришло время нанести ответный удар. 4 января 1642 года он отдал приказ арестовать лидеров оппозиции – Джона Пима, Артура Хаселрига, Джона Хампдена, Дензила Оллеса и Уильяма Строда. Всем пятерым удалось бежать, прежде чем прибыли солдаты. Члены парламента в ответ решили сформировать свою собственную армию. После провала попытки арестовать пятерых «лидеров несогласных» Карл бежал из Лондона в Йорк. Опасаясь, что гражданская война неизбежна, король начал собирать армию.

Английский флот в гражданской войне. Списочный состав аглийского флота на начало 1642 года:

Ранг	Название	Год постройки или перестройки	Тоннаж	Экипаж	Пушки	Годен на … года (лет)
I	Sovereign (of the Seas)	1637	1522	600	90	15
	(Royal) Prince (1649>Resolution)	1641	1187	500	70	20
	Merhonour	1616	946	350	40	5
II	Defiance	1616	857	250	38	2
	Rainbow	1617	731	240	40	10
	Constant Reformation	1619	742	250	«	7
	Victory	1620	721	260	«	7
	Swiftsure	1621	746	«	46	5
	St. Andrew (1650>Andrew)	1622	783	«	42	10
	St. George (1650>George)	1622	792	«	44	10
	Triumph	1623	776	300	«	7
	Vanguard	1631	751	250	40	5

Ранг	Название	Год постройки или перестройки	Тоннаж	Экипаж	Пушки	Годен на … года (лет)
	Henrietta Maria (1650>Paragon)	1633	793	«	42	9
	Charles	1633	810	«	44	9
	Unicorn	1634	767	«	46	9
	James	1634	875	«	48	10
III	Assurance	1601	600	200	34	2
	Dreadnought	1613	552	140	30	3
	Convertine	1616	621	200	34	3
	Antelope	1619	512	160	39	7
	Happy Entrance	1619	539	«	30	7
	Garland	1620	567	170	34	8
	Bonaventure	1621	557	«	32	8
	Swallow	1634	478	150	34	10
	Leopard	1635	515	160	34	10
	Lion	1640	620	170	40	20
IV	Mary Rose	1623	321	100	25	4
	Expedition	1637	301	110	14	5
	Providence	1637	304	«	14	5
V	8th Whelp	1628	162	60	14	2
	10th Whelp	1628	186	«	14	2
VI	Henrietta Maria Pinnaca	1624	68	25	6	4 в порту
	Greyhound	1636	126	50	12	7
	Roebuck	1636	90	45	10	-
	Nicodemus	1636	195	50	6	2
	Блокшивы					
V	1st Whelp	1628	105			
V	2nd Whelp	1628	105			
	Негодные					
II	Nonsuch	1603	619			
III	St. Denis (prize)	1635	-			
IV	Adventure	1594	287			
V	3rd Whelp	1628	196			

Численный состав, безусловно, проигрывал как голландцам, так и испанцам, однако Роял Неви имел в своем составе самые сильные корабли мира – «Роял Соверин» и «Принсесс Роял» и качественно превосходил своих возможных соперников на голову. Новые корабли требовали новых идей по их применению. Начал реформы в английском флоте «Лорд Высокий Адмирал» ((*Lord High Admiral*)) Альджернон Перси, 1-й лорд Нортумберленд, причем часто он подавал свои мемории королю лично, в обход парламента.

Главной тактикой морского боя англичане избрали артиллерийское сражение, но решили учесть уроки столкновений с Непобедимой армадой 1–8 августа 1588 года. Тогда их корабли избрали тактику обстрела испанцев на дальней и средней дистанции, и в результате просто не смогли нанести *донам*существенных потерь. Тогда же оказалось, что большие калибры нижних деков просто не достреливали до противника, а мелкие калибры верхних палуб оказались бесполезны. В результате было потрачено большое количество боеприпасов среднего калибра.

Нортумберленд предложил сделать ставку на ближний бой, но решить его должна артиллерия, а не абордаж. Исходя из этого, при Карле I во флотской артиллерии ввели облегченные пушки – «дрейки» (*drake*), более короткие и с довольно тонкими стенками, а заряд снизили до двух третей против обычного. В результате дульная скорость ядра упала с 1300 футов в секунду до 900 футов в секунду. Ядра с таких орудий на близкой дистанции не пробивали, а проламывали борта кораблей противника, что приводило к целому облаку щепы и обломков корпуса, которые ранили и калечили прислугу и экипаж противника. Тогда же основным принципом морского боя было провозглашено потопление вражеского судна, поэтому стрельбу старались вести по корпусу, а не по рангоуту и такелажу. Правда, случаи потопления от артиллерийского огня были весьма редки, после получения сильных повреждений и больших потерь в личном составе такой корабль спускал флаг.

Орудия ставились до тех пор, пока от уровня воды до нижних портов не оставалось расстояние в один метр. Во времена Карла пушки были поделены на большие (64, 42 и 32 фунта), средние (18 фунтов) и малые (5,25, 4 и 3 фунта) калибры. По замыслу адмиралов, при сближении использовались длинные орудия средних калибров, а в ближнем бою в дело вступали короткие большие и малые пушки, которые довершали дело. Абордажная тактика была отринута бесповоротно, поскольку сравниться с качеством испанской, французской и голландской морской пехоты англичане не могли. К началу Гражданской войны 64-фунтовые пушки уже

не применялись, осталось только небольшое количество короткоствольных камнеметов, соответствующих калибру 64-фунтовых пушек, но стрелявших каменными ядрами в 24 фунта. Семидюймовые 42-фунтовые пушки имелись на флоте в небольших количествах, в основном на «Роял Соверене».

В июне 1642 года, когда уже началось противостояние короля и парламента, согласно указу Его Величества главой Адмиралтейства (*Lord High Admiral*) был назначен адмирал Джон Пенингтон (уже известный нашему читателю по сражению у Даунса в 1639 году). В пику королю парламент, считая, что Пенингтон является ярым приверженцем роялизма, предложил этот же пост Роберту Ричу, 2-му графу Уорвику, истому пуританину и настоящему выразителю интересов джентри [80]. В отличие от Пенингтона, профессионального моряка (на флоте с 1617 года), Уорвик знал о море только то, что оно есть и оно мокрое. До этого новый глава Адмиралтейства (по совместительству – владелец колониальных плантаций в Вирджинии) был на кораблях в качестве пассажира. Как ни странно, бывший «Лорд Высокий Адмирал» (а теперь Первый лорд Адмиралтейства) – Альджернон Перси, 1-й лорд Нортумберленд – поддержал кандидатуру Уорвика, поскольку сам был пуританином. Вице-адмиралом поставили Уильяма Бэттена (*Batten*) настоящего джентри, владельца акций Московской компании, сюрвейера [81]английского флота (1638 год). Разгневанный Карл сместил Нортумберленда с поста, назначив туда Пенингтона, однако флот полностью подчинился парламенту. Уорвик получил поддержку на кораблях, воспротивились только 4–5 капитанов, которые были сразу же уволены, а военный совет флота выдал на-гора резолюцию о том, что большинство офицеров флота являются смиренными подданными Его Королевского Величества, однако нижайше просят Карла управлять страной и флотом совместно с парламентом. Таким образом, флот поддержал монарха только на словах.

В этот момент было вооружено 16 кораблей и 16 частных приватиров, а также 2 корабля и 8 приватиров находились у берегов Ирландии. В начале 1643 года король и парламент начали переговоры, однако, поскольку Карл в части флота требовал безоговорочного выполнения своих приказов (то есть до начала переговоров парламент должен был сместить Уорвика, Нортумберленда и Бэттена и поставить во главе флота Пенингтона), договориться ни о чем не удалось. Английский монарх очень надеялся на помощь Франции, однако сменивший кардинала Ришелье Джулио Мазарини совершенно не собирался вступать в конфликт с английским

парламентом, хотя и не препятствовал сношениям короля с английской королевой Генриеттой-Марией Орлеанской, жившей тогда в Париже.

Задачей же Парламентского флота (*Parliamentary Navy*) стало прерывание сношений Карла I с иностранными государствами, где Генриетта-Мария вербовала сторонников и закупала припасы для Карла. В кампанию 1643 года английский флот был существенно усилен – до 28 кораблей, не считая приватиров. В феврале королева попыталась отправить из Голландии 4 судна с деньгами и припасами для короля. После тяжелого плавания по бурному морю транспорты прибыли в Скарборо, но буквально через два часа появился Уильям Бэттен с эскадрой и без предупреждения открыл огонь по городу и кораблям в гавани. Часть ядер попала в дом, где расположилась королева Генриетта, жизнь ее была в опасности, однако спас роялистов голландский флот – с востока появилась эскадра Маартена Тромпа, который до этого конвоировал суда с королевой, с явным намерением не допустить корабли Бэттена. Англичане были вынуждены ретироваться.

В августе роялистские войска осадили Эксетер, Уорвик решил помочь снять блокаду и доставить боеприпасы в город. Однако этот поход закончился полным провалом – три его корабля сели на мель, чуть позже два из них были захвачены роялистами, и один – сожжен.

В мае 1644 года Ирландская эскадра смогла перехватить и потопить судно с солдатами, шедшее на помощь королю. Карл, чтобы обеспечить перевозки, был вынужден комплектовать свой флот, независимый от парламента. В этом ему сильно помогали шотландские лендлорды и голландцы. Король решил воспользоваться своим законным правом и начал выдавать частным судовладельцам каперские свидетельства, поскольку эта мера не только позволяла ему сформировать военно-морские силы, но и давала дополнительный доход от захваченных призов. В ответ парламент специальным указом аннулировал все *Lettres of Marque* [82], выданные королем.

Весной 1645 года умер Пенингтон, на его место Карл назначил вице-адмирала Джона Меннеса (*Mennes*), который с нанятыми королем каперскими судами действовал в водах Ирландии. В свою очередь Бэттена сменил вице-адмирал Роберт Моултон (*Moulton*). Заслуживающих внимания сражений не происходило.

В 1646 году король бежал в Шотландию, первый этап гражданской войны закончился без какого-либо вмешательства со стороны иностранных государств. Карл не смог получить существенную помощь извне, соседи Англии признали, что теперь ею правит другая сила – парламент.

Что касается флота – он, по сути, обеспечил невмешательство иностранных государств. Однако – парадокс – именно к 1647 году на флоте начали подниматься роялистские настроения. Связано это было с тем, что морские офицеры до последнего верили, что парламент все же будет править вместе с королем, и бегство Карла поставило вопрос о выборе стороны конфликта ребром. Первым звонком стал уход Бэттена, который вышел в отставку из-за своей « *неудовлетворенности*», однако он обещал вернуться в случае улучшения ситуации. Но уже 5 октября 1647 года на его место был назначен армейский полковник Томас Рейнсборо, сторонник индепендентов [83], но на флоте это назначение было принято очень сдержанно. В начале 1648 года, когда Рейнсборо хотел принять командование над своим флагманом «Констант Реформейшн», моряки просто не пустили его на борт.

Мятеж

Здесь следует сделать небольшое отступление. Дело в том, что в 1646 году общественное мнение Англии раскололось. Часть лидеров парламента считала – цели Революции [84]достигнуты. Произвол короля и его министров ограничен, попытка монарха силовым путем насадить абсолютизм провалилась. Старые свободы защищены, удалось избежать интервенции, ну а король рано или поздно смирится и вернется в Англию править в соответствии с ее законами. Самая большая часть *«революционно настроенных масс»*просто потерялась – с одной стороны, присяга королю, с другой – понимание, что жить по-старому нельзя. Так, к примеру, Джон Хотэм, оказавший вместе со своим отцом сопротивление королю, пытавшийся овладеть в 1642 году арсеналом города Гулль (Халл, Кингстон-апон-Халл) и затем перешедший на сторону короля, так объяснял свое поведение *: «Ни один человек, обладающий в какой-то мере долей в государстве, не может желать победы ни одной из сторон… (ибо) это служило бы великим искушением… огромное количество нуждающихся людей всей страны немедленно восстанут, и это приведет к полному разорению всей знати и джентри»*. Граф Эссекс на заседании парламента в 1644 году выразился еще более отчетливо: *«Является ли это* ***той****свободой, которую мы взялись защищать, проливая нашу кровь?.. Потомки скажут, что для освобождения их от гнета короля мы подчинили их гнету простого народа»*. Третьи (к ним, прежде всего, относилось большинство армейских офицеров) считали, что войну с королем надо довести до конца. Что монархии должна наследовать республика. Что следует провести реформы в экономической и политической жизни страны.

Этому немало способствовал сам король Карл I. После поражения он бежал в Шотландию, надеясь на поддержку соотечественников, но шотландцы, недолго думая, выдали его армии парламента за 400 тысяч фунтов (официально это называлось возмещением военных издержек). Пленного монарха разместили в Хэмптон-Корте, однако 11 ноября 1647 года Карл смог бежать из заключения, причем историки до сих пор спорят, был ли побег короля делом рук роялистов, или его организовали индепенденты, чтобы в открытом столкновении довести свою борьбу со Стюартом до конца. В этот раз король бежал на остров Уайт, откуда надеялся перебраться в Голландию или Францию, чтобы возглавить

вторжение в Англию. Чуть ранее Роберт Хаммонд, губернатор острова Уайт, принес королю свои заверения в лояльности, поэтому Карл был уверен в удачном исходе дела, однако Хаммонд отрекся от своих слов, сказав, что верен парламенту, и взял беглого монарха под стражу. В 1648 году губернатор получил секретное предложение от парламента (через майора Рольфа) *«убить заключенного при попытке к бегству»*, но отказался от этой сомнительной чести. Таким образом, король опять оказался в плену.

Естественно, все эти события отразились и на флоте. Рейнсборо был смещен, главнокомандующим снова сделали Бэттена. В середине июня взбунтовались команды кораблей «Констант Реформейшн», «Робак», «Хинд», «Суоллоу», «Пеликан», «Сэтисфэкшн», «Конвертайн», «Энтилоуп» и «Крешент». В начале июля 1648 года эти корабли перешли в Хельвутслейс в Голландии и приняли руку принца Уэльского. Вскоре к ним присоединился сам Бэттен с «Констант Уорвик» и «Гини». Теперь в Голландии находилось 17 роялистских кораблей, командование флотом принял сын Карла I – Чарльз, принц Уэльский. Парламент разразился гневной прокламацией.

В конце августа 1648 года отряд графа Лодердейла и принца Уэльского высадился в Кенте в надежде на роялистское восстание, однако, узнав о разгроме повстанческих отрядов у Колчестера и Престона, решил вернуться обратно. Тем временем Уорвик смог собрать 20 кораблей (6 из них перевели из Портсмута) и двинулся с эскадрой в Хельвутслейс. 19 сентября он был на рейде голландского порта. Соединенные Провинции оказались в щекотливом положении. Нидерландцы, с одной стороны, не могли допустить атаки роялистских кораблей, воспользовавшихся их гостеприимством, с другой стороны – нельзя было позволить роялистам напасть на эскадру Уорвика, так как это грозило войной с Англией. В итоге нашли поистине соломоново решение – решили отделить один флот от другого, разместив между ними большую эскадру Маартена Тромпа, чтобы не дать им возможности сражаться.

Вскоре к Уорвику присоединились новые корабли, и тот смог начать блокаду Хельвутслейса. Голландцы, видя такое развитие событий, стали отмежевываться от роялистов, поставки провизии на эскадру принца Карла практически прекратились, в результате 4 корабля решили еще раз сменить « *ориентацию*», перейдя на сторону Уорвика. В этой ситуации принц Уэльский покинул флот, командование взял принц Руперт Пфальцский, который вместе со своим братом Морицем, пользуясь непогодой, вырвался в море и повел корабли в Ирландию, чтобы там при поддержке местных

католиков продолжить сопротивление.

Одиссея принца Руперта

Решение прорываться из Хельвутслейса в Ирландию возникло осенью 1648 года. Но даже в ноябре, после того как флот Уорвика ушел на зимние квартиры, Руперт не мог выйти в море, поскольку его корабли не были укомплектованы экипажами и не были снабжены провиантом и боеприпасами. Король писал Руперту: *«Для оплаты наших долгов необходимо захватывать торговые суда парламента»*, но для этого надо было хотя бы выйти в море.

Чтобы снарядить эскадру, принц Руперт Пфальцский решил продать медные пушки «Энтилоуп», а также заложил драгоценности своей матери Елизаветы Стюарт, сестры короля Карла I. Это позволило ему полностью снарядить 30-пушечный «Гини» и 14-пушечный «Робак», которые вышли в море и захватили два приза. Продажа захваченных судов дала Руперту возможность снарядить остальные корабли и выйти в море 21 января 1649 года большой эскадрой. В Ирландию направились 42-пушечный «Констант Реформейшн» (флагман), 40-пушечный «Конвертайн» (флаг Морица Пфальцского), 34-пушечный «Суоллоу» (флаг Джона Меннеса), «Робак», «Гини» (переименованный роялистами в «Чарльз»), «Пеликан» и 34-пушечный приватир «Джеймс». «Энтилоуп» был разоружен и остался в Хельвутслейсе (позже он был атакован и сожжен абордажной партией с «Хэппи Энтрас»). В это время контр-адмирал парламентского флота Моултон стоял с тремя кораблями в Даунсе, но, узнав о выходе Руперта, сам в море не вышел, что позволило принцу Пфальцскому миновать Канал и дойти до Кинсейла. Узнав о казни Карла I (30 января 1649 года) и провозглашении Протектората во главе с Оливером Кромвелем, принц Руперт поклялся отомстить. Чтобы привлечь как можно больше моряков и приватиров, он ввел очень либеральную политику по выплате призовых (оставляя себе только $^{1}/_{5}$ часть), и это привело в его ряды корсаров Дюнкерка и немецкого Мюнстера. Весной 1649 года купцы Бристоля жаловались, что ни одно судно не может войти в Ла-Манш без риска быть захваченным. К апрелю у контр-адмирала роялистской Ирландской эскадры – Репера – было уже 28 приватиров, которые вели свободную охоту у Западных Подходов.

И вот тут парламент решил-таки обратить свой взор на флот. Смешно, но палата общин в принципе не только проголосовала за те нововведения,

которые в свое время принял Карл I, но еще и расширила их.

Было решено реализовать целый комплекс мер, дабы усилить флот. Во-первых, комиссионеры Адмиралтейства решили пересмотреть вооружение кораблей – были полностью отринуты 64-фунтовые пушки, стрелявшие каменными ядрами, а вместо них решили расширить средний калибр, введя дополнительно 24– и 12-фунтовые орудия. Теперь корабли могли давать не 10 залпов в час, как раньше, а 20, то есть вес выбрасываемого металла в единицу времени увеличился в полтора раза, несмотря на уменьшение калибров. Пушки в 32, 24, 18 и 12 фунтов назвали « *ship's killers*» (уничтожители кораблей), а орудия калибром от 9 фунтов и меньше – « *murderers*» (убийцы личного состава). Естественно, большие калибры также были «дрейками», что было очень важно, поскольку позволяло ставить более легкие пушки больших калибров на относительно небольшие корабли, поэтому по весу залпа английские корабли не имели себе равных. Приватиры Руперта, ставившие, по подобию голландцев и дюнкеркцев, на старый добрый абордаж, после реализации этих мер оказались в проигрышном положении.

Далее – не вполне доверяя флотским начальникам, уже не раз доказавшим свою ненадежность, решили назначить «морских генералов» – выходцев из армии, безусловно поддерживающих парламент. Ирландским флотом назначили командовать Эдварда Попхэма, эскадру Даунса возглавил Роберт Блейк (ранее служивший под началом Попхэма), а Портлендскую – Ричард Дин (инспектор английской артиллерии, родственник Оливера Кромвеля).

Попхэм начал энергичную борьбу с роялистами: было взято до 13 роялистских призов (в том числе – 30-пушечный «Гини»), Руперта заблокировали в Кинсейле. На суше у роялистов и ирландцев дела также не ладились – Ормонд был разбит у Дублина, 15 августа 1649 года на Зеленом острове высадились войска Оливера Кромвеля. Вскоре эскадра Роберта Блейка блокировала Кинсейл с моря, сдались ирландские города Корк и Вексфорд, английская армия продвигалась к Кинсейлу с суши.

Но не было бы счастья, да несчастье помогло – 20 октября крепкий норд-ост буквально сдул блокадный флот Блейка к Милфорду, и Руперт смог выскользнуть с «Констант Реформейшн» (52 пушки), «Конвертайн» (46), «Суоллоу» (40), «Секонд Чарльз» (40), «Блэкмур Леди» (18), «Мэри» (24), «Скот» (30), «Хоупфул Эдвенчур» (30), «Блэк Найт» (14) и «Генри» (36). Оставшиеся в Кинсейле «Джеймс» и «Робак» позже были захвачены войсками Кромвеля.

Еще раньше перед Рупертом встал выбор – куда идти? Понимая, что

дело роялизма в Англии, Ирландии и Шотландии проиграно бесповоротно, он тем не менее надеялся на поддержку одного из монархов Европы. Нашел он сочувствие в Португалии, где Жуан IV (знакомый нам герцог Браганса) с радостью предоставил принцу убежище. 20 ноября 1649 года корабли Руперта бросили якорь в устье Тахо (Тежу). По пути роялистам удалось захватить три приза, два из них были приняты в эскадру. В Лиссабоне Руперт продал «Блэкмур Леди» и «Конвертайн», а на вырученные деньги зафрахтовал голландский 30-пушечный приватир «Блэк Принс» и довооружил и пополнил экипажи остальных своих кораблей. Однако Жуан IV, опасаясь испортить отношения с Англией и ее торговыми компаниями, запретил Руперту каперские операции в водах Португалии.

Тем временем кромвелисты тщетно искали принца в ирландских водах, и только в начале 1650 года стало известно, что Руперт в Португалии. Тотчас же Государственный совет признал роялистскую эскадру пиратской и 17 января 1650 года послал к берегам Иберийского полуострова мощный отряд под командованием «морского генерала» Роберта Блэйка в составе 54-пушечного корабля «Джордж», 56-пушечного «Леопард», 40-пушечного «Хэппи Энтранс», 37-пушечного «Бонавенчер», 36-пушечного «Эдвенчер», 32-пушечных «Тайгер», «Констант Уорвик» и «Эшьюранс», а также 30-пушечных «Джон», «Провиденс» и «Экспедишн». В качестве вспомогательных судов в состав входили брандер «Сигнет», «Львенок» № 10, кечи «Уильям» и «Патрик» и 28-пушечный приватир. С Блэйком отплыл и Чарльз Вэйн, брат сэра Генри Вейна (лидера индепендентов), который отвечал за дипломатическую составляющую миссии. Одновременно с этими мерами парламент потребовал от Мазарини, первого министра короля Людовика XIV, признания Протектората, угрожая в противном случае начать в Канале войну против французской торговли. Мазарини, уже имевший к тому времени проблемы с Фрондой принцев крови и непрекращающуюся войну с Испанией, не желал ввязываться в еще одну войну и признал Кромвеля. С другой стороны – в Европе явно не сочувствовали парламенту, а поддерживали роялистов, доказательством чему может служить теплый прием, устроенный Руперту в Португалии, и изгнание англичан из России.

10 марта Блэйк появился у гавани Лиссабона. Тотчас же было послано требование к королю Жуану IV разрешить вход на рейд Парламентской эскадре и сотрудничать с ней в поимке или уничтожении пиратской эскадры Руперта. На следующий день Блэйк попытался войти в устье Тахо и подняться вверх по реке, но береговые батареи португальцев произвели несколько предупредительных выстрелов, и «морской генерал» был

вынужден отказаться от своих намерений. После этого Блейк остался на рейде и потребовал, чтобы португальцы заставили Руперта выйти в море, но получил отказ. Далее, обе эскадры несколько месяцев оставались на якорях, и обе стороны пытались убедить португальцев, что другая сторона была мятежной.

Тем не менее ситуация была тупиковой. Требования Блейка выдать Руперта или заставить его выйти в море или разрешить Блейку атаковать Руперта были португальцами отвергнуты.

В начале апреля у Тахо появились два французских корабля; они знали о присутствии здесь Руперта и, спутав с ним флагман Блейка «Джордж», отсалютовали «Джорджу». Последовал неприятный инцидент, но Блейк не пошел на обострение с французами и отпустил их. Во время заполнения бочонков водой на берегу между враждующими партиями были постоянные стычки: Руперт обвинял кромвелистов в попытках захватить его, а те – в попытке взорвать вице-адмиральский «Леопард»: моряк и два негра в португальской одежде направились к «Леопарду», имея в лодке бочонок с зажигательной смесью (Руперт увлекался химией), с целью поджечь «Леопард», но английская речь выдала их, и попытка не удалась.

В свою очередь на роялистской эскадре дела были совсем плохи: настроение экипажей было мятежным, было много дезертиров, так что Руперту пришлось даже 10 из них повесить на реях. Положение с экипажами становилось отчаянным, даже на флагмане Руперта из команды в 300 человек осталось всего 40; это было сборище настоящих бандитов, которых привлекали только призовые деньги.

21 мая Блэйк захватил 10 английских торговых кораблей, зафрахтованных португальцами для торгового конвоя в Бразилию. Тут же он направил Жуану IV письмо, в котором предлагал освободить эти суда, если король передаст Парламентскому флоту корабли Руперта. Португальский монарх, прочитав послание Блэйка, рвал и метал – в ярости Жуан IV приказал арестовать всех находящихся на территории Португалии английских подданных, сочувствующих Протекторату, а эскадре Блэйка было запрещено использовать португальские гавани и брать питьевую воду у португальских берегов. В результате необдуманного поступка своего командующего Парламентский флот был вынужден теперь посылать за провизией и водой корабли в Кадис.

Однако 26 мая к Блэйку прибыло подкрепление – эскадра Эдварда Попхэма в составе 68-пушечного «Резолюшн», 42-пушечного «Эндрю», 36-пушечного «Феникс», 28-пушечного «Сатифэкшн» и четырех торговых судов с провиантом и припасами. Попхэм же привез приказ парламента

Блэйку начать операции против португальской торговли, если Жуан IV не согласится на требования Англии. В этой ситуации португальский король попросил Руперта по возможности покинуть португальские воды. В ночь с 21 на 22 июля Руперт снялся с якоря и вместе с 22 португальскими и несколькими французскими судами взял курс в открытое море. Жуан нашел хитрый выход – он сообщил Руперту, что в его атаке на Блэйка принца поддержит португальский флот, поскольку Браганса уж очень хочет отомстить за 10 захваченных кораблей. В этот момент Блэйк был ослаблен – 7 его кораблей ушли в Кадис за провиантом и водой, у «морского генерала» было только 10 кораблей и 9 «бразильцев», захваченных в мае и включенных в Парламентский флот.

Однако вскоре португальцы отстали, а потом и вовсе бросили якорь, не выходя из устья реки, и Руперт оказался предоставленным сам себе. До 28 июля принц раздумывал, атаковать ему или нет, но потом подошли корабли из Кадиса, и Руперт вернулся в Лиссабонскую гавань.

19 августа Блэйк захватил и потопил богатый португальский корабль, возвращавшийся с грузом из Индии (ценностью в 100 тысяч фунтов стерлингов). 14 сентября «морской генерал» атаковал «Бразильский флот» (23 торговых судна), захватил шесть и сжег одно судно. На призах было взято 4000 ящиков сахара и 400 пленных. Еще 5 кораблей из этого злосчастного конвоя захватил позже Попхэм.

После этих событий Жуан IV резко охладел к Руперту, поэтому 12 октября принц был вынужден покинуть Лиссабон с «Констант Реформейшн», «Суоллоу», «Блэк Принс», «Секонд Чарльз», «Генри» и «Мэри», и направился в Средиземное море, захватив по пути 3 торговых английских судна.

18 октября Руперт миновал Гибралтарский пролив. Далее он взял курс на Малагу, где, по слухам, находилось много английских торговых судов. Данные эти подтвердились, и принц решил отправить замаскированный под купца «Генри» на рейд Малаги, с которого абордажные партии ночью должны были напасть на торговые суда. Сам же Руперт с основными силами планировал войти на рейд порта в полночь, чтобы ловить и захватывать беглецов. Однако план этот провалился – часть команды дезертировала с «Генри» и предупредила о готовящемся нападении испанские власти.

Разочарованный Руперт отплыл к Велес-Малаге, где стояли 4 английских купца. Губернатор этого порта не разрешил принцу войти в гавань, тогда принц соорудил брандер и пустил его на торговцев. В результате два купца сгорели. Роялисты взяли курс на Гибралтар, но там

столкнулись с флотом Блэйка, который 20 октября после жаркого боя захватил 36-пушечный приватир Руперта «Жюль». «Морской генерал» после боя отошел к Кадису, чтобы продать приз, а «Сэконд Чарльз» в это время смог захватить торговца «Уильям энд Джон».

Тем временем парламент решил послать в Средиземное море для защиты торговли адмирала (*commander in chief*) Уильяма Пенна с 4 кораблями. У берегов Испании Блэйк должен был оставить Пенну свои лучшие корабли, а сам – возвращаться домой. Также Пенн имел и еще одно спецзадание – надо было перехватить Бразильский флот, чтобы, во-первых, проучить короля Португалии, а во-вторых – достать деньги для снаряжения и снабжения эскадры.

Блэйк же 3 ноября застиг врасплох у мыса Палос отделившиеся для крейсерства «Генри», «Блэк Принс», «Сэконд Чарльз», «Мэри» и два приза и загнал их в Картахену, откуда они уже никогда не вышли. При этом походя был захвачен «Генри», а «Блэк Принс» разбился при входе в гавань Картахены. До 23 ноября Блэйк искал повсюду оставшиеся корабли Руперта, дошел даже до Майорки, 13 декабря вернулся в Кадис, а 10 февраля 1651 года прибыл в Англию. Попхэм вернулся еще 24 октября 1650 года.

Результатом действия английских эскадр у берегов Иберийского полуострова стало то, что Испания признала Протекторат.

Руперт же 6 ноября после жаркого боя захватил английский корабль «Мармадюк», а потом прибыл на Балеарские острова. Далее он взял путь на Тулон, но попал в жестокий шторм, был отнесен на «Констант Реформэйшн» к Мессине, получил существенные повреждения. Брат же Руперта, принц Мориц, сумел со «Суоллоу» и «Мармадюк» дойти до Тулона.

Руперт пару недель ремонтировал в Мессине свой корабль и присоединился к брату 25 ноября 1650 года. В Тулоне их ласково встретил адмирал Франции Сезар де Бурбон, герцог де Вандом, который рассматривал Руперта как союзника по войне с Испанией. Благодаря Вандому Руперт смог выгодно продать во Франции груз с «Мармадюк», переоборудовать свои суда и докупить еще несколько кораблей. «Мармадюк» теперь стал «Ривендж оф Уайтхолл» (Месть за Уайтхолл), были куплены английский приватир «Хонест Симен» и еще одно судно – «Лоял Сабджект». К апрелю 1651 года вместе с «Констант Реформэйшн» и «Суоллоу» роялистская эскадра насчитывала 5 кораблей. Когда до Руперта дошли слухи, что в марте 1651 года в Средиземное море вошел адмирал Пенн с 8 кораблями, он понял, что оставаться ему здесь слишком опасно.

Поскольку Пенн знал, что Руперт находится в Тулоне, принц распространил слух, что собирается идти в Эгейское море, а сам 7 мая миновал Гибралтар и взял курс на юг. Вообще, изначально принц планировал плыть к Барбадосу, где были сильны роялистские настроения, но команды его судов – настоящее отребье, служащее только за призовые деньги – настояли на плавании к островам Зеленого Мыса, поскольку там надеялись захватить много купцов. Однако по пути они смогли взять только три генуэзских корабля и один испанский, эскадра вернулась к Мадейре, где продала призы, кроме одного, который был включен в состав отряда под наименованием «Сент-Майкл зе Эркэнджел». 25 июля Руперт и Мориц прибыли в порт Сен-Мигель на Азорских островах, где их тепло принял португальский губернатор. За время стоянки «Сент-Майкл зе Эркэнджел» сбежал вместе со всей командой в Англию, а шторм у острова Терсейра, разыгравшийся 26 сентября 1651 года, погнал эскадру Руперта в океан. На «Констант Реформэйшн» не выдержал корпус, и образовалась сильная течь. Четверо суток экипаж упорно боролся за жизнь корабля. 30 сентября, видя, что корабль тонет, «Суоллоу» и «Хонест Симен» подходили к флагману Руперта с намерением забрать команду, однако капитан «Констант Реформэйшн» Энтони Честер отказался покинуть корабль. Пример его оказался настолько заразителен, что вся команда, большую часть которой составляли явно не «люди чести», также решила разделить участь судна. В 21.00 корабль разломился на волнах и утонул. Вместе с ним утонули и 300 человек экипажа. В этом же шторме был потерян «Лоял Сабджект». 7 декабря потрепанные корабли Руперта пришли к Кабо-Бланко у берегов Западной Африки, где занялись починкой уцелевших кораблей. Отсюда же Руперт на голландском торговом судне отослал долю от захватов принцу Уэльскому, который теперь роялистами именовался королем Англии Карлом II. Он также просил в письме, чтобы из своей доли Карл II оплатил его долги, сделанные в Тулоне зимой 1651 года.

26 января 1652 года отряд Руперта взял курс на устье реки Гамбия, где был установлен контакт с колонией герцогства Курляндского. Курляндцы помогли Руперту найти английский торговый корабль, который был захвачен и под именем «Джон» введен в состав эскадры. Вскоре удалось захватить еще два английских и один испанский корабль. Британские суда «Сапплей» и «Френдшип» (переименован в «Дифайнс») были прикреплены к отряду, испанский же приз Руперт от доброты душевной подарил курляндцам в награду за их помощь роялистам.

В Дакаре у Руперта произошел инцидент с местными африканскими царьками, которые удерживали сошедших на берег матросов. В результате

стычки принц получил стрелу в руку, которую сам же и вырезал ножом на глазах у своих сторонников, превозносивших мужество Руперта.

В течение месяца роялисты смогли захватить еще пару судов, одно из которых – 18-пушечное «Сара» – было включено в состав отряда. Однако «Ривендж оф Уайтхолл» был потерян, его команда взбунтовалась и увела корабль в Англию. 9 мая 1652 года эскадра наконец отправилась к Вест-Индии. «Суоллоу», «Хонест Симен», «Дифайнс», «Сара», «Джон» и еще одно захваченное у Кабо-Верде судно – таким был состав отряда. 29 июля он прибыл на Мартинику, где узнал, что недавно прибывшая в Вест-Индию эскадра Джона Аскью уже привела английские колонии к присяге Протекторату. В отчаянии Руперт взял курс к северным Наветренным островам, надеясь поживиться призами. Но сначала его встретили пушки Монтсерата, потом – Невиса. Когда Руперт прибыл на Сент-Киттс, который был поделен между Англией и Францией, английские власти сразу же предупредили французов, что в случае торговли последних с роялистами всех их товары и собственность на английской части острова будут конфискованы. Все же Руперту удалось продать приз, захваченный у Монтсерата, и товары, и 20 июня 1652 года он взял курс на Виргинские острова, где принц планировал отремонтировать свои корабли и создать небольшой укрепленный форт, который служил бы базой для вылазок роялистов. 13 сентября корабли Руперта попали в страшный ураган, которыми так славится Карибское море. «Суоллоу» во время шторма потерял почти все паруса и мачты, и только чудом смог добраться до якорной стоянки острова Санта-Анна (Виргинские острова). Что касается «Дифайнс» – тот сгинул бесследно. Вместе с кораблем погиб и брат Руперта – принц Мориц.

25 сентября, поставив фальш-мачты и запасшись питьевой водой, «Суоллоу» вышел в море, поскольку над экипажем реально возникла угроза голода. 5 октября около Монтсерата смогли захватить небольшой английский корабль, потом погнались за испанским купцом, но тот смог уйти, и 10 октября Руперт вошел на рейд Гваделупы. Там Руперт узнал, что Англия на данный момент ведет войну с Голландией, поэтому голландцев он теперь мог рассматривать как своих естественных союзников. 30 октября у Антигуа принц захватил два английских купца, а 11 ноября – одно судно у Гваделупы. 12 декабря Руперт, заболевший к тому времени лихорадкой, решил вернуться во Францию. 16 января 1653 года роялистские корабли достигли Азор, где рассчитывали на радушный прием, однако были встречены огнем береговых батарей – Португалия к тому времени уже признала Протекторат. 4 марта 1653 года «Суоллоу» вошел на

рейд французского Сент-Назера. Корабль был в ужасном состоянии, и его сразу же пустили на слом. Руперт, сойдя на берег, тут же упал без чувств. Он был на грани физического истощения, кровь пошла горлом, и в течение пяти недель врачи боролись за его жизнь.

Так закончилась эта необыкновенная одиссея принца Руперта. Он смог попортить много крови республиканцам, но конец его эскадры был предрешен заранее – ставка на крейсерскую войну изначально была проигрышной. Что касается Парламентского флота – погоня за Рупертом, по сути, стала для англичан разминкой перед войной с Голландией. Британские экипажи получили опыт многомесячных плаваний и крейсерств, флот был полностью отмобилизован и вооружен по новым стандартам. В результате голландцам пришлось испытать на себе всю мощь английского флота и искусство его «морских генералов».

Заключение

1

15 мая 1648 года в Оснабрюке и 24 мая в Мюнстере были заключены мирные соглашения между частью стран – участниц Тридцатилетней войны. Испания заключила мир с Голландией, теперь Голландия была признана независимым государством. Швеции досталась Западная и часть Восточной Померании с портом Штеттин, признание суверенитета получили также и Швейцарские кантоны, Франция по результатам переговоров смогла выторговать себе Эльзас (за исключением города Страсбург).

Тем не менее война между Францией и Испанией продолжилась до 1659 года. Самым же длительным оказался португало-испанский конфликт – он длился аж до 1668 года. В конце концов Жуан IV смог отстоять независимость своего королевства, хотя это далось дорогой ценой. Испанцы с кровью и нечеловеческими усилиями все же смогли отстоять Каталонию и свои территории в Италии, но это все, чем мог похвалиться сваленный колосс. Английский историк Давид Юм отмечал: *«Испания, подвергавшаяся все это время со всех сторон мощному натиску внешних врагов со всех сторон, и обессиленная множеством внутренних смут, сохранила от былого величия лишь непомерную спесь своих правителей вместе с завистью и ненавистью своих соседей»*.

Время Испании-супердержавы закончилось. Страна была в состоянии *desengaño*(депрессии). Как писал современник: *«Кастилия, которую Филипп IV передал своему четырехлетнему сыну, была нацией, ожидающей спасителя. Она познала поражение и унижение от рук своих исконных врагов, французов. Она потеряла последние следы гегемонии в Европе и видела, как некоторые из самых ценных заморских владений пали в руки еретических англичан и голландцев. В ее денежной системе царил хаос, ее промышленность лежала в руинах, ее население потеряло силу духа и уменьшилось… Кастилия умирала, и экономически, и политически; и это – в то время, как с нетерпением ожидающие ее конца иностранные плакальщики собирались у ее смертного ложа, и их агенты обдирали дом»*. Странная апатия овладела трудолюбивым, сильным и смелым народом, народом, познавшим радость побед и величие гегемона. Взошедший на престол болезненный бездетный Карл II лишь только подчеркивал тихое угасание нации.

Место Испании в мире заняла Голландия. Хотя территория Соединенных Провинций составляла всего 25 тысяч квадратных километров, где проживало 2 миллиона человек, к середине XVII века страна добилась значительных успехов в экономике. Развитое земледелие позволило Голландии превратиться в передовую сельскохозяйственную державу: хлеб, мясо и молоко стали одной из основных статей экспорта.

Торговый флот Голландии к середине XVII века насчитывал около 20 тысяч судов и имел первостепенное значение для развития торговли между Голландией и другими странами. К 1640-м годам голландцы начали добычу китов у берегов Исландии и Шпицбергена. Китобойный промысел приносил сказочные барыши – например, в 1650 году чистый доход от продажи жира, ворвани и китового уса составил без малого 10 миллионов гульденов (для сравнения – содержание голландской армии тогда обходилось в 17 миллионов гульденов).

Судостроение также переживало эпоху расцвета. В одном только Амстердаме имелось несколько десятков корабельных верфей, в окрестностях Зандама – более 60 верфей. Строительство судов в Голландии обходилось в полтора-два раза дешевле, чем в Англии, и во много раз дешевле, чем в любых других станах. Понятно, почему здесь строилась половина флотов для всех государств. Голландия стала своеобразной верфью Европы. Даже английские арматоры часто размещали заказы именно у голландцев. Развились также сопутствующие производства – канатное, парусное, бумажное, стекольное, кирпичное, деревообрабатывающее, лесопильное и оружейное. Причем сами Нидерланды не располагали практически никакими ресурсами, их низкие и заболоченные земли постоянно находились под угрозой затопления, не могли пропитать все население, но страна лежала на пути целой сети рек, которые были воротами Европы в Мировой океан.

В Амстердам, Лейден, Харлем и полдюжины других городов с населением в 20–40 тысяч человек – самую плотную группу городов в Европе – голландцы поставляли соленую рыбу, выловленную у берегов Шотландии, корабельный лес из Балтики, отбеленное полотно из Германии, очищенную соль из Франции, специи и пряности из Ост-Индии. Голландский гений торговли не знал границ.

Бурный рост рыболовства, сельского хозяйства и судостроения вызвал промышленную революцию. За короткое время бурно развилась текстильная, белильная промышленность, производство шерсти и чугунное литье. Ясно, что внутренний рынок с населением всего лишь в 2 миллиона человек поглотить такое количество товаров просто не мог. Это явилось

основой развития голландской торговли, что позволило голландцам превращать богатство других в благо для себя. Даниель Дефо писал: *«Они стали брокерами и маклерами Европы: они покупают, чтобы снова продать, берут, чтобы отдать, и большая часть их обширной коммерции заключалась в том, чтобы доставить товары со всех частей света, а затем снова обеспечить ими весь мир»*.

Поскольку в Нидерландах остро ощущалась нехватка леса, металлов и хлеба, наиболее важную роль в голландской торговле играл товарообмен со странами Балтики, поставлявшими в Соединенные Провинции все эти товары. В то же время балтийские государства и Германия являлись рынками сбыта для голландской сельди, сукна, полотна, пушек, кораблей, сыра и т. д. К концу XVI века родилась голландская посредническая торговля – перепродажа товаров, приобретенных в одной стране, на территории другой. Конкретно это выражалось в том, например, что немецкие вина, изделия французских мануфактур, фрукты из Испании и колониальные товары попадали в Северную Европу исключительно при посредничестве голландцев. В то же время зерно, купленное в Прибалтике, перепродавалось на рынках средиземноморских стран. Голландцы закупали в большом количестве английское сукно, затем у себя на родине подвергали дополнительной обработке и перепродавали за границу значительно дороже. Нидерландцы к 1650 году заняли первое место в торговле с Россией. Ежегодно 50–60 кораблей посещали Архангельск, откуда вывозились русские меха, лес, поташ, смола, икра, сало, иранский шелк, вологодские кружева, масло, мед, а в отдельные годы и хлеб.

Даже из поражений голландцы смогли извлечь пользу. Долгая война с португальцами в Бразилии, как мы уже говорили, закончилась победой иберийцев, однако весь накопленный опыт по основанию и обслуживанию сахарных плантаций голландцы перенесли на Вест-Индские острова. Аруба и Кюрасао стали крупнейшими площадками по производству сахара, заменив и вытеснив бразильский сахар из Европы. Португальцы так и не смогли в конкурентной борьбе вернуть утраченные позиции.

Амстердамская биржа стала крупнейшей в Европе – при посредстве голландских маклеров заключались сделки между купцами и банкирами всего Старого Света. Здесь котировались акции ценных бумаг торговых компаний, размещались займы, устанавливались цены на все товары и т. п. Такое положение вещей не могло не заботить англичан. По всему миру нарастала беспощадная конкурентная борьба между английским и голландским капиталом. Несмотря на дипломатические политесы, между двумя странами зрел клубок противоречий.

Если в торговле Испанию заместила Голландия, то вся степень политического и военного влияния в Европе после 1659 года перешла к Франции. В одну из статей Пиренейского мира кардинал Мазарини включил хитрый пункт, согласно которому французский король Людовик IV брал в жены испанскую инфанту Марию-Терезию, которой в качестве приданого Испания должна была выплатить 500 тысяч экю. Эта сумма была также компенсацией французскому королю за то, что его жена навсегда отрекалась от испанского престола, и Людовик не мог претендовать на объединение Испании и Франции под своим скипетром. Позже невыплата испанцами этого «бакшиша» была использована французской стороной для развязывания Деволюционной войны и захвата части Фландрии. Но Людовик XIV, наверное, не подозревал, что его движение к гегемонии приведет в конечном итоге Францию к тому же результату, что и Испанию. Война Аугсбургской лиги и война за Испанское наследство на время покончили с французскими потугами на лидерство в Старом Свете. Французская угроза кинула в объятия друг другу двух самых заклятых врагов – Англию и Голландию, которые, забыв распри трех англо-голландских войн, прошедших в небольшой отрезок времени с 1652 по 1674 год, объединились для борьбы с аппетитами «короля-солнца».

2

Уже во времена Тридцатилетней войны в разных странах адмиралы все чаще начали приходить к одному и тому же выводу – тактика «роя» не дает в морском сражении решающей победы. Маартен Тромп, обсуждавший эту проблему с английским адмиралом Пеннингтоном, сетовал на то, что при использовании «роя» управление флотом возможно только на начальном этапе, далее командующий уже не в силах реагировать на изменения в сражении. Более того – даже испанцы, с их излюбленным строем фронта (применявшие нечто похожее на сухопутную тактику – «полк правой руки», «центр», «полк левой руки»), гораздо более управляемы на любом этапе сражения, нежели голландцы, использующие тактику «роя». Адмиралы также наблюдали, насколько за тридцать лет развилось артиллерийское вооружение – теперь пушки могли наносить существенные повреждения корпусам кораблей, и даже топить их. Однако ни строй фронта, ни «рой» не обеспечивали концентрации артиллерийского огня на кораблях противника. И уже в 1639 году Тромп пришел к выводу, что правильнее всего было бы использовать в сражениях строй кильватерной колонны. Это, во-первых, позволяло адмиралам обозревать большую часть флота и с помощью малых судов доводить свои приказы до командиров эскадр и дивизионов; а во-вторых, в строе кильватерной колонны корабли получали возможность по максимуму использовать свою артиллерию.

Дело в том, что пушки парусных кораблей (в отличие, к примеру, от галер) сосредоточены по бортам, и построение в линию позволяет развить эскадре максимально плотный огонь. Мы уже видели, что в сражениях у Гоа и Параибы бой в линии помогал слабейшей стороне отбить атаку сильнейшей, поскольку в колонне корабли могли более эффективно распоряжаться артиллерией. Что же мешало тем же голландцам или французам перейти к построению в кильватерную колонну уже в эту эпоху? Ответ прост – нерегулярный характер флотов.

Построение в линию требовало; а) держать дистанцию между кораблями; б) при повреждениях выходить за линию, чтобы не создавать «пробку»; в) слаженно маневрировать, реагируя на любой приказ флагмана дивизиона. То есть для внедрения кильватерной колонны нужно было всего две вещи: 1) обученные капитаны и команды; 2) система сигнализации по

флоту, которая бы позволяла управлять колонной.

Собственно, уже с 1636 года герцог Нортумберленд разрабатывает первый свод сигналов для своего «монетного флота», в котором описываются основные действия командиров в случае гипотетического боя в линии. Однако, признавая, что управление после начала боя несомненно будет утрачено, в статье 10-й он пишет: *«Неопределенность в морском бою такова, что невозможно что-либо определить в инструкции до тех пор, пока мы не вступили в бой. И только тогда выясняются действия неприятеля; часто случается, что один корабль “отбирает ветер” у другого и тот не может привести к ветру или спуститься по ветру; случается много других событий, в которых мы должны предоставить каждому капитану возможность действовать в соответствии с его благоразумием и доблестью»*. То есть, признавая, что система сигналов у английского флота несовершенна и не может учесть всех ситуаций в бою, Нортумберленд перекладывает ответственность за результат сражения на плечи капитанов. Если же учесть, что довольно большая часть флота – это вооруженные мобилизованные торговые суда и каперы, и капитаны у них совершенно не подготовлены к бою в линии, понятно, что ни о каких сложных маневрах не может идти речи. Бой однозначно перейдет в обычную свалку – корабль против корабля, или «рой» против корабля.

Кроме того, тактика «роя» поддерживалась теми же голландцами в том числе и потому, что захват корабля противника на абордаж – это призовые деньги для капитана и экипажа, а потопление врага просто лишает команду призовых. В общем, в военно-морском деле к исходу Тридцатилетней войны возник сонм проблем, которые еще только предстояло решить. Искали эти решения уже в эпоху англо-голландских войн, именно тогда линейная тактика напрочь вытеснила абордаж и тактику «роя». Наступала эпоха регулярных флотов и «правильных» морских сражений, которая длилась без малого 140 лет, до Наполеоновских войн.

3

Чтобы из нашей книги не сложилось впечатления, что испанская морская школа была совсем убогой и просто спала, мы позволим себе немного отлистнуть книгу вермени назад и рассказать о герцоге Осуне и о его реформе Неаполитанского флота Империи. Реформа эта, к сожалению, была с блеском похоронена после королевской опалы этого создателя нового испанского флота, предвосхитившего нынешнюю тактику оперативно-тактических и ударных соединений.

Итак, еще в 1611 году Педро Телльес-Хирон, третий герцог Осуна (закадычный друг и собутыльник английского короля Якова I, досконально на досуге изучивший состав и комплектацию английского флота), прибыл на Сицилию, получив от Филиппа II карт-бланш на строительство флота нового образца. В своем письме королю герцог писал, что Филипп может избрать два пути – либо откупаться каждый год от берберских пиратов, либо победить их.

На тот момент Испания обладала в Италии всего 34 галерами, из них 7 – сицилийских. Уже к концу 1611 года Осуна на свои средства построил 6 галер, где увеличил матросам жалованье, обеспечил нормальное питание и бытовые условия. Взамен моряки должны были рассматривать службу на военных кораблях как основную и единственную. Тренировки и учения продолжались круглый год, и уже в 1612-м галеры Осуны совершили молниеносный рейд на Тунис, где сожгли 10 каперов мусульман. Герцог продолжил переговоры с королем – он предлагал и далее комплектовать за свой счет эскадры, но с условием, чтобы часть добычи отходила ему в качестве возмещения за труды. Король согласился.

Осуна немедленно же приступил к строительству галеонов и паташей, поскольку считал, что будущее именно за этими кораблями. Он же и доказал это – уже в 1614 году два его галеона захватили и сожгли около 20 мусульманских корсаров. Однако в Испании еще со времен Карла V существовал запрет на использование парусников в качестве каперов – согласно этому эдикту, приватирами могли быть только гребные суда, поэтому Осуна получил выговор от Филиппа III. Тщетно герцог доказывал, что этот запрет устарел, его просто не стали слушать.

В 1615 году Осуна стал вице-королем Неаполя. Там он продолжил свое дело – на собственные средства вооружены 5 галеонов и 5 паташей. Здесь

же он упразднил раздельное командование морскими солдатами и кораблями, существовавшее в Армада Эспанья с прошлого века. Основным приемом, отрабатывающимся эскадрами, стал пушечный бой.

Уже в 1616 году младший флагман герцога Франсиско де Рибейра с 6 галеонами атаковал 55 турецких галер. Тогда галеры турок попытались взять неаполитанские галеоны на абордаж, испанцы же уклонялись, постоянно маневрируя парусами. Когда турки в строе фронта были готовы к залпу, корабли разворачивались к ним носом, а сразу же после залпа противника поворачивали на борт и вели огонь картечью.

В бою первого дня было сильно повреждено 8 мусульманских галер.

На следующий день сражение продолжилось, причем Рибейра, преследуя турецкий галерный флот, стрелял по ним различными типами зарядов, как на учениях, пробуя, что нанесет наибольшие повреждения галерам. В своем отчете он отмечал, что наиболее действенной оказалась картечь, поскольку она наносила ужасный урон экипажам турок.

К вечеру, когда интенсивность испанского огня снизилась, турки сделали еще одну попытку атаковать галеоны, но снова были отброшены бортовым огнем галеонов. В результате турецкие галеры укрылись в Ливане, османы потеряли еще 8 галер потопленными, а 15 захватили испанцы. Потерь у *донов*не было.

Уже 12 октября того же года сицилийский адмирал Октавио де Арагон с 9 галеонами прорвался к Константинополю и бомбардировал порт, корабли и город. В результате несколько кораблей турок были сожжены, а шесть – захвачены. Австралийский историк Симпсон Вильямс считает, что именно это событие заставило султана начать строительство парусного флота.

Осуна сделал и следующий шаг – он разработал оперативно-тактические группы, включавшие в себя 2–3 галеона, 3 малых парусника и 10 галер. Такие соединения могли использоваться для борьбы с каперскими группами и для блокады корсарских портов, а разные типы судов позволяли применять против приватиров разнообразные тактические приемы. Главнейшим во взаимодействии таких соединений Осуна считал сплаванность, поэтому учения не прекращались даже зимой.

Но, как обычно, в Испании ничего не бывает хорошо достаточно долго. В 1619 году герцог Осуна был обвинен в заговоре против Испании и в желании сделать Неаполь своим королевством, герцога срочно вызвали в Мадрид. Филипп III отмел обвинения в сепаратизме, но приказал проверить финансовую деятельность герцога. В 1620 году, после смещения покровителя Осуны герцога Лерма с поста первого министра, его

наследник герцог Уседа заключил Осуну в тюрьму. Сразу после смерти Филиппа III в 1621 году пришедший к власти Оливарес подтвердил обвинения против Осуны, поскольку семья Телльес-Хиронов соперничала с кланом Гусманов-Медина-Сидония. 24 сентября 1624 года герцог Осуна скончался в тюрьме города Барахас, как последний преступник.

Все же в признание его заслуг перед империей тело его выдали родственникам, которые похоронили Осуну в его поместье в монастыре Св. Франсиска.

Трудно представить, как бы повернулось колесо истории, возглавь Осуна испанский флот в Тридцатилетнюю войну. Вполне возможно, тогда бы план Оливареса по уничтожению морской мощи Голландии вполне мог бы иметь все шансы на успех и все мировое развитие пошло бы по-другому.

Тем не менее поражение Испании в борьбе за мировое господство было абсолютно логичным. Наоборот, наибольшее удивление вызывает то, что она продержалась так долго. Дело тут не в мифическом золоте Индий (которое, кстати, приносило в бюджет не более $^{1}/_{5}$ доходов), а в неэффективной бюрократии испанского государства. В свое время к Испании присоединялись области и королевства совершенно на добровольной основе. В результате браков и развития династических связей были присоединены Арагон, Сицилия, Неаполь, Фландрия и т. д. В каждой новой присоединенной стране испанский король оставлял те свободы и обычаи, которые там были. Довольно часто во избежание недовольства местной знати даровались льготы и послабления в налоговой сфере. В то же время, поскольку чиновничий аппарат чаще всего оставался местным, не возникало ощущения себя винтиком большой Империи и причастности к Испании. Поэтому Португалия, Каталония, Неаполь и другие области вполне устраивали все блага внутри Империи, но они напрочь не хотели принимать участия в несении расходов на оборону, строительство государства и его институтов и т. д. Мы уже приводили пример португальского парламента, который просто заблокировал введенные Оливаресом налоги, направленные на спасение португальской же колонии Бразилия от голландцев. Причем португальцы вполне серьезно считали, что коли король Испании объявил себя еще и королем Португалии, то он обязан сам заботиться об их благополучии и защите их владений, а португальцы могут для этого ничего не делать.

Таким образом, основное бремя имперской ноши упало на Кастилию (собственно королевский домен), которая, как дизель в Заполярье, с натугой

тянула всю эту громадную и страшную бюрократическую машину под названием Испанская империя. Тянула, пока не надорвалась экономически. И вот тогда выяснилось, что Кастилия не может более дать ни людских, ни материальных ресурсов для проведения политики гегемона, Испания быстро скатилась в число второразрядных держав. Оживила Империю только французская кровь – та самая, которая выжала из испанцев все соки в Тридцатилетнюю войну. Восшествие на трон Бурбонов, реформы герцога Альберони, а позже – Энсенады вдохнули в страну новую жизнь, и она постепенно вернулась в число великих держав.

Приложение. Французы в Индии

Первые попытки проникновения французских торговцев в Азию начались еще в XVI веке. Между 1525 и 1530 годами несколько нормандских судовладельцев снабдили несколько кораблей для торговли с Востоком.

В мае 1528 года из Анфлера вышел неф «Мари де Бон Сюкор» с французскими товарами. К концу года он благополучно доплыл до Диу, но французы не смогли заинтересовать своими товарами индусов и несолоно хлебавши вернулись обратно.

3 апреля 1529 года два малых корабля – «Пансе» и «Сакр» – отплыли из Дьепа и пришли на Суматру, где пытались вести торговлю, однако были атакованы аборигенами и едва унесли с острова ноги. Корабли принадлежали нормандскому арматору Жану Анго, командовали кораблями братья Жан и Рауль Парментье. В 1531-м в Дьеп вернулась горстка выживших с несколькими бочками черного перца. Это было все, что смогли привезти торговцы.

Свою лепту внесли португальцы, бывшие тогда господами Индийского океана. Колонии конкурентов подвергались нападениям и разорялись. В последние годы XVI века в Азии появились голландцы и англичане. Вскоре настала очередь французов. Генрих IV закончил эпоху религиозных войн во Франции, и в 1601 году была организована *«Компания продавцов»*, в которую вошли коммерсанты из Сен-Мало, а также граф Франсуа де Лаваль и герцог д’Витри. В уставе компании было указано, среди всего прочего, что она *«должна искать пути в Индию и Азию, чтобы обрести богатства для Французского королевства»*.

Министр финансов герцог Сюлли дал новой организации торговые привилегии, а также оснастил два судна – 400-тонный «Круассан» и 200-тонный «Корбэн». 18 мая 1601 года они отплыли из Сен-Мало, на борт был нанят голландский шкипер, знакомый с азиатскими водами. Корабли доплыли до Индийского океана, однако «Корбэн» вылетел на мель и утонул в районе Мальдивских островов, а «Круассан», достигший Суматры и имевший груз специй, на обратном пути погиб в шторм у Азорских островов.

В результате *«Компания продавцов»*разорилась.

2 марта 1611 года морской офицер Жерар де Рой получил от Марии

Медичи (бывшей тогда регентшей при малолетнем короле Людовике XIII) монополию навигации в индийских водах сроком на 12 лет. В 1613 году де Рой снарядил флейт «Сент-Луи» и нанял английского капитана, повздорившего с английской ОИК. Однако компания эта недолго пользовалась своей монополией – в обход своего же указа Мария Медичи дала привилегию торговли с Востоком купцам из Руана, поскольку патроном этих товарищей был адмирал Франции Монморанси, и купцы эти пообещали адмиралу большую долю от прибыли. Новую компанию назвали *«Моллукской компанией»*,и уже в 1615 году в Ост-Индию были посланы два небольших судна. В 1616 году эти суда благополучно вернулись в Сен-Мало, а в Индию ушли еще три торговца. Эти корабли удачно торговали с Явой, но обратно пришли лишь два из них, еще одно захватили в1618 году голландцы. Однако вояж оправдал себя – корабли привезли товара на 1 миллион ливров.

В 1619 году компании Роя и Монморанси были объединены, и торговцы Сен-Мало и Лиможа послали в Ост-Индию три судна, но по дороге два из них были захвачены голландцами, и привезенного товара хватило лишь на то, чтобы оправдать рейс. В 1620 году Монморанси умер, и компания начала тихо угасать. Враждебные отношения Франции и Голландии не дали *«Моллукской компании»*развернуться в реальную силу, однако в 1624 году, после заключения между двумя странами Компьенского договора, французам было задекларировано право свободной торговли в голландской Ост-Индии. Пришедший к власти кардинал Ришелье организовал *«Компанию 100 компаньонов»*(другое название – *«Морбинаская компания»*), которая должна была поднять торговлю с Азией на новый уровень.

Первый вояж в Азию сделал Жиль де Режимон, который с тремя судами отплыл в Индию в 1630 году и вернулся с богатым грузом в 1632-м. В 1632-м дьеппский откупщик Берьер снарядил королевский корабль в плавание к островам Пряностей, командовал судном капитан Рико (*Ricault*). Начиная с 1635 по 1640 год нормандские купцы ежегодно посылали по одному кораблю в Азию, однако не все эти путешествия закончились удачно – два корабля потерпели крушения у Мадагаскара. Незадолго до смерти великого кардинала (1 декабря 1642 года) *«Морбианское товарищество»*было переименовано в *«Восточную компанию»*, и суперинтендант финансов Николя Фуке издал специальный эдикт, в котором подтверждалась ее монополия на колонизацию Мадагаскара и прилегающих островов. Компании отдали в аренду склады недалеко от крепости Порт-Луи, к которым прочно прилепилось название

«Восточные» (позже там возник крупный город и порт Лориан). За 7 лет на Мадагаскар было высажено порядка 300 колонистов и совершено 5 экспедиций к восточному берегу Африки. Привилегии компании были подтверждены эдиктом Людовика XIV (20 сентября 1643 года), а в 1650-м главой и патроном компании стал Шарль де Ла Порт, герцог де Ла Мельере, кузен покойного кардинала и зять кардинала Мазарини.

Несмотря на государственную и частную поддержку, колонизация Мадагаскара шла медленно, с 1650 по 1653 год на остров перевезли еще 200 колонистов, но прибыль компания так и не приносила. Торговля с Азией оставалась на зачаточном уровне, не более одного корабля в год (иногда – один корабль в два года), и перспектив для развития Ла Мельере не видел никаких. После смерти герцога в 1663-м его сын Арман-Шарль де Ла Порт, герцог Мазарини получил в наследство и *«Восточную компанию»*. Поскольку во Франции шла гражданская война, позже получившая название Фронда, денег для торговли с Востоком государство выделить не могло. Естественно, компания потихонечку чахла, и к 60-м годам влачила жалкое существование.

Пришедший в 1664 году к управлению страной Кольбер сразу же занялся анализом морской торговли королевства. В своем докладе Людовику XIV от 21 апреля 1664 года он отмечал, что во всем прекрасном королевстве Франция насчитывается 1063 торговых судна водоизмещением от 10 до 400 тонн, из них 462 судна – от 80 до 400 тонн. Для сравнения – в этот же момент торговый флот Голландии составлял порядка 15 000 судов, а торговый флот Англии – до 5000 единиц. Эти цифры говорили только об одном – во Франции просто не было морской торговли как таковой. Ее еще только предстояло создать.

Список основной литературы

1. *Carre, H.*Du Quesne et la marine royale de Richelieu et Colbert, – Paris, 1950.
2. *Marley, D.*Wars of the Americas: A Chronology of Armed Conflict in the New World, 1492 to the Present, – ABC–Clio Inc, 1998.
3. *Lyle N. McAlister*Spain and Portugal in the New World, 1492–1700 (Europe & the World in the Age of Expansion), – Univ of Minnesota Press, 1984.
4 . *Anderson, R.C.*The Thirty Year's War in the Mediterranean, – The Mariner's Mirror, 1970.
5. *Anderson, R.C.*The Naval Wars in the Baltic during the Sailing Ship Epoch, 1522–1850, 1910.
6. *Bäckström, P.O.*Svenska flottans historia, 1884.
7. *Zettersten, A.*Svenska flottans historia, 1522–1680, 1890.
8. *Bellamy, M.*Christian IV and his Navy, 1596–1648, 2006.
9. *Garde H.G.*Efterretninger om den danske og norske Søemagt, Bd. 1 (1535–1700), 1832.
10. *Tober Ph.*Wismar im Dreißigjährigen Krieg 1627–1648: Untersuchungen zur Wirtschafts – Bau– und Sozialgeschichte – Alle Preisangaben inkl. MwSt., 2007.
11. *Demerliac A.*Nomenclature des navires Francais de 1610 á 1661, 2004.
12. *Jonge de, J.*Geschedenis van het Hederlandsche Zeevezen, 1860.
13. *Esparteiro A.M.*Trés séculos no Mar (1640–1910), 1975.
14. *Powell J.R.*Robert Blake – New-York, 1972.
15. *Boxer, C.R.*The Dutch in Brazil, 1624–1654 – The Clarendon press, Oxford, 1957.
16. *Roncire de la, Ch.*Histoire de la marine francaise – Libraire Plan. París. 1923.
17. *Clowes, W.L., Clements R.*The Royal Navy: A History from the Earliest Times to the Present – Chatham Publishing; Reissue edition, 1997.
18. *Duro C.-F*. Armada Española desde la unión de los reinos de Castilla y Aragón – Madrid, 1972.
19. *Martínez-Valverde, C.*Revista General de Marina, 1961.
20. *Roncière la, Ch.*Histoire de la marine francaise – Paris, 1899.
21. *Winfield, R.*British Warships in the Age of Sail: 1603–171 – Design,

Construction, Careers and Fates – pub. Seaforth Publishing, Barnsley, 2009.
22. *Stradling, R.A.* The Armada of Flanders: Spanish Maritime Policy and European War, 1568–1668 – University of Wales College of Cardiff, 1992.

Вкладка

Кардинал Ришелье. Художник Ф. де Шампень

Конный портрет графа Оливареса. Художник Д. Веласкес

Мориц, принц Оранский (Нассауский) и штатгальтер. Художник М.-Я. ван Миревельт

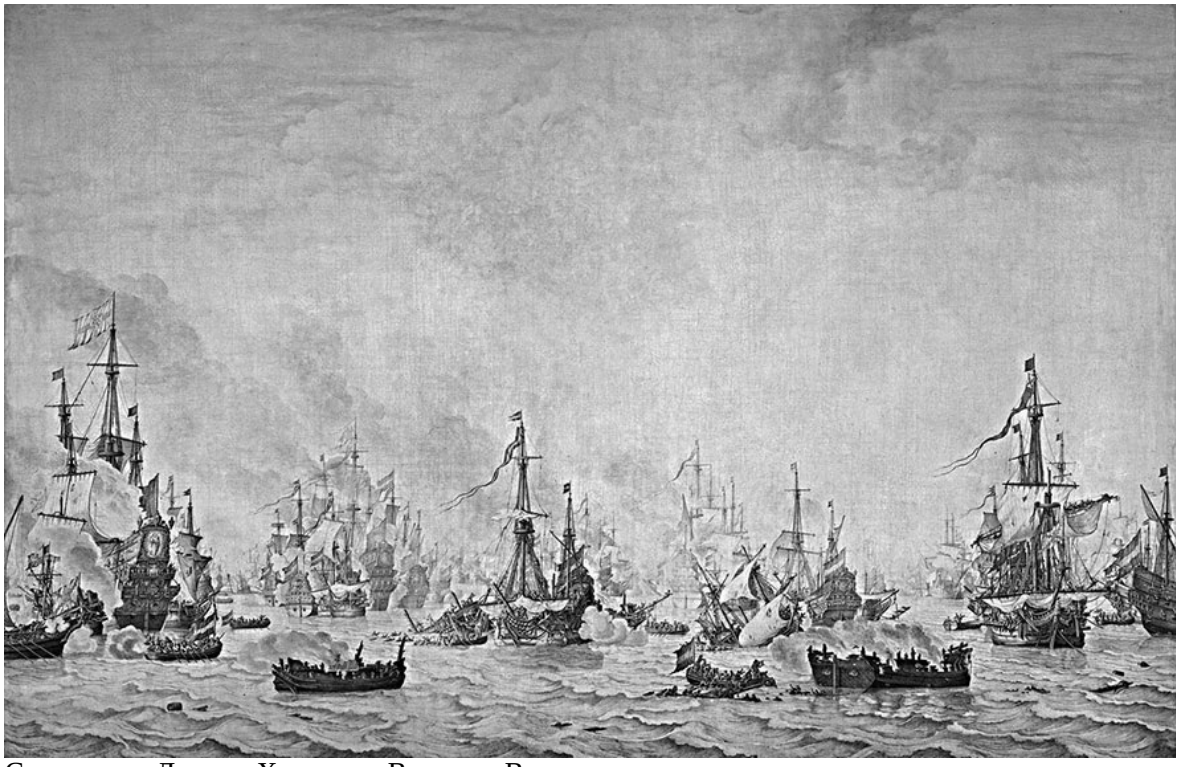
Принц Фредерик-Генрих Оранский (Нассауский). Художник М.-Я. ван Миревельт

Маартен Хартпертзоон Тромп. Художник Я. Ливензс

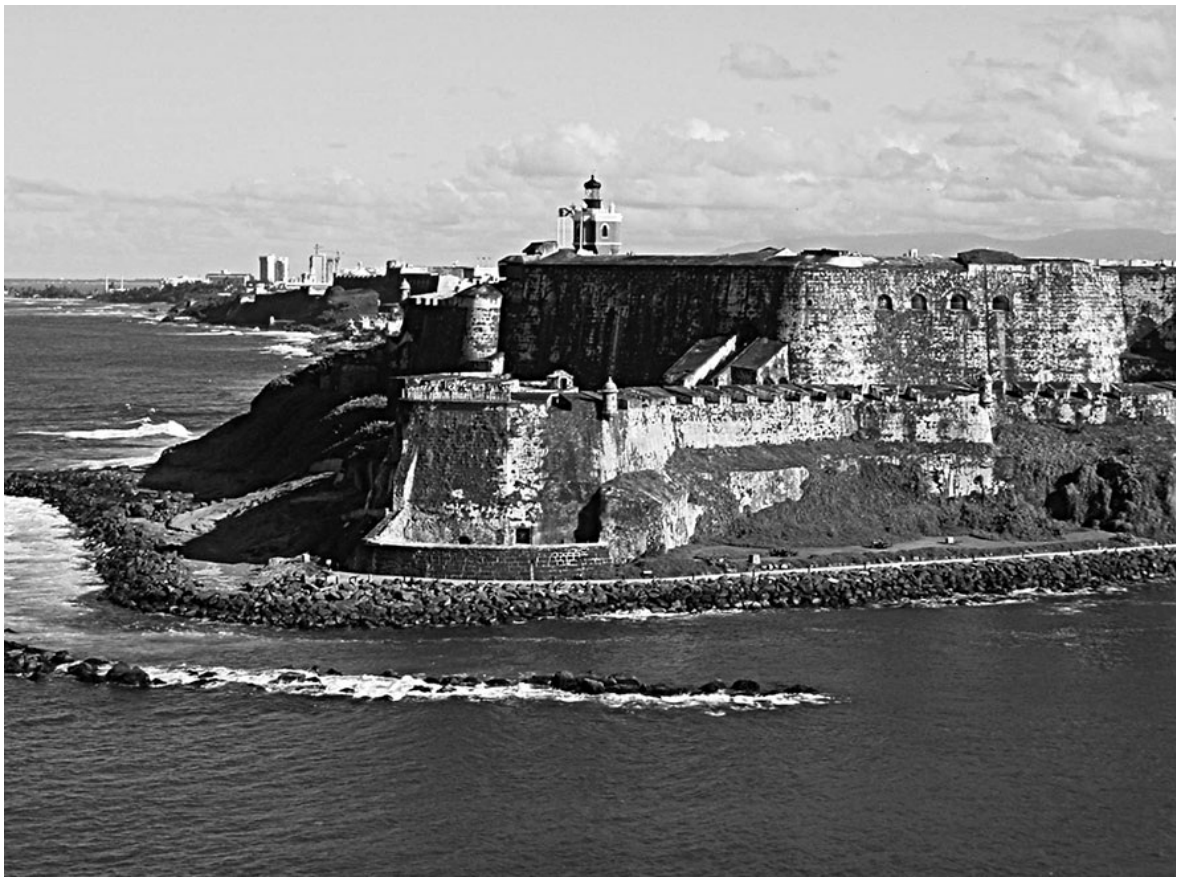
Пит Хейн. Художник Я.-Д. Кол

Джордж Вилльерс, герцог Бэкингэм. Художник П.-П. Рубенс

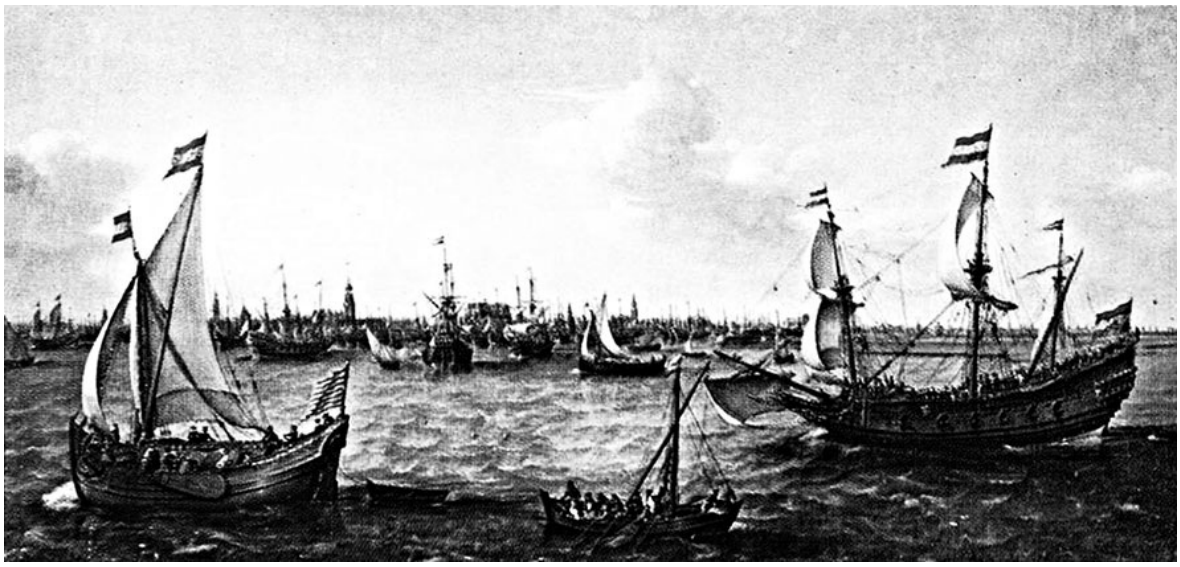
Морской генерал Роберт Блэйк. Художник Г.-П. Бриггс



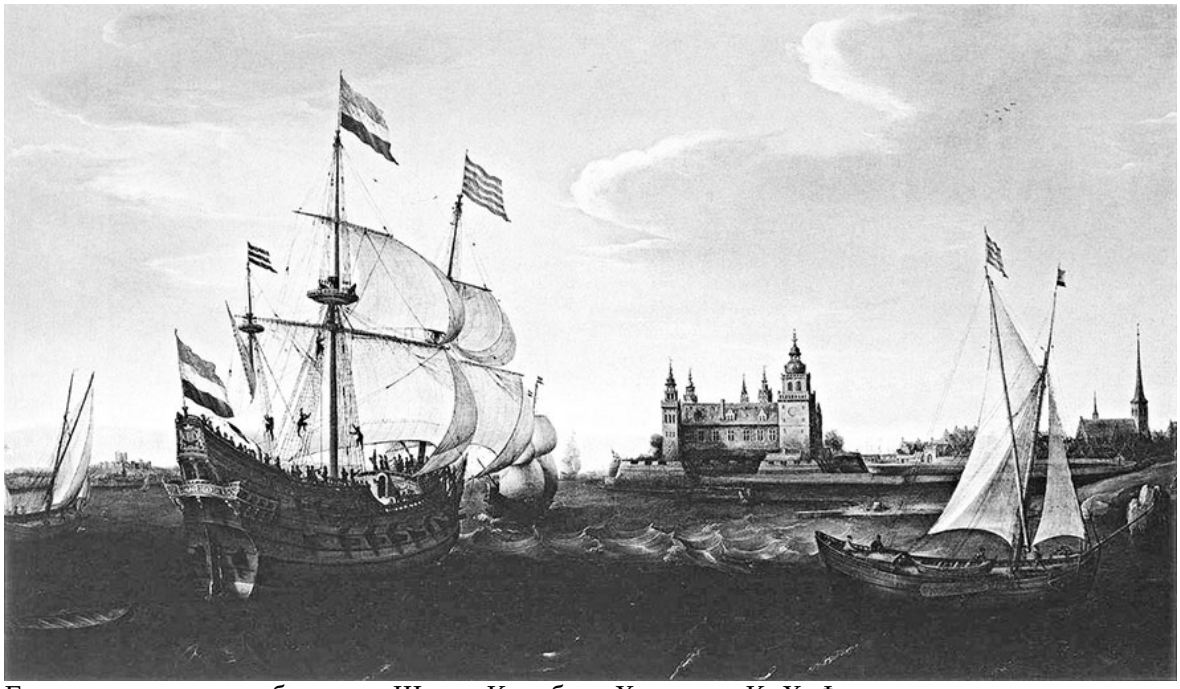
Сражение у Даунса. Художник В. ван де Вельде


Крепость Сан-Фелиппе-дель-Морро, остров Пуэрто-Рико. Современный вид

Осада Штральзунда. Гравюра XVII в.



Гавань Амстердама, 1620 год. Художник К.-Х. Фроом



Голландские суда прибывают в Шлосс-Кронберг. Художник К.-Х. Фроом

©Махов С.П., 2012
©Созаев Э.Б., 2012
©ООО «Издательство «Вече», 2012

« Сокрушение империи / С.П. Махов, Э.Б. Созаев.»: Вече; Москва; 2012
ISBN 978-5-4444-0058-6

notes

1

Мориц Оранский (иногда его в исторической литературе называют Мориц Нассауский по названию графства Нассау, также принадлежавшего семье Оранских) – сын Вильгельма I Оранского, штатгальтер Соединенных Провинций с 1585 по 1625 годы.

2

На сухопутном театре его по традиции называют шведским.

3

Среди них «Эолус» (флагман), «Зеехунд», «Тийгер», «Гриффен», «Рооде Леув», «Гуден Леув», «Шварце Бир», «Витте Бир», «Охтенстер».

4

Голландскому адмиралу оторвало ногу; умирая, он призвал своего флаг-капитана Питера Верхуффа и попросил: *«Прежде чем уходить, убедитесь, что мы победили»*.

5

Дословная цитата из письма Филиппа фон Мансфельда королю Филиппу IV: « *Wir haben viele Schiffe und viele Menschen, aber gibt es weder der Flotte, noch der Seeleute*». Почти слово в слово полтора столетия спустя императрица Екатерина II писала в 1763 году Н.И. Панину: *«У нас в излишестве кораблей и людей, но нет ни флота, ни моряков…»*.

6

Эскудо – королевский золотой реал.

7

Слово *vellon*в испанском языке употребляется для обозначения остриженной овцы. Таким образом, испанцы намекали на «обрезание», устроенное монетам.

8

Корсары(фр.), *приватиры*(англ.) или *каперы*(нидер.) могли нападать на корабли только враждебного государства. Корсарский корабль снаряжался на деньги частного лица или группы лиц и получал от правительства патент (письмо), разрешающий вести боевые действия против недружественных судов, а также защищал самого корсара при его встрече с дружественным кораблем. Взятую добычу, выкупы за пленников и призы противника полагалось представить на призовой суд, который решал, законен ли был захват, и если да, то определял размеры выплат. В случае поражения патент давал еще одно преимущество – владелец его считался военнопленным, тогда как любой пират был просто разбойником вне закона и мог быть вздернут на рее без суда и следствия.

9

Кстати, галеоны водоизмещением менее 300 тонн у испанцев назывались *galeoncetes*, что можно перевести как «маленькие галеоны».

10

Слово «яхта» в то время имело несколько значений. Если рассматривать данный тип судна, то изначально это судно для перевозки представительских персон. Военные же именовали «яхтами» все малые суда в составе эскадр. Здесь мы сравниваем паташи и яхты именно по второму значению.

11

Последнее иногда называлось Маасским Адмиралтейством.

12

Иногда называлось Норденкватерским Адмиралтейством.

13

Вильгельм I Оранский, граф Нассауский, по прозвищу «Молчаливый» – первый штатгальтер (статхаудер) Голландии и Зеландии, один из лидеров Нидерландской буржуазной революции.

14

В 1651 году, после окончания войны, корабль был переименован в «Холландерс Меркуриус» и продан Франции, которая использовала его в качестве приватира на Средиземном море, где захватил семь судов, из которых два – ирония судьбы – голландских. Впоследствии корабль был захвачен испанцами и передан в Неаполитанскую эскадру.

15

Когда Спинола осадил и взял в 1625 году голландскую крепость Бреду, ему был сделан выговор Оливаресом. Правительство Филиппа IV считало, что в этой войне армия во Фландрии должна занимать только оборонительную позицию.

16

До Хейна лейтенант-адмиралом, как мы уже говорили, был Филипс ван Дорп, сын дворянина-полковника. В свою очередь ван Дорп сменил на этом посту Лоуренса Раеля – сына одного из крупнейших ростовщиков Амстердама. Указывая на происхождение Хейна, Штаты имели в виду не дворянство, а отсутствие за спиной знаменитых родственников. То есть обвиняли его в том, что он «выскочка», попавший из «грязи в князи».

17

В 1633 году Англия предъявила Брюсселю иск на возмещение ущерба на 1500 фунтов стерлингов, обвиняя корсарского капитана Герхарда Янсена в потоплении английских судов.

18

Орлог (нидер. *Oorlog* –«корабль») – так в то время в странах Северной Европы собирательно назывались переоборудованные для военных целей купеческие корабли, которые использовались для каботажной (то есть – недалеко от своего берега)конвойной или дозорной службы. Непосредственно в Голландии «орлогсхипами» называли чисто военные корабли.

19

Пинк (от голландского *pincke* – *«узкий»*) – в странах Северной Европы транспортные суда с двумя-тремя мачтами, квадратные в сечении, с зауженной кормой и с плоским дном. В военных целях использовались для посыльной или дозорной службах недалеко от берега.

20

Галиот – небольшое двухмачтовое транспортное судно с прямым вооружением на грот– и косым на бизань-мачтах. Имели полные скругленные носовые и кормовые обводы. Некоторые галиоты оснащались боковыми шверцами. Использовались преимущественно для прибрежного плавания. Был распространен в странах Северной Европы.

21

Нынешний Балтийск.

22

В голландском языке часто сокращают слова. Например, слово *Johan*может писаться и как *Jan*.

23

Опростоволосившись перед Дюнкерком, Дорп не нашел ничего лучше, чтобы поругаться в Фредериком-Генрихом и выступить с громкой речью в Генеральных Штатах. В парламенте он утверждал, что некоторые депутаты специально блокируют его начинания по флоту, поскольку тайно получают деньги от испанцев. Это было уже слишком – Генеральные Штаты без колебаний приняли отставку адмирала. Уходя, ван Дорп рекомендовал именно Тромпа в качестве своего преемника.

24

Демилюна (франц. *demi-lune*– полумесяц) – полукруглая наружная вспомогательная постройка XVI века, имевшая некоторое сходство с полумесяцем и располагавшаяся перед куртиной (итал. *curitne*– завеса) бастионного фронта для прикрытия куртины от действия брешь-батарей и выходов в ров. Прототип позднейшего равелина.

25

После передачи Генеральными Штатами земель в районе острова Манхэттен и Гудзонова залива компании директора ВИК переименовали их именно в Новые Нидерланды. До этого эти территории назывались Новой Швецией.

26

Тропик Рака или Северный тропик – одна из пяти основных параллелей, отмечаемых на картах Земли. В настоящее время расположена на 23°26′22″ к северу от экватора и определяет наиболее северную широту, на которой солнце в полдень может подняться в зенит.

27

Данные представительства называли в обиходе « *winkel*» – «лавочки». А главное представительство в Амстердаме имело прозвище « *grote winkel*» – «главная лавочка».

28

В Амстердаме до сих пор показывают на экскурсиях Бартолотти-Хаус, на котором висит вывеска тех времен: « *Religione et probitate*», то есть «По религии и справедливость».

29

В состав флота Виллекенса входили следующие корабли: «Холландиа» (28 пушек, флагман), «Тийгер» (26 пушек), «Зеландиа» (36 пушек), 34-пушечный «Сампсон», 28-пушечный «Нептунус», 24-пушечный «Грунинген», 20-пушечные «Оранджблум», «Эндрахт», «Провинс ванн Утрехт», «Штер», 18-пушечные «Гульден Зеепаард», «Хаан», «Хооп», «Оуде Руде Леув», «Синт-Кристофель», 17-пушечные «Виер Хеемс Киндерен», 16-пушечные «Нассау», «Оверисейл», 14-пушечный «Оранжблум-2». Яхты – 12-пушечная яхта «Вос», 10-пушечные «Хазевинд» и «Зееягер», 8-пушечная «Постпаард», а так же бьялк «Синт-Мартин».

30

В армаду входили эскадры Кадиса, Гибралтара, Бискайи, Кантабрии, а так же отряды из Сицилии и Неаполя. Подробнее смотри в таблице.

31

Клерк по национальности был французом. Его имя по-французски – Жак Клерк л’Эрмитэ.

32

Именно там один из капитанов Клерка, будущий голландский адмирал Витте де Витт, высадил на необитаемый остров Хуана-Фернандеса 12 матросов, которые подбивали команду к бунту. В 1704 году на остров Ближний высадят Александра Селкирка, который станет прототипом Робинзона Крузо.

33

Военно-транспортную флотилию Испанской колониальной империи – «Flota de Indias» (буквально «Флот Индий») – французы и голландцы называли «Серебряный» или «Золотой флот». – *Примеч. ред*.

34

Калибр орудий не превышал 8 фунтов.

35

22 ноября 1596 года Френсис Дрейк и тяжелобольной Джон Хокинс с эскадрой в 26 кораблей атаковали Сан-Хуан (Хокинс скончался в этот же день от лихорадки на своем флагмане «Гарланд»). Захватив предместные районы, Дрейк так и не смог взять саму цитадель, более того – его корабль попал под огонь крепости Сан-Фелипе-дель-Морро. Англичане были отбиты, при отходе они сожгли все дома в предместьях и уплыли к Порто-Белло, где Дрейк заболел и умер.

июня 1598 года Сан-Хуан смог захватить английский корсар Джордж Клиффорд. Войска Клиффорда даже контролировали некоторое время весь остров, испанцы прятались в джунглях и вели партизанскую войну. Вскоре началась эпидемия болотной лихорадки и англичане поспешно покинули эти места. Сразу же после этого случая испанское правительство послало дополнительно в Пуэрто-Рико 400 солдат и 46 орудий.

36

Так называли ежегодный торговый караван из португальской Бразилии.

37

1 фунт = 453,59237 грамма.

38

Название пустыни – Сахара – имеет те же корни, что и название кристаллов сока сахарного тростника.

39

Сахар транспортировался в ящиках, рассчитанных на 20 арроб. Всего за год экспортировалось от 30 до 40 тысяч ящиков сахара.

40

Иногда называют и Ресифе.

41

Некоторые португальские историки объясняют это решение испанского короля тем, что кастильский и арагонский капитал почти ничего не получал от продажи сахара. Весь сахарный бизнес шел через казну Португалии. Нам кажется, что такой подход слишком примитивен. Достаточно вспомнить, что правительство Оливареса активно участвовало в атаке на Сан-Сальвадор-де-Байя, постоянно усиливая португальские колонии в Азии и Африке.

42

Образование сродни Фламандской армаде из капитанов, получивших корсарские патенты. Имело основным портом Сан-Себастьян.

43

Отчет Окендо говорит о 2000 голландцев, но это явное преувеличение.

44

Кшиштоф Арцишевский – родился в 1592 году в Рогалине, умер близ Гданьска в 1656 году. Был изгнан из страны за убийство в имущественном споре и выехал в Голландию. Принимал участие в осаде Бреды и в штурме протестантской крепости Ла-Рошель. Находясь на голландской службе, несколько раз принимал участие в экспедициях в Бразилию (1629–1645). В ознаменование его заслуг голландцы соорудили в Ресифи памятник Арцишевскому. В 1646 г IV по приглашению короля Владислава IV Арцишевский вернулся в Польшу и принимал участие в битвах с казаками Богдана Хмельницкого под Пилявцами и при обороне Львова.

45

Естественно, голландцам было наплевать на индейцев, и Калабар просто врал. В результате борьбы с партизанами войска ВИК часто выжигали дотла индейские поселки, а к самим индейцам относились даже хуже, чем предыдущие хозяева страны.

46

Один из галеонов конвоя – «Сан-Хосе» – был обнаружен в 2001 г. недалеко от побережья Панамы. На нем обнаружили более 700 кг серебра и золота.

47

Создал «Красный отряд» – отряд из индейских союзников португальцев.

48

Создал «Черный отряд» из бежавших от голландцев рабов, также к нему присоединились выкупленные на волю губернатором португальские рабы.

49

Фраза из отчета Видела: «“ *James”*received 450 shots», но в это слабо верится.

50

С тех пор 24 июня, день Иоанна Крестителя, стал в Макао Днем Победы, который жители отмечают и сегодня.

51

1596–1612 гг. – Шарль де Монморанси, герцог Дамвилль, 1612–1626 гг. – Анри де Монморанси, последний занял свой пост в 17 лет.

52

Все же правильнее говорить «Бакингэм» (*Buckingham*), но в России почему-то утвердилось «Бэкингэм».

53

Дюма Александр. Три мушкетера. Сообщая эти данные, великий романист был абсолютно точен.

54

Фактическое командование осуществлял герцог Ангулемский.

55

После утверждения королевской власти в Ла-Рошели Ришелье отменил уничтожение стен. *«Нам еще не раз понадобятся крепкие стены этого города»*, – убеждал кардинал Людовика XIII.

56

«Нептюн» на тот момент был ЕДИНСТВЕННЫМ кораблем марсельской эскадры. В гавани Марселя присутствовало еще 17 галер, и это пока были все силы молодого французского Средиземноморского флота.

57

Ришелье очень удачно использовал церковных иерархов для военной службы в армии и во флоте. Мы уже отмечали, что знаменитый духовник короля Людовика XIII отец Жозеф отлично исполнял обязанности генерал-интенданта под Ла-Рошелью, эскадрой Бретани долгое время командовал нантский епископ де Бове, а Флотом Леванта – архиепископ Бордо Анри де Сурди. Кардинал вполне обоснованно считал, что церковные владыки вполне могут противостоять самоуправству и спеси французской родовой знати, что, к примеру, подтвердилось в конфликте между маршалом Витри и лейтенант-генералом де Сурди.

58

Этот родственник Ришелье к началу военных действий умудрился рассориться со всеми капитанами галер, и Сурди приложил довольно большие усилия, чтобы исправить эту ситуацию.

59

В октябре 1636 года Сурди публично обвинил Витри в связях с противником, после этих слов обезумевший маршал дал пощечину архиепископу. Действия Витри ужасно разозлили не только Ришелье, но и короля. Набожный Людовик считал недопустимым такое поведение с одним из отцов католической церкви. Витри был сделан резкий выговор и наложен штраф.

60

Кстати, именно от слова « *Renommee*» возникло в английском флоте имя корабля « *Renown*». В 1652 году один из кораблей Роял Неви захватил 20-пушечный фрегат «Renommee», чье название в Роял Неви переиначили в « *Renown*». С 1798 года « *Renown*» становится постоянно действующим названием одного из кораблей Роял Неви.

61

Этот корабль нес флаг нашего старого знакомца – бывшего мэра Ла-Рошели Жана Гиттона, который к тому времени был назначен магистром моря в этом городе.

62

Французские историки Труд и Ла Ронсьер говорят о 14 галеонах и 4 фрегатах, однако испанские источники более достоверны. Они же и приводят список эскадры Лопеса.

63

Через Лотарингию и Эльзас проходила знаменитая «Испанская дорога», по которой доставлялись во Фландрию подкрепления и деньги. Испанская дорога начиналась в Генуе, проходила через Швейцарию, далее по территории прирейнских земель до Фландрии. Французы (прирастив свою территорию за счет Лотарингии) в 1633 году сумели перерезать «Испанскую дорогу», что заставило Испанию снабжать свою армию во Фландрии морем.

64

Часть солдат все же не уместилась на транспортах, в результате их разместили на самых больших галеонах, что сильно сказалось на боеспособности этих кораблей.

65

Через 4 дня испанцы смогли отбить корабль и тот присоединился к эскадре Окендо.

66

Состав эскадры Пеннингтона – галеоны «Джеймс», «Энтилоуп», «Виктори», «Экспедишн», «Провиденс», «Мэри Роуз», «Юникорн», «Бонавенчур», «львята» № 3 и № 8. «Львята» (*lion whelps*) – это небольшие 185-тонные корабли длиной 62 фута, шириной 25 футов и с двумя мачтами. Вооружение – 12 орудий, от 32-фунтовых до 5-фунтовых. Были построены англичанами специально для борьбы с алжирскими пиратами, но оказались очень неудачными из-за большой конструктивной перегрузки и плохой мореходности.

67

Из них девять – из первоначального состава эскадры Окендо, и еще девять – присоединившиеся к нему за время стоянки в Даунсе испанские корабли.

68

Большие гребные баркасы с матросами с судов, которые использовались для буксировки больших кораблей.

69

Информация о «шведском периоде» Дюкена очень противоречива. Английский историк Андерсон в своей книге «Морские сражения на Балтике» упоминает, что в бою 1 июля 1644 года у Кольберга Дюкен командовал 34-пушечным флейтом «Регина» и был младшим флагманом авангарда.

70

Примечательно, что в годы «холодной войны» в Гаэте базировался 6-й флот США (*United States Sixth Fleet*). Там же находился штаб и береговой КП командующего 6-м флотом.

71

«Жоао Бальтазар» (42 орудия), «Нусса Сеньора де Консесау», «Соао Жоао Евангелиста», «Нусса Сеньора де Назаре», «Санту-Антониу», «Санту Сакраменту», «Сао Жоао Батиста». Генералом был Жуан де Менезиш, альмиранта – Косме де Коуто Барбоса.

72

Позже принц Чарльз женился на французской принцессе крови Генриетте-Марии, а Мария-Анна стала женой Фердинанда III, короля Венгрии.

73

До 1608 года корабль назывался «Арк Роял», он же «Арк Рейли», знаменитый галеон, участвовавший еще в сражении с Непобедимой армадой.

74

Это был знаменитый испанский херес. Кстати, жители города Херес, родины этого божественного напитка, шутят, что солдатам Сесила *«очень понравились пробные образцы нашего вина, и вскоре англичане для нас стали постоянными клиентами»*.

75

«Монетный флот», или *«флот корабельных налогов»* – так называли английский флот во времена короля Карла I. Флот этот содержался на «корабельный налог», единолично установленный королем Карлом I, он в 1635–1641 годах ежегодно выходил в море для заявления о суверенитете Англии в водах вокруг Острова, а главное – для борьбы с пиратством и контрабандой. Свою задачу он выполнил, но вызвал сильное недовольство, поскольку налог был введен Карлом единолично.

76

32 весла, каждое рассчитано на греблю с помощью трех матросов.

77

Как раз в этом походе был захвачен голландский приватир «Сван», о котором мы поведем речь чуть ниже.

78

На кораблях традиционно не считают пушки калибром менее 4 фунтов. Поэтому «Соверин оф зе Сиз» числился 102-пушечным.

79

1 английский фунт = 453,56 грамм.

80

Дже́нтри (*англ*. Gentry) – английское нетитулованное мелкопоместное дворянство, занимающее промежуточное положение между пэрами и йоменами. В отличие от йоменов джентри не занимались земледелием. Термин возник в конце XVI века и отражал реалии т. н. «ублюдочного феодализма». Джентри сыграли решающую роль в Английской революции, – в частности, выходцами из среды джентри были Оливер Кромвель, Джон Лильберн, Джон Хемпден и Джон Пим. То есть это было дворянство, связанное с капиталистической системой дворянства.

81

Сюрвейер флота – в то время это член Морского совета при короле, ответственный за оснащение приватиров и покупку кораблей и судов за границей. Бэттен не отвечал за конструирование кораблей и работу верфей, в указанное время этим заведовали лорд Нортумберленд и сам король.

82

«Письмо марки», каперское свидетельство – во времена парусного флота правительственный документ, разрешающий частному судну атаковать и захватывать суда, принадлежащие неприятельской державе, а также обязывающий предоставлять их адмиралтейскому суду для признания призом и продажи.

83

Индепенденты – политическая партия, выражавшая интересы радикального крыла буржуазии и нового дворянства. Как политическая партия возглавила восстание против абсолютизма Стюартов.

84

В Англии традиционно считается, что события 1642–1649 годов надо трактовать как английскую гражданскую войну.